

17/2

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВЫПУСК 2

1976

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Год основания
журнала 1957
Год основания
серии 1963

Периодичность журнала
15 номеров в год
Периодичность серии
3 номера в год

№ 6 (261)
Вып. 2

Май
1976

СОДЕРЖАНИЕ

- Б. Л. Лавровский, В. М. Масаков. Интенсификация и резервы использования производственных мощностей в промышленности 3

МАТЕРИАЛЫ ХХIII МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

- И. П. Герасимов. Научная программа XXIII Международного географического конгресса 11
И. Гамильтон. Современные исследования по географии промышленности и задачи рабочей группы МГС 14
М. К. Бандман. Связь задач размещения и миграции промышленности с задачами оптимизации структуры территориально-производственных систем 24
Д. Бора. Изменения в пространственной структуре венгерской промышленности и факторы ее размещения 28
Дж. Бриттон. Иностранные собственность и деловые услуги фирм в Канаде 32
С. Буасье. Теория и стратегия поляризованного развития в Латинской Америке 33
Дж. Караска. Пространственная структура организации промышленности 38
Д. Кибла. Миграция промышленности в Великобритании 40
Х. Коль. Вопросы комплексного развития старых промышленных районов в социалистических странах: опыт ГДР 44
Б. Кортус, Л. Пакула. Тенденция пространственного развития и производственные связи Верхне-Силезского промышленного района 48
А. Кукальски. Некоторые вопросы размещения промышленности, индустриализации и регионального развития 51
Т. Лиевски. Окружающая среда и развитие промышленности в Польше 55
Г. Линг. Размещение промышленности Австралии 59
К. Мурата. Региональная агломерация и социальные издержки 63
П. Оделя. Запасы нефти и газа в Северном море и размещение промышленности Западной Европы 67
Дж. Оньемелукве. Миграция промышленности в Западной Африке 74
К. Прэш. Многонациональные компании: территориальная структура и влияние на промышленность 77
М. Тейлор. Сбытовые связи оклендских фирм 81
Г. Тёрникуист. Пространственная структура шведской промышленности 85
К. Уоррен. Территориально-производственные комплексы и региональная политика: опыт Британии 90
М. Чандхури. Миграция промышленности в Индии 94
Б. Янг. Исследования по географии промышленности в Южной Африке 97

ЭКОНОМИКА

- В. Н. Высоцкий, А. Я. Яковсон. О зарубежных концепциях поляризованного развития 100

ИСТОРИЯ

- И. В. Блинов. Вооруженные восстания 1905 г. в Сибири в советской историографии 107
Л. Т. Андреева. Стихотворная сатира в юмористических журналах Сибири периода первой русской революции 115
Г. И. Андреев. 1905 год на КВЖД 122

АРХЕОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.

В. Е. Ларичев, И. П. Ларичева. Палеонидейская гравюра мамонта на пластине из Делавэра (Северная Америка)	126
Е. А. Окладникова. Искусство палеолита Евразии и проблема происхождения американского человека (О работе П. Баш-Гимпера «Происхождение охотников Америки в свете новых аспектов палеолита Евразии»)	141
ФИЛОСОФИЯ	
В. Н. Карпович. Остенсивные определения в языке наблюдения	147
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
С. Ф. Орлянский, Н. Я. Гущин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941 гг.)	151
Б. М. Шерешевский. Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР	153
В. В. Петров, В. В. Целищев. Современное состояние философской мысли в Финляндии	154

**ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

№ 6, вып. 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

Б. Л. ЛАВРОВСКИЙ, В. М. МАСАКОВ**ИНТЕНСИФИКАЦИЯ И РЕЗЕРВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

С увеличением масштабов общественного производства проблема темпов роста приобретает особо важное значение. Возрастает роль качества продукции и услуг в удовлетворении потребностей общества, повышаются требования к ускорению роста производительной силы труда. В отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев в сжатой форме выразил суть предстоящего этапа экономического развития, назвав десятилетнюю пятилетку пятилеткой эффективности и качества.

В современных условиях возможности расширения производства преимущественно за счет экстенсивных источников существенно ограничены: сокращается приток дополнительной рабочей силы в народное хозяйство, приходится вовлекать в разработку источники природного сырья в труднодоступных районах. Основным фактором экономического роста в этих условиях становится увеличение выпуска продукции с каждой единицы производственных ресурсов благодаря более рациональному их использованию, а также создание новых высокопроизводительных видов ресурсов. На XXV съезде КПСС А. Н. Косыгин, характеризуя десятилетнюю пятилетку как важный этап в создании материально-технической базы коммунизма, совершенствовании общественных отношений и формировании нового человека, подчеркнул: «Это период усиления интенсификации общественного производства»¹. В связи с этим, особую актуальность приобретают теоретические исследования вопросов интенсификации под углом зрения повышения эффективности производства. Остановимся на некоторых из них.

Прежде всего рассмотрим основные понятия, характеризующие количественную сторону процессов производства: производительную силу труда, интенсивность живого труда, совокупное рабочее время, количество работников, занятых данным видом производственной деятельности. Труд, затрачиваемый на изготовление единицы продукции некоторого вида, состоит из труда, переносимого со средств производства и вновь добавляемого всеми работниками за время, необходимое для изготовления этой единицы продукции. В свою очередь, труд, переносимый со средств производства и вновь добавляемый при изготовлении единицы продукции, складывается из количества простого труда с соответствующим коэффициентом сложности труда, овеществленного в средствах труда; количества простого труда с соответствующим коэффициентом сложности труда, овеществленного в предметах труда, и количества простого труда с соответствующим коэффициентом сложности труда, вновь добавляемого в данном процессе производства. При этом число работников и время, необходимые для изготовления единицы

© Издательство «Наука»,
«Известия Сибирского отделения АН СССР», 1976 г.

¹ А. Н. Косыгин. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы.—«Правда», 1976 г., 7 марта.

продукции, суть функций от уровней сложности труда, овеществленного в средствах труда и вновь добавляемого. Тогда в течение некоторого времени, например одного года, производство можно наращивать несколькими способами, используя в конкретных ситуациях или один какой-то способ или их сочетания друг с другом. Рассмотрим каждый способ расширения производства в отдельности.

Рост производства продукции некоторого вида возможен на основе:

- 1) увеличения числа работников, занятых производством продукции, при неизменных сложности труда (овеществленного и живого), интенсивности живого труда и затратах совокупного рабочего времени;

- 2) увеличения совокупного рабочего времени, затрачиваемого на производство продукции данного вида в течение года, при постоянных численности работников, сложности и интенсивности труда;

- 3) увеличения интенсивности живого труда с ростом расходов средств производства при неизменных сложности труда, общей численности работников в отрасли и затратах совокупного рабочего времени;

- 4) снижения (увеличения) затрат труда за счет изменения сложности труда (овеществленного и живого) при неизменных интенсивности труда, численности работников и затратах совокупного времени.

Первый способ наращивания производства является источником чисто экстенсивного роста, возможности которого ограничены наличием резервной рабочей силы. Второй и третий способы занимают промежуточное положение, поскольку могут выступать в качестве и интенсивного и экстенсивного фактора или того и другого одновременно. Оба способа представляют собой источник интенсивного развития в том случае, если их реализация ускоряет оборачиваемость основных фондов в пределах, определяемых сроком морального и физического износа средств труда.

В современных условиях, когда сроки морального износа оборудования быстро сокращаются, значение обоих способов возрастает. Однако нельзя не видеть границ увеличения времени и интенсивности использования оборудования в единицу времени, что определяется наличием свободной рабочей силы для второй и третьей смен, общественно-normalным уровнем интенсивности труда.

Наиболее предпочтителен четвертый способ, дающий эффект в виде роста продукции на единицу затрат живого и овеществленного труда и в виде высвобождения работников или сокращения рабочего дня в данном процессе производства. Это чисто интенсивный способ развития данного вида производственной деятельности. Вместе с тем его реализация предполагает использование экстенсивных способов в других видах деятельности, обеспечивающих повышение сложности труда в данном производстве. Для этого необходимы развитие отраслей, доставляющих прогрессивные виды средств производства, квалифицированная рабочая сила, а также передовые системы управления производством.

Таким образом, если чисто экстенсивный тип расширенного воспроизведения в масштабе народного хозяйства принципиально возможен на практике (в определенных пределах), то полностью интенсивный тип воспроизводства практически недостижим. Реальная тенденция состоит в увеличении доли интенсивных факторов в расширении производства.

Представим совокупный выпуск продукции в зависимости от рассмотренных выше факторов: производительной силы труда ($P_j(t)$), интенсивности труда ($P_{vj}^n(t)$), совокупного рабочего времени (r_j) и численности работников (\bar{L}_j), занятых деятельностью j .

$$\Pi_j^t = f(P_j(t), P_{vj}^n(t), \bar{r}_j, \bar{L}_j(t)) \text{ при}$$

$$D_{vj}^0(t) \leq D_{vj}(t) \leq D_{vj}^*(t), \bar{r}_j \leq \bar{r}_j^*,$$

где $D_{vj}^0(t)$ — фактический уровень интенсивности труда; $D_{vj}^*(t)$ — нормальный уровень интенсивности труда на интервале $[t, t+\Delta t]$; \bar{r}_j^* — оптимальный уровень совокупного рабочего времени на интервале $[t, t+\Delta t]$. Тогда приращение производства за счет изменения факторов p, D, \bar{r} и \bar{L} выразится полным дифференциалом

$$d\Pi_j = d_p \Pi_j + d_D \Pi_j + d_{\bar{r}} \Pi_j + d_{\bar{L}} \Pi_j.$$

Изменения переменных p, D, \bar{r} и \bar{L} в сторону увеличения рассматриваются здесь как независимые события.

Тогда условие $d_p \Pi_j + d_D \Pi_j + d_{\bar{r}} \Pi_j > d_{\bar{L}} \Pi_j$ выражает преобладание интенсивных факторов в приросте производства продукции j . Оно означает, что прирост продукции получен преимущественно путем увеличения производительной силы труда, которая определяется изменением сложности труда, интенсивности живого труда и совокупного рабочего времени в пределах их оптимальных верхних границ, а не путем роста общей численности работников.

В масштабе народного хозяйства преобладание интенсивных факторов означало бы повышение благосостояния народа в основном благодаря росту среднего уровня сложности труда (овеществленного и живого), что выражается в увеличении производительной силы труда. Иными словами, речь идет о более быстром росте потребительских стоимостей по сравнению с наращиванием совокупных затрат сложного вещественного и живого труда. Опережающий рост потребительских стоимостей свидетельствует о том, что человек как носитель все более сложного труда берет на вооружение новые источники сил природы, несравненно более мощные, чем ранее им использовавшиеся.

Например, с овладением термоядерной энергией человечество пополнит свой энергетический арсенал поистине безграничным по мощности и потенциальным возможностям источником энергии.

Создание принципиально новых технологических систем и средств управления ими, базирующихся на открытиях наук, представляет генеральное направление в совершенствовании производительных сил общества. В докладе А.-Н. Косыгина указывалось на необходимость «продолжить работы по созданию законченных систем машин и приборов, позволяющих комплексно механизировать и автоматизировать весь технологический цикл — от поступления сырья до отгрузки готовой продукции»².

Всевозрастающее значение приобретает повышение квалификации работников, занятых в народном хозяйстве и обеспечивающих развитие науки и техники, а также технологическое применение полученных достижений. Особенно актуальна эта проблема в связи с возрастанием роли качества продукции в решении задач наиболее полного удовлетворения производственных и непроизводственных потребностей общества. Сегодня вопросам повышения квалификации уделяется большое внимание. Об этом можно судить по темпам прироста в народном хозяйстве специалистов с высшим и средним специальным образованием. Так, с 1917 по 1974 г. было подготовлено примерно 31 млн. специалистов. За четыре года девятой пятилетки их число выросло на 7,2 млн., а в десятой пятилетке запланирован прирост на 9,6 млн. специалистов. Число квалифицированных рабочих в 1976—1980 гг. увеличится на 11 млн. чел.

Немаловажную роль играет максимальное использование научно-технического потенциала. Решение этих задач существенно зависит от подготовленности производственной сферы к восприятию новшеств, а также от заинтересованности коллективов в их внедрении. Учитывая, что многие направления интенсификации имеют межотраслевой ха-

² «Правда», 1976 г., 7 марта.

тер, необходимо усилить централизованное управление научно-техническим прогрессом. В то же время большие резервы интенсификации производства имеются на предприятиях, в связи с чем возрастает роль инициативы низовых хозяйственных звеньев в совершенствовании производства.

Поскольку действие экстенсивных и интенсивных факторов в реальной экономике взаимообусловлено, разграничить их влияние на конечные результаты можно лишь условно. Для измерения процессов интенсификации в народном хозяйстве используют показатели производительности труда, материаляемости и фондоемкости продукции³. Так, благодаря повышению производительности труда в десятой пятилетке должно быть получено 85—90% прироста национального дохода, 90% прироста промышленной продукции, весь прирост продукции сельского хозяйства и не менее 95% прироста объема перевозок на железнодорожном транспорте. Об усилении роли интенсивных факторов в десятой пятилетке свидетельствуют следующие данные.

Рост производительности труда (в %)

Отрасль	Девятая пятилетка	Десятая пятилетка
Промышленность	34	30—34
Сельское хозяйство	22	27—30
Строительство	29	29—32

При этом наиболее быстрыми темпами производительность труда будет расти в газовой промышленности (43—45%), химической и нефтехимической (59—61%), машиностроении и металлообработке (50%).

Важнейший резерв повышения производительности труда в народном хозяйстве связан с комплексной механизацией и автоматизацией ручного труда во вспомогательных цехах, на разгрузочно-погрузочных работах, транспортно-складских операциях. В этих сферах доля затрат ручного труда еще значительна. Необходимо ускорять темпы механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства, особенно животноводства. Данные об урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства свидетельствуют об углублении процессов интенсификации в сельском хозяйстве.

Урожайность основных сельскохозяйственных культур (в среднем годовом исчислении, ц/га)

Культура	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.	1971—1974 гг.
Зерновые	10,2	13,7	15,6
Хлопчатник	20,6	24,1	27,4
Подсолнечник	11,2	13,2	13,5
Овощи	116	132	137

Продуктивность животноводства и птицеводства

	1965 г.	1970 г.	1974 г.
Надой молока (кг)	2002	2312	2409
Получено яиц от одной несушки (шт.)	132	166	191

Значительное наращивание производства минеральных удобрений, которое предусмотрено на 1976—1980 гг., послужит дальнейшему повышению урожайности и продуктивности сельского хозяйства.

Другое важное направление интенсификации — снижение затрат сырья и материалов на единицу конечных видов продукции. По некоторым оценкам, возможно снижение расхода материалов в целом по

³ См. К. К. Вальтух и др. Проблемы интенсификации общественного производства в СССР (сущность, измерение, некоторые тенденции и резервы). — В кн.: Народнохозяйственные модели. Тенденции развития экономики СССР. Новосибирск, «Наука», 1974.

народному хозяйству на 30—40%. В десятой пятилетке экономия материалов в машиностроении и металлообработке должна составить 14—16%, в строительстве 5—7%.

Среди мер по повышению эффективности производства особое место занимают мероприятия, направленные на повышение фондоотдачи. Рассмотрим в данной связи задачи улучшения использования действующих производственных мощностей.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев подчеркнул: «...считаем важным перенести упор на более полное использование действующего оборудования, уже созданных мощностей. Это и есть линия на интенсификацию народного хозяйства»⁴.

В десятой пятилетке намечается значительное улучшение использования капитальных вложений. Об этом свидетельствует соотношение темпов роста национального дохода и капитальных вложений в народное хозяйство. Если в девятой пятилетке один процент прироста национального дохода обеспечивался за счет 1,5% прироста капитальных вложений, то в новом пятилетии будет обеспечиваться приблизительно за счет 1%.

На XXV съезде партии проблемам планирования и рационального использования капитальных вложений уделялось большое внимание. Указывалось, что капитальные вложения должны выделяться министерствами и ведомствами не вообще, не под новые объекты, а под запланированный прирост продукции. При этом средства в первую очередь должны направляться на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий.

В связи с этим целесообразно, по нашему мнению, повысить значение в практике плановой работы балансов производственных мощностей. В таких балансах в явном виде отражаются резервы улучшения использования уже имеющихся мощностей, а также возможности увеличения мощностей путем проведения организационно-технических мероприятий. Среди них механизация и автоматизация производственных процессов, совершенствование действующих и внедрение новых технологических процессов, модернизация и замена устаревшего оборудования, дополнительная установка нового оборудования на действующих производственных площадях. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» отмечается необходимость обеспечения сбалансированности планов на основе совершенствования системы натуральных и стоимостных балансов, балансов производственных мощностей и трудовых ресурсов.

Методам совершенствования планирования мощностей с использованием модели межотраслевого баланса производственных мощностей, в которой увязываются балансы мощностей с системой материальных и трудовых балансов, посвящен ряд работ⁵.

Представляет интерес анализ процессов интенсификации использования производственных мощностей в промышленности в девятой пятилетке на основе плановых и отчетных балансов производственных мощностей. Анализ пятилетнего плана использования мощностей за 1971—1975 гг. проведен по 70 важнейшим видам продукции 17 министерств и ведомств. Планом предусматривалось более полное использование мощностей в 1975 г. по сравнению с 1970 г. по большинству видов продукции. Только по 18 видам из 70 намечалось некоторое снижение уровня использования мощности.

⁴ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — «Правда», 1976 г., 25 февраля.

⁵ См.: Межотраслевой баланс производственных мощностей. М., «Экономика», 1972; Н. Н. Барышников, Б. Л. Лавровский, В. М. Масаков, П. А. Чеховская. Межотраслевой баланс в планировании производственных мощностей. — «Экономика и организация промышленного производства», 1976, № 3.

Превышение темпов прироста продукции над темпами прироста мощностей характерно для некоторых машиностроительных отраслей. Например, средний уровень использования мощностей в химическом и энергетическом машиностроении повышался примерно на 7,5 пункта, в приборостроении — на 4,3 пункта. Вместе с тем в сельскохозяйственном машиностроении, станкостроительной и электротехнической промышленности сколько-нибудь значительного повышения уровня использования мощностей не наблюдалось. Значительно возрастила степень использования мощностей в отдельных отраслях химической промышленности (в частности, в производстве минеральных удобрений) — на 8,5 пункта, в бумажной промышленности — на 6; в легкой — на 7,5 пункта, в отдельных отраслях пищевой и мясо-молочной промышленности. Незначительно увеличивался, а кое-где уменьшался процент использования мощностей в черной металлургии, лесной промышленности, автомобильной; производстве строительных материалов.

Планом предусматривалось значительное увеличение использования «старых» мощностей, действовавших до первого января 1971 г., практически по всем видам продукции. Уровень использования мощностей приближался здесь в 1975 г. в подавляющем большинстве случаев к 100%. По многим видам продукции уровень использования мощностей год от года изменялся и мог быть то положительным, то отрицательным. По очень незначительным видам продукции намечался рост этого показателя все пять лет. Примерно по 30 видам продукции в четыре года из пяти наблюдалось увеличение процента использования мощностей. В то же время для мощностей, действовавших до 1 января 1971 г., типичным был монотонный рост степени их использования по годам пятилетки.

Возможность более полного использования мощностей в 1975 г. по сравнению с 1970 г. зависела от состояния резервов мощностей в базовом году, а также от доли в общем увеличении мощностей за пятилетие тех фондов, которые были введены в действие до 1 января 1971 г.

Эта доля колеблется по разным отраслям. Она значительна в черной металлургии, химическом и энергетическом машиностроении, в приборостроении, станкостроении, в производстве строительных материалов, в легкой и пищевой промышленности, а также в отдельных отраслях электротехнической, бумажной и мебельной промышленности. Относительно мала она в большинстве отраслей химической промышленности, в автомобильной промышленности, сельскохозяйственном машиностроении.

	Отношение прироста продукции, произведенной на фондах, введенных в действие до 1/1 1971 г., к общему приросту продукции за пятилетие, %	Отношение прироста мощностей, осуществляемых на фондах, введенных в действие до 1/1 1971 г., к общему приросту мощностей за пятилетие, %
Минчермет	41	30
Минхимпром	24	10*
Минбумпром	38	25**
Минстройматериалов	30	20
Минэлектротехпром	46	30
Минхиммаш и Минэнерго	63	37***
Минстанкпром	36	20
Минприбор	58	41
Минсельхозмаш	37	11
Минавтопром	10	4
Минлеспром	70	56
Минпищепром и Минмясомолпром	42	25****

* — без серной кислоты; ** — без картона;
*** — без паровых котлов; **** — без сахара-песка.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии резервов мощностей к 1970 г. и возможностях их использования в плановом периоде. При этом чем больше резервы мощностей, тем, как правило, значительное превышение доли в приросте продукции над долей в приросте мощностей. Например, внутри химической промышленности наибольший резерв характерен для производства минеральных удобрений. Здесь на 1% прироста мощностей приходится 2,7% прироста продукции. Меньший резерв отмечен в исходных (первичных) отраслях химической промышленности (серная кислота, сода каустическая и кальцинированная, синтетический аммиак): в них на 1% прироста мощностей приходится приблизительно 1,7% прироста продукции.

Прирост мощностей за пятилетие, приходящийся на «старые» фонды, зависит от динамики увеличения продукции. Например, планируемый высокий темп роста производства легковых автомобилей неизбежно требовал нового строительства.

Высокая эффективность прироста мощностей на фондах, введенных в действие до 1 января 1971 г., подтверждается тем, что этот прирост в подавляющем числе случаев на 100% осуществлялся в плане благодаря проведению организационно-технических мероприятий.

Анализ показал, что планом предусматривались серьезные мероприятия по интенсификации использования мощностей. Это стало возможным благодаря имеющимся на начало периода резервам мощностей в некоторых отраслях промышленности.

Исследование фактического развития производственного потенциала выявило тенденции к усилению процессов интенсификации использования мощностей.

Во многих отраслях превышение темпов прироста продукции над темпами прироста мощностей было даже более высоким, чем предусматривалось пятилетним планом. Это характерно для черной металлургии, химической промышленности, промышленности строительных материалов, отдельных отраслей машиностроения. В некоторых отраслях легкой промышленности, в частности в производстве верхнего и бельевого трикотажа, это особенно заметно.

Конечно, здесь необходимо отметить, что планы ввода в действие мощностей были выполнены не везде. Это, естественно, отразилось на абсолютных масштабах прироста производства. Отсюда следует: нельзя рассматривать проблемы интенсификации использования мощностей в отрыве от вопросов экономического роста.

Выполнение планов выпуска продукции при неполном осуществлении планов ввода в действие мощностей возможно, во-первых, за счет использования накопленных к началу периода резервов, во-вторых, за счет уменьшения масштабов выбытия мощностей. Впрочем, последнее обстоятельство может оказаться отрицательно на темпах перевооружения отраслей новой техникой.

В заключение следует сказать, что в настоящей статье не ставилась задача осветить сколько-нибудь полно круг вопросов, связанных с проблемами интенсификации общественного производства. В ней лишь сделана попытка рассмотреть в общем виде проблему интенсификации, акцентируя внимание на значении факторов сложности и качества труда, а также роли отдельных направлений интенсификации на современном этапе. Так как доля экстенсивных факторов роста в части затрат овеществленного труда остается еще пока довольно значительной, что выражается в высокой фондаемости и материалоемкости продукции, особое внимание должно бытьделено вопросам совершенствования планирования капитальных вложений. Необходимо повысить уровень обоснования плановых решений в области капитального строительства путем соизмерения затрат капитальных вложений, обеспечивающих экономию материальных ресурсов, с затратами на расширение

их выпуска, затрат капитальных вложений в новое строительство — с затратами на реконструкцию действующих предприятий.

В связи с этим, на наш взгляд, должна быть повышена роль отчетных и плановых балансов производственных мощностей в системе балансовых расчетов выпуска продукции, что будет способствовать повышению уровня сбалансированности планов. Проведение в рамках такой системы вариантовых расчетов с привлечением расчетов текущих и перспективных направлений технического прогресса даст возможность выбирать наилучшие пути развития народного хозяйства на перспективу.

Институт экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Новосибирск

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 6, вып 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

В июле — августе этого года в СССР состоится XXIII Международный географический конгресс. Один из симпозиумов, входящих в его программу, — симпозиум Рабочей группы по географии промышленности, проводится в Новосибирске. Ниже публикуются вступительная статья председателя Оргкомитета конгресса, директора Института географии АН СССР акад. И. П. Герасимова и обобщающий доклад председателя Рабочей группы по географии промышленности Международного географического союза (МГС) И. Гамильтона. Затем печатаются в сокращенном виде доклады полных членов и членов-корреспондентов рабочей группы (в алфавитном порядке), которые представляют 16 стран. Всего в рабочую группу входит 25 исследователей из 19 государств. Редакция не разделяет некоторые положения, содержащиеся в отдельных докладах. На симпозиуме они будут обсуждены.

Переводы с английского, испанского и французского языков выполнены в Новосибирске и частично отредактированы канд. наук Б. П. Кутыревым.

И. П. ГЕРАСИМОВ
СССР

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА ХХIII МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

В 1976 г. в нашей стране будет проходить ХХIII Международный географический конгресс.

Такие конгрессы проводятся каждые 4 года (за исключением военных лет) и представляют собой, как правило, крупные международные собрания, привлекающие большое внимание мировой общественности. Это вызывается прежде всего разносторонней научной проблематикой конгрессов (природа и естественные ресурсы; экономика и культура; население мира и отдельных стран), а также широким показом на каждом из них и во время экскурсий научных, социально-экономических и политических особенностей и достижений страны — хозяина очередного конгресса.

Девиз конгресса в Москве — «Научно-техническая революция и география». В соответствии с ним в научной программе конгресса основное внимание намечено уделить анализу влияния научно-технической революции на дальнейшее использование естественных ресурсов, на преобразование и защиту окружающей среды, проблемам регионального развития, географического размещения промышленности и сельского хозяйства, урбанизации современной жизни и рекреации населения.

Современный этап научно-технической революции характеризуется не только быстрыми темпами роста общественного производства и потребления, усилением их концентрации в крупных промышленных районах и городских агломерациях; усложняется взаимодействие общества с окружающей средой в связи с резким увеличением размеров использования естественных ресурсов, огромным накоплением отходов производственной деятельности и так называемыми процессами повсеместной урбанизации.

По общему масштабу своего воздействия на облик Земли деятельность человека превращается в мощный геологический фактор. Бурное развитие энергетики все более ощутимо влияет на естественный тепловой баланс крупных городов и промышленных центров; возникает угроза общего теплового перегрева земной атмосферы, существенного

изменения ее газового состава и нарушения озонового экрана с далеко идущими климатическими и другими последствиями для всех живых существ.

Вокруг этих жизненно важных проблем развернулась идеологическая борьба между сторонниками марксистского и антимарксистского подхода к их разрешению.

Следовательно, пути наиболее рационального использования природных и трудовых ресурсов общества, научно обоснованного планирования производственной и непроизводственной общественной деятельности, систем городского и сельского расселения, охраны и улучшения природной среды приобретают первостепенное социально-экономическое и политическое значение.

Естественно, сложные и многосторонние современные проблемы окружающей среды должны быть предметом междисциплинарных научных разработок. Для их исследования необходимо тесное взаимодействие естественных, технических и социальных наук. При этом, поскольку окружающая среда единица и целостна и ее устойчивое состояние поддерживается системой динамически сбалансированных равновесий между естественными компонентами и антропогенными воздействиями, огромное значение в ее изучении должно принадлежать комплексному, интегральному научному подходу. И здесь важнейшая роль принадлежит современной географической науке.

К этому имеются объективные предпосылки. Географическая наука на всех этапах своего развития занималась изучением и описанием природных условий и ресурсов, хозяйственной деятельности населения, местных особенностей окружающей среды и ее изменений. В географии уже давно сформировались естественно-историческая и социально-экономическая ветви (физическая и экономическая география), которые тесно взаимодействовали и синтетически обобщались в региональных исследованиях и в страноведении. С начала своего развития и по сей день география тесно связана с запросами практики, с обслуживанием общественного производства, с внутренней и внешней политикой.

Ныне же обогащаемая новыми подходами и методами, движимая вперед все возрастающими запросами общественной практики система географических наук вместе с другими науками на новой методологической основе должна быть в максимальной степени включена в разработку крупномасштабных задач современности, в создание крупнейших проектов охраны и преобразования природы, rationalного развития хозяйства и наиболее целесообразного расселения населения на обширных территориях. Первостепенное значение приобретают оценки географических последствий (позитивных и негативных) осуществления крупных технических мероприятий, основанных на использовании новых источников энергии и новейшей техники и оказывающих возрастающее воздействие на окружающую среду.

Проведение Международного географического конгресса в СССР предоставит возможность иностранным ученым воочию убедиться в гигантских технических, социальных, экономических и культурных достижениях народов Советского Союза. Конгресс поможет показать очевидное преимущество социалистической системы в решении таких острых проблем современного мира, как пути rationalного использования естественных ресурсов, охраны и преобразования окружающей среды, территориальной организации хозяйства, обеспечения наилучших условий жизни населения, международного экономического и культурного сотрудничества. В этой связи нужно отметить тесное сотрудничество ученых социалистических стран в разработке основных теоретических и практических задач географической науки.

В работе XXIII Международного географического конгресса предусматриваются три главных этапа: 1) 30 научных симпозиумов посто-

янных комиссий и рабочих групп Международного географического союза (МГС) в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других городах, где имеются местные научные географические центры; 2) проведение основной программы в Москве; 3) географические экскурсии по территории СССР для зарубежных участников по окончании конгресса.

По установившейся традиции географических конгрессов симпозиумы предоставляют возможности для тематических научных дискуссий на основе осмотра объектов. На конгрессе в СССР симпозиум Ко-миссии МГС «Человек и среда» намечено провести в ходе экскурсии по Дону и Волге, с осмотром системы крупных водохранилищ, Жигулевского заповедника и обсуждением проблем «Комплексное использование великих рек мира», «Национальные парки и заповедники» и др. Симпозиум по географии промышленности предполагается провести в Новосибирске с обсуждением темы «Оптимизация территориально-производственных систем» и посещением крупных промышленных комплексов — Братска и др. Симпозиумы по географии сельского хозяйства состоятся на Украине с осмотром аграрно-промышленных комплексов; по проблемам развития районов с экстремальными природными условиями — в Иркутске и Якутске; по опустыниванию аридных областей — в Ашхабаде с посещением Каракумов (Репетек); по проблемам урбанизации, географическому образованию, географии полярных стран и истории географической мысли — в Ленинграде, на базе Географического общества СССР; по сбору и обработке географических данных, количественным методам в географии и некоторые другие — в Москве, по национальным и региональным атласам — в Ереване, по прикладной географии — в Тбилиси.

Основная программа работы конгресса в Москве предусматривает проведение заседаний 10 традиционных научных секций, 5 общих (plenарных) симпозиумов и 3 методических семинаров.

Темы пленарных научных симпозиумов: научные прогнозы антропогенного преобразования и охраны окружающей среды; научные основы развития регионов и аридного размещения производства; географические аспекты урбанизации и планирования развития городов; задачи географической науки в условиях научно-технической революции; международное сотрудничество географов. Введение в программу работ международных географических конгрессов пленарных общенациональных симпозиумов в значительной мере ново. Они будут проведены на основе специально подготовленных и заранее опубликованных научных докладов.

Основные темы научно-методических семинаров конгресса: моделирование природных и природно-технических систем; моделирование территориально-производственных комплексов; создание географических информационных систем. Работа этих семинаров будет проводиться также на основе заранее подготовленных докладов советских и зарубежных специалистов — коллективов географов, уже добившихся определенных результатов по указанным методическим проблемам.

Сразу после географического конгресса в Москве будет проходить конференция Международной картографической ассоциации. Она открывается одновременно с заключительным пленарным заседанием конгресса. Тем самым подчеркивается традиционная плодотворная взаимосвязь обоих международных форумов, постоянные творческие связи географов с картографами.

В заключение подчеркнем, что и советская и вся мировая географическая наука заинтересованы в том, чтобы XXIII Международный географический конгресс имел этапное значение в развитии географии. Это определяется новыми задачами по интегральной научной разработке проблем окружающей среды, эффективного использования естествен-

ных ресурсов, рационального размещения и развития производительных сил, создания благоустроенных городов и населенных пунктов.

Перед нашей географической наукой открываются новые возможности и перспективы дальнейшего развития, связанные с ответственными конструктивными разработками по наиболее важным и крупным научным проблемам современности.

И. ГАМИЛЬТОН (I. HAMILTON)

Великобритания

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГЕОГРАФИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ МГС

Анализ современных направлений и проблем развития мировой промышленности, ее размещения показывает, что создание Рабочей группы по географии промышленности в 1972 г. на XXII Международном географическом конгрессе в Монреале (Канада) было весьма своевременным. Причин здесь несколько. Во-первых, в большинстве государств мира индустриализация рассматривается как средство политики экономического развития и катализатор социального прогресса.

Во-вторых, в течение ряда десятилетий анализ размещения промышленности находился в незавидном состоянии, предопределенном узостью традиционных веберовских представлений. В-третьих, новые тенденции в анализе давно требуют управления и руководства на международном уровне.

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПОТРЕБНОСТЬ В НОВЫХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Большинство исследований по проблеме размещения промышленности в XX в. было направлено на теоретический и эмпирический анализ факторов, объясняющих выбор пункта размещения для новых предприятий обрабатывающей промышленности. Выдающиеся теоретические работы, в основном немецких экономистов, особенно Луангартса и Вебера, оказали большое воздействие на последующие труды Паландера в Швеции, Гувера, Изарда и Гринхаута в США, а в некоторой степени и на идеи советских ученых. Географы применяли модель Вебера к анализу либо экономических факторов, в явном виде объясняющих размещение новых предприятий, либо географического распределения отдельных отраслей промышленности на местном, региональном, национальном или международном уровнях. В результате в 30-х — середине 60-х годов изучение факторов размещения стало центральной темой географии промышленности.

Появление «новой географии» и все большее применение статистических методов позволили добиться некоторого прогресса, особенно начиная с 50-х годов. Были введены понятия «рыночного потенциала» (Харрис) и «пространственных пределов рентабельности» (Смит). Применение линейного программирования способствовало дальнейшему развитию идеи Вебера о распределении *m* предприятий (или разме-

ров предприятий, т. е. производственной мощности) между *n* пунктами размещения (городами или районами). Сочетание экономики, статистики и географии привело к развитию региональной науки, главным образом в Северной Америке. Однако влияние региональной науки на анализ размещения промышленности было ограничено. Это связано, по-видимому, с тем, что она выросла из теоретической работы Изарда по размещению промышленности, который применил веберовский подход. Большой успех принесло использование метода затрат — выпуска, особенно при анализе межотраслевых связей в масштабе районов и метрополий (Караска, Кекелидзе). Исследования советских ученых привели к дальнейшему развитию этого метода, в частности к построению с его помощью межрайонных межотраслевых моделей и моделей территориально-производственных комплексов (Гранберг, Николаев, Баранов, Бандман).

Необходимость новых подходов к проблеме размещения промышленности была признана в ответ на некоторые перемены, с одной стороны, в науке, с другой — в промышленности. Изменяются связи экономики с другими общественными науками, среди которых первая длительное время занимала доминирующее положение при анализе размещения промышленности. Такой анализ проводился в основном в экономико-математической форме, причем использовался лишь микроэкономический подход, отождествляющий фирму с фабрикой. Географы, попавшие под влияние экономистов, в своих исследованиях по размещению промышленности также забыли о социальных переменных. Повышенное внимание экономистов к «процессу» и географов к «месту» преобладало слишком долго и привело к игнорированию «структурь».

За последнее десятилетие, однако, одностороннее вытягивание экономических факторов заменяется комплексным подходом, связанным с возрастающими теоретическими, методологическими и эмпирическими разработками, которые опираются на исходные посылки социологии, психологии, а также учитывают факторы политики и международных отношений. И внутри самой экономики произошли перемены, в частности в области макроэкономики. Благодаря им географы уже более правильно подходят к проблемам размещения промышленности.

В свете классической теории размещения промышленности человек при выборе пункта размещения фактически играл роль компьютера, находящего оптимальное решение с помощью чуткого реагирования на изменения окружающей среды, причем последняя мыслилась как чисто экономическое понятие.

Современный подход отвергает этот взгляд, целиком признавая важность культурного, политического, психологического и социального поведения человека при принятии экономических решений. Это приводит к глубоким последствиям. Признается, что неэкономические факторы и условия могут сузить и модифицировать протекание экономических процессов. Понятие оптимального экономического размещения как цель для принимающих решения отбрасывается в пользу понятия удовлетворительного размещения, которое отвечает требованиям как экономического, так и неэкономического характера. Большое значение придается восприятию окружающей среды лицами, принимающими решения, которое определяет характер информации об этой среде. Таким образом, мнение о том, что объективно существующая окружающая среда неизбежно определяет выбор размещения, отвергается. Восприятие среды, а также сбор, обработка и использование информации — эти функции неизбежно меняются во времени.

Традиционный веберовский подход был правильным в то время, когда хребет капиталистической промышленности составляли мелкие фирмы, состоящие из одного предприятия, и когда техника и экономическая организация были довольно примитивными. Происшедшие за

последние 50 лет перемены потребовали радикальной переоценки классической теории размещения промышленности. К этим переменам относятся: массовое производство и в связи с ним рост размеров промышленных предприятий; рост капиталоемкости (инвестиционных потребностей) промышленности; перерастание фирм и промышленных организаций из «однопродуктовых — однозаводских» в «многозаводские», «многофункциональные» и часто «многонациональные» корпорации, интегрирующие хозяйственную деятельность, начиная с первичной формы и кончая третичной и четвертичной; создание в каждой фирме комплексной административной организации для принятия долгосрочных и краткосрочных решений и переработки возрастающего потока информации, связанного с увеличивающимся количеством функционирующих объектов; все больший рост обрабатывающей промышленности и все большие изменения уже освоенных, а не новых площадок с увеличением числа индустриализированных стран; возникновение социалистических государств, выпускающих две пятых мировой промышленной продукции, где решения принимаются во взаимодействующей совокупности централизованных и децентрализованных организаций.

Организация и цели планирования, процессы принятия решений и формы административного воздействия — все эти аспекты влияют на пространственное развитие промышленности.

Возросшая сложность и более высокий динамизм политического, экономического и технологического окружения повысили всеобщую неопределенность, с которой сталкиваются долгосрочные, а порой и среднесрочные инвестиционные и операционные программы промышленных организаций. Это приводит к двум важнейшим последствиям: во-первых, организации получают стимул к дальнейшей диверсификации своих функций путем приобретения собственности, акций или кооперации с организациями, владеющими материалами и энергией, предоставляющими транспортные услуги, рынки, обслуживание и научные исследования; во-вторых, все большая значимость придается получению, сбору, обработке и применению информации, имеющей отношение к фактам, внутренним и внешним для организации. Все это помогает снижению неопределенности, но не устраивает ее.

Важно, чтобы изменения в области науки давали более совершенные методы для анализа и понимания значимости изменений в области промышленности. Ныне в географии промышленности главное внимание обращается на следующее: модификацию традиционного подхода к проблеме размещения промышленности; пространственную форму и функционирование промышленных организаций в различных общественно-экономических системах (капиталистическая фирма или корпорация, государственное министерство, национализированная корпорация или объединения социалистических предприятий); процесс принятия решений, его пространственные характеристики и последствия; пространственную адаптацию промышленной организации во времени к изменениям внутренней и внешней окружающей среды.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА КЛАССИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ ВЫБОРА ПУНКТА РАЗМЕЩЕНИЯ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Теоретики-классики считали, что выбор пункта размещения для нового предприятия — чисто экономическая задача. По их мнению, предприниматели строили свои заводы либо там, где можно было минимизировать затраты, либо там, где можно было максимизировать при-

бы в действительности исторический процесс развития и размещения промышленности был гораздо сложнее. Обычно капиталисты открывали свои первые фабрики там, где они проживали: вопрос о выборе пункта размещения не придавалось значения. Причина этого на современном географическом языке звучала бы следующим образом: находящаяся в распоряжении капиталиста информация — о технологиях, поставщиках материалов, рынках, конкуренции — была ограничена. Окружающая (экономическая, социальная, пространственная и технологическая) среда была неопределенной. Современные исследования показывают, что неопределенность — главное ограничение окружающей среды для пространственных аспектов развития промышленности, особенно — но не только — в капиталистическом мире (Вебер). Выбор предпринимателем «родного города» для своей фабрики минимизировал неопределенность, поскольку это было место с максимальной информацией.

Таким образом, предпринимателем, открывающим промышленное производство, ставился вопрос не «где разместить», а «что производить».

Сегодня географы не могут согласиться с этой точкой зрения. Выбор того, что производить, включает выбор альтернативных пространственных связей данного пункта и является, следовательно, пространственной задачей в относительном смысле.

В ряде работ выдвигается гипотеза, что выбор капиталистами пункта размещения производился на основе одного или нескольких условий: их собственной заинтересованности в технологическом процессе или инновации, в земле и ее продуктах или в отдельных товарах; их личных контактов или знания потенциального партнера по инновации, по ресурсам или продуктам, которые можно было бы использовать в производстве; следования примеру других, удачливых предпринимателей; своего восприятия возможностей обеспечения продукцией других предпринимателей.

Те же причины могли благоприятствовать изменению пункта размещения или созданию дополнительных заводов в том же самом или на новом месте. Их важность заключается в их имманентной «определенности» как элементов информационного поля предпринимателя.

Географы не обратили внимание на значимость того факта, что предприниматели склонялись к инвестированию капитала в промышленные производства, связанные с источником этого капитала, независимо от того, что это будет: земля, полезные ископаемые, леса или торговля. Такой факт подчеркивает игнорирование фактора промышленной организации в исследованиях по размещению.

ЗНАЧИМОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Все больше фактов говорят о том, что промышленная организация играет главенствующую роль в воздействии на отдельные и агрегированные схемы размещения промышленности. Каждая организация — частное предприятие, капиталистическая корпорация или государственная отрасль — имеет собственные цели, характеристики развития, размеры, уровень зрелости, историю, номенклатуру производства, административный и стратегический аппарат и поведение. Взаимодействие этих факторов по-разному влияет на пространственную структуру активности каждой организации, каждого типа отрасли, каждого народного хозяйства.

Теоретики-классики основывали свою теорию на предположении, что каждая промышленная организация производила один продукт на одном заводе. Исходя из этого предположения, они делали вывод, что выбор места размещения был вопросом, заданным «раз и навсегда»; отсюда и их основное внимание к новым предприятиям.

Поворот к вопросам организации расширяет анализ размещения промышленности. Во-первых, вопрос о размещении ставится в рамках всей совокупности решений по инвестициям и функциям, касающимся организаций; он не отделяется от нее, как в традиционной теории. Поэтому, во-вторых, внимание акцентируется на рождении, росте, эволюции, диффузии, модификации и смерти организаций. В-третьих, в результате размещение и функционирование отдельных предприятий может быть понято адекватно только путем анализа их функционального и пространственного взаимодействия с другими производствами обрабатывающей и прочих отраслей промышленности в той же самой организации. В-четвертых, такая постановка вопроса стимулирует изучение изменяющихся функций и взаимосвязей существующих предприятий, оперативной приспособленности их к окружающей среде. В-пятых, расчищается путь для макрополитических исследований по размещению промышленности, в частности для анализа функциональных взаимосвязей между промышленными организациями, с одной стороны, и функционированием города и районных систем — с другой. Иными словами, изучение пространственной структуры промышленных организаций является основополагающим для выявления эффекта мультиплаторов и исследования полюсов роста.

Каждая организация имеет определенную форму пространственных функциональных связей. Обычно она охватывает две зоны: «ядро» и окружающую его «периферию». Эти зоны дифференцируются по уровню интенсивности взаимодействия в виде потоков материалов, услуг, информации и персонала между подразделениями организации. Чаще решения принимаются в административном центре, который располагается в «ядре». Вместе взятые «ядро» и «периферия» составляют «зону деятельности» организации. Вне ее лежит «зона возможностей», или потенциальная зона, на которую в будущем организация может распространить свою деятельность.

При этом можно выдвинуть такую гипотезу: степень определенности наших знаний относительно пригодности окружающей среды к размещению промышленности положительно коррелируется с интенсивностью информационных потоков и отрицательно — с удаленностю от административного центра организации. Эта гипотеза важна для понимания пространственной формы промышленных организаций и для прогнозирования их будущего развития.

Дальнейшие исследования по пространственным характеристикам промышленных организаций и их функционированию позволят лучше понять диффузию роста или последствия модернизации, вызываемой новыми формами пространственной организации производства. Это жизненно необходимо, особенно в связи с тем, что идея о рассредоточении (Мюрдал) эффектов мультиплаторов от полюсов роста (Перру) по городской иерархии Кристаллера подвергается написку со стороны идеи о том, что эффекты рассредоточения промышленного производства, особенно в больших городах, направлены на увелечение поляризации крупных центров обрабатывающей промышленности. Как вытекает из исследований последнего времени, это явление рождено потребностью минимизировать высокие затраты «бюджетов времени» лиц, принимающих решения: поскольку их время высоко ценится, им нужно находиться в наиболее доступных городах, предпочтительно в столице (Тёрнквист).

ДИНАМИЗМ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В последние годы географы затратили большие усилия на анализ изменений в территориальном распределении промышленности. Отчасти он был направлен на то, чтобы оценить эффективность государственных

мероприятий по рассредоточению промышленности как инструмента достижения более полного межрайонного хозяйственного равенства. В этом плане очень незначительна доля сравнительных исследований, в основном из-за отсутствия стандартизованных данных по странам.

До сих пор в исследованиях по промышленной миграции рассматривались главным образом производственные объекты и новые заводы-филиалы. Недостаточное внимание уделялось непроизводственным объектам, организационным структурам, успешной или неудачной адаптации существующих объектов к изменяющимся обстоятельствам функционирования и к международной мобильности промышленности. Исследования в такой же степени должны быть направлены на объективное ограничение, как и стимулирование пространственного изменения промышленности.

Существует очевидная потребность в строгом определении понятия «миграция промышленности», а может быть, и в типологии, которая охватывала бы медленную эволюцию, умеренный или неожиданный рост путем имплантации. Трансферные перемещения фирм при создании заводов-филиалов являются аспектом миграции промышленности, который изучается больше всего. Отчасти это связано с тем, что информацию такого рода обычно легче получить. Более того, подобная миграция отражает мероприятия правительства, которое пытается внедрять их на национальном и региональном уровнях. Это не международная миграция, и все-таки такое движение между странами представляет собой явление чрезвычайной важности: оно воздействует на совокупную окружающую экономическую среду на арене международной конкуренции. Только межнациональные исследования, охватывающие большинство государств мира, выявят социально-экономические эффекты такого движения. Такие исследования требуется сочетать со строгим региональным анализом пространственных сдвигов, которые происходят между городами, районами и нациями в результате расширения, закрытия предприятий, изменения их функций в отраслях и в результате аналогичных структурных изменений между отраслями.

Однако, как указывал Тайроу, на любом пространственном уровне столь же важны качественные характеристики движения промышленности. При внедрении своей политики правительства недостаточно осознают эту проблему. А в этом плане действительно возникают крупные вопросы. Есть ли у заводов или фирм, которые мигрируют, потенциал для роста в новых пунктах размещения? Закроются ли они или будут свернуты из-за плохой размещеческой приспособляемости или управления? Намерено ли предприятие использовать квалифицированную или полуквалифицированную рабочую силу? Высоки ли заработки? Какие связи завязнутся с местными производствами или учреждениями обслуживания? Или же просто будет поддержано расширение производства в существующих центрах роста посредством сети связей? Все эти вопросы тесно переплетаются с локальным и региональным воздействием движения промышленных фирм. Неважно, вызвано ли движение правительственной политикой или оно стихийно и исходит от фирм.

Все же некоторый прогресс в области миграции промышленности достигнут рабочей группой МГС по географии промышленности. Во-первых, положительную роль сыграло применение количественных методов. Была доказана полезность метода «доли и сдвига» и индекса энтропии Тейла при оценке мобильности промышленности во времени. Аллометрия и анализ хи-квадрат (наименьших квадратов) были применены к измерению и объяснению изменений промышленных схем. Во-вторых, выявлены важные зависимости между изменениями экономической и пространственной структур: в частности, государственное управление в странах с различным уровнем развития всюду более эффективно, при

переформировании пространственных схем капиталоемких и тяжелых отраслей, чем отраслей трудоемких, а еще менее эффективно при преобразовании непроизводственных видов деятельности. При этом в большинстве стран забота государства о пространственном управлении третичным и четвертичным секторами, даже теми, которые связаны с производственной сферой, часто оказывалась запоздавшей. Сложнейшие связи между более уточненными «ростовыми» видами деятельности производственной сферы, услуг и информационной, научно-исследовательской и управленческой деятельностью, как представляется, усиливают столичную, городскую и региональную концентрацию хозяйства. В этих районах и вокруг них вероятна «рассредоточенная концентрация».

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Рабочая группа МГС больше занималась индустриализацией и производственными комплексами, чем региональным развитием. Однако ее исследования по организациям, принятию решений, сетям информации и контактов, мобильности и процессам промышленного прогресса имеют существенное значение для регионального развития. Прежде всего отметим следующие моменты. Доступность сырьевых источников, рынков и услуг, минимизирующая затраты, а также информации и других факторов, ослабляющих неопределенность,— все это выдвигает большие города и их периферию как «наилучшие» пункты размещения промышленных или связанных с ними производств. Со строго географической точки зрения, периферия (близкое окружение) варьирует в пространственном масштабе как функция от размеров государства, которые в свою очередь сильно влияют на принятие решения. Многозаводские организации, таким образом, имеют тенденцию к приобретению пространственной структуры, которая в значительной степени, а часто и полностью зависит от потоков информации, трудовых ресурсов и товаров между крупными городами, имеющими небольшие контакты с разделяющим их пространством, а порой даже и с некоторыми районами вокруг крупных городов.

Можно было бы утверждать, что убытки от чрезмерного масштаба и скопления производств на территориях столичного типа притягивают эту тенденцию. Однако это верно там, где эффекты метрополитанизации представляют собой важное явление. Движение, субурбанизация или дегломерация промышленности воздействуют на материальное производство, требующее больших пространств и обеспечения рабочей силой. Управленческие функции и функции по принятию решений сосредоточиваются в городском центре или вблизи его, тогда как объекты складирования и научные учреждения могут размещаться в промежуточных пунктах. Таким образом, хотя функции пространственно все более рассредоточиваются, они остаются частью более широко диффундированной столичной среды. Рост и инновация (нововведения), следовательно, характерны главным образом для крупных городов, и многое препятствует «просачиванию» их эффектов в более мелкие населенные пункты или менее развитые регионы.

Идеи полюсов роста имели ограниченное значение в действительности, хотя это понятие стало модным в научных и государственных кругах в 60-х годах. Каракса утверждал, что продукт любого качества может быть произведен в любом месте США или в любом другом развитом государстве, поскольку снижение транспортных расходов и времени поставок уменьшает межрайонные или межгородские различия в производственных преимуществах.

Функциональные связи по перевозке товаров могут пространственно сильно усложниться, и соображения удаленности уже не станут служить препятствием. Такой аргумент устраняет основную привлекательность понятия полюсов роста. Мероприятия по созданию полюсов роста во многих государствах, например в Британии, Франции или Японии, принесли лишь ограниченный успех — отчасти по этой причине, но также потому, что были введены слишком поздно, на короткий период, либо потому, что правительство проявило недостаточное понимание основных экономических изменений, которые состоят в замене перевозок товаров информацией, контактами руководства и услугами как главной силой в росте агломерации.

Роль территориально-производственного комплекса в региональном развитии пока еще исследована неудовлетворительно. Главное внимание до сих пор концентрировалось на функциональной типологии таких комплексов. В странах с планируемой экономикой характер, масштабы и география предполагаемых и фактических эффектов таких комплексов могут быть заданы, а сами эти эффекты относительно легко получены. Пока, однако, производственный комплекс изучается прежде всего с точки зрения страны: как оптимизировать межрайонное размещение производственных комплексов и их внутреннюю пространственную структуру в качестве средства максимизации их совокупного вклада в рост национальной экономики.

Исследования в разных государствах показывают, что территориально-производственные комплексы и метрополитанизированные хозяйства аналогичны в том, что они могут иметь различную отраслевую структуру — от относительно простой до весьма сложной. В результате хозяйственного прогресса каждый регион или столичная территория продвинутся вверх по направлению к функциональной структуре наиболее развитого комплекса или метрополии. В остальных отношениях эти два типа функционального региона полностью различаются. Понятие метрополитанизированной территории пространственно гораздо шире, чем столичной территории, и может коррелироваться с понятием территориально-производственных комплексов более высокого ранга, характерных для плановых социалистических экономик, или некоторых пространственных группировок перекрывающихся и полностью или частично связанных комплексов.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

До образования рабочей группы Международного географического союза международное сотрудничество в области исследований размещения промышленности развернулось главным образом в рамках ООН. Его цель — изучение некоторых аспектов взаимодействия между индустриализацией и региональным развитием. Особое внимание сконцентрировано на развивающихся странах. С целью получения идей, концепций или инструментов для возможного применения в Африке, Азии, Латинской Америке и на Среднем Востоке привлекается опыт развитых стран с различными экономическими и общественными системами. Наиболее известные организации — ЮНИДО (организация ООН по промышленному развитию), которая провела Минскую конференцию в 1968 г., и ЮНИССД (Научно-исследовательский институт ООН по социальному развитию) с его всемирным сравнительным исследованием регионального развития. Исследования ЮНЕСКО по подготовке кадров и обеспечению трудовыми ресурсами также затрагивают пространственный аспект индустриализации. Исследования ООН в основном комплексные, в них участвуют представители многих научных дисциплин:

экономисты, инженеры, архитекторы, специалисты по регионам, социальные администраторы, социологи, географы. Однако многие проблемы еще предстоит решить действующим и будущим организациям МГС в международных совместных исследованиях.

Перед рабочей группой МГС стоят следующие главные задачи: рассмотреть нынешнее состояние дел в географии промышленности, расширить границы знаний в данной области, распространить новые методы анализа и модернизировать теорию. Географы всех континентов мира объединились, чтобы развернуть исследования по пространственным аспектам проблем промышленности в государствах с разными общественно-экономическими системами и разной географической средой.

Многие аспекты географии промышленности остаются недостаточно исследованными. Теоретические подходы требуют подкрепления со стороны эмпирических и международных исследований. Обо всем этом говорилось на совещании рабочей группы МГС в 1974 г. в Лондоне. Главную цель совещания составляли международные сравнения организаций и принятия решений в промышленности. Были сделаны следующие выводы: исследования по географии промышленности должны учитывать взаимные связи между организацией промышленности (включая связи между производственными заводами, административными учреждениями и службами в одной и той же корпорации или государственной системе), «метрополитанизацией» (или пространственным рассредоточением эффектов городов-регионов или столиц), городской системой (связи по товарам, услугам и информации между предприятиями и внутри предприятий) и средой для принятия решений (циклы деловой активности, тарифы и торговля, планирование, международная интеграция). Если говорить в более общем плане, рабочая группа выдвинула гипотезу о том, что поведение человека, связанное с принятием решений в промышленных организациях и в городской системе, может усилить тенденции к метрополитанизации или к региональной концентрации производства и препятствовать развитию более отдаленных территорий, слаборазвитых и нестоличных регионов.

Исходя из этого группа по географии промышленности решила развернуть исследования по четырем основным темам.

Первая тема включает анализ и оптимизацию промышленных комплексов. Цель этих исследований — доводка и увязка теоретических и практических концепций промышленных комплексов, территориально-производственных комплексов и вливание их в рамки межрайонной, а также внутринациональной и международной оптимизации промышленного производства или региональных пространственных схем экономической активности. Будут также анализироваться зависимости между организациями и комплексами на примерах, взятых из разных стран.

Вторая тема охватывает пространственную структуру и динамику организаций промышленности. Особое внимание предполагается уделять пространственной эволюции, очертаниям, масштабам, форме, функционированию и изменениям различных типов организаций в разных общественно-экономических условиях. Будут изучаться взаимозависимости между организациями, промышленными структурами, городскими и региональными системами. Процессы принятия решений будут рассматриваться во взаимосвязи организации и окружающей ее среды. В частности, есть потребность в анализе пространственных импликаций сходства и различий в структурах, размерах, функциях и целях политизаций государственных или корпоративных промышленных организаций. Схемы информации и контактов составляют часть этого исследования.

Третья тема включает индустриализацию, миграцию промышленности и региональное развитие. Цель состоит в анализе проблем, процес-

сов и мероприятий пространственного прогресса промышленности в различных странах. Будет сделана попытка сравнить и объяснить тенденции после 1950 г. в распределениях промышленности по большой выборке государств с использованием по возможности общих показателей и общих аналитических методов измерений. Перед исследователями стоит трудная задача получить точные и достаточно детализированные данные, которые позволили бы в перспективе составить Мировой атлас промышленности.

Четвертую тему составляют исследования по воздействию на размещение недавних и возможных перспективных изменений в стоимости энергии и условиях энергоснабжения. Это главная проблема как более узкого — для промышленности, так и более широкого — регионального, национального и международного — экономического и социального значения. Наряду с использованием ресурсов и индустриализацией вооб-ще она воздействует также на качество среды, окружающей человека.

Существенное значение имеет изучение пространственной адаптации предприятия к окружающей среде в пункте размещения. Оно может поставить под вопрос сложившиеся точки зрения на размещение промышленности. Например, классическая теория предполагает, что источники снабжения материалами, расположенные вблизи предприятия (или в том же самом месте), дешевле, чем удаленные на большие расстояния. Это результат типично веберовского образа мыслей. В действительности же различия в корпоративном ценообразовании, качестве материалов либо плановые решения могут привести к тому, что материалы, перевозимые на большие расстояния, окажутся более дешевыми или более предпочтительными, чем идентичные им, но находящиеся поблизости. Большое значение может иметь различие в масштабах: столичные поставщики могут оказаться не в состоянии удовлетворить потребность предприятия в каком-либо материале, так что идентичные материалы могут поставляться как из пределов города, так и извне. Факты показывают также, что искажения пространственной информации и восприятия предпринимателей также воздействуют на выбор поставщиков материалов независимо от того, существуют ли локальные варианты источников или нет.

Представляется, что слишком мало внимания в поведенческих исследованиях было уделено теории наименьших усилий. Это понятие может объяснить краткость поисковой процедуры, выбор первого пункта (или набора пунктов) размещения, удовлетворяющего минимальным требованиям. Ее важность связана с фактором времени. Обычно решения необходимо принимать быстро, время для поиска ограничено. Это верно для практики капиталистических корпораций, которые должны реагировать на стрессовые условия, и для организаций социалистических стран, планирующих свое размещение, где экономический рост и перемены очень динамичны.

Эти темы требуют глубоких исследований. По существу они выходят за пределы возможностей нынешней рабочей группы. Значительного прогресса по этим темам можно добиться только за длительный период времени — от четырех до восьми лет.

Углубленное исследование по предложенным направлениям может подготовить почву для создания новых теорий и гипотез о размещении промышленности. Полученные знания и более совершенные термины и классификации данных будут способствовать развитию дальнейших исследований. Результаты могут оказаться практически полезными при разработке государственной политики, обеспечивая лучшее понимание факторов, которые способствуют или препятствуют успеху мероприятий по размещению промышленности — факторов, которые раньше упускались из вида.

М. К. БАНДМАН

СССР

СВЯЗЬ ЗАДАЧ РАЗМЕЩЕНИЯ И МИГРАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С ЗАДАЧАМИ ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ

По мере изменения общественных и территориальных форм разделения труда, организации производства, освоения новых технологий, расширения гаммы используемого сырья и выпускаемой продукции, развития прикладной математики и вычислительной техники менялись задачи, подходы и инструментарии географии промышленности. Большинство специалистов справедливо считают, что уже пройдены этапы изучения проблем размещения единичных однопродуктовых предприятий в пределах изолированных территорий и размещения сочетаний многопродуктовых производств одной отрасли в пределах территориальных таксономических единиц. На повестку дня поставлены и требуют практического решения вопросы размещения сочетаний взаимосвязанных производств — межотраслевых комплексов — и формирования территориально-производственных систем в пределах регионов, стран и континентов.

Эти проблемы обладают специфическими чертами, нуждаются в новых подходах и новом инструменте исследования. Появление и перспективность их, на наш взгляд, обусловлены некоторыми причинами.

1. Усиление специализации производства обусловило интенсификацию внутриотраслевых и межотраслевых связей. В результате резко возросла роль оптимизации размещения и связей объектов как фактора повышения эффективности производства.

2. Возросшая концентрация производства вызвала новые требования не только к количеству непосредственно используемых ресурсов, но и к качественной характеристике окружающей природной среды. Природный фактор не только не потерял, а приобрел еще большее значение при решении вопросов размещения производства.

3. Специализация и концентрация производства существенно изменили условия обеспечения трудовыми ресурсами: повысились требования к их количеству и «качеству». В результате усилилась зависимость эффективности варианта размещения производства от масштабов, состава и мобильности трудовых ресурсов, от сложившейся и будущей системы расселения.

4. Специализация и концентрация промышленных объектов усилили не только кооперирование и комбинирование производства внутри промышленности, связи промышленности с природными и трудовыми ресурсами, но и связи промышленности со всей окружающей экономической и социальной средой — производственной и социальной инфраструктурой, населением, управлением (администрацией). Все это вызвало появление новых форм освоения территории, развития производительных сил регионов. Эффективность производства стала во многом определяться не только рациональностью размещения и связей объектов, но и рациональностью схемы развития и размещения всего хозяйства региона.

Изменение условий формирования и функционирования производства привело к расширению числа факторов и превращению некоторых из них, лишь косвенно учитываемых, в факторы, непосредственно участ-

вующие в процессе решения задач. Все это значительно расширило размерность и усложнило структуру оптимизации размещения и миграции производства — одной из главных задач географии промышленности.

Однако усложнение структуры определяется не только, а может быть, даже и не столько увеличением количества учитываемых факторов и возросшим значением некоторых из них, сколько сложностью и многообразием форм проявления их влияния — наличием прямых и обратных, непосредственных и косвенных связей между факторами и производством, а также между факторами.

Окружающая среда, инфраструктура и трудовые ресурсы влияют на размещение производства, а его развитие — на состояние природной среды, формирование инфраструктуры и трудовых ресурсов. Вместе с тем вызванное появлением нового и развитием существующего производства расширение элементов инфраструктуры требует увеличения численности трудящихся. Связанное с этим увеличение населения вызывает развитие инфраструктуры, и в результате возросшая численность населения и инфраструктура дадут дополнительную нагрузку на природную среду. Мероприятия по охране среды, в свою очередь, потребуют увеличения числа трудящихся и развития отдельных элементов инфраструктуры и так далее. Таким образом, как правило, каждая прямая связь порождает обратную.

Как прямые связи, так и обратные могут быть прямыми и косвенными, т. е. осуществляться непосредственно между парой объектов исследования или через посредство третьих. Например, вложения в социальную инфраструктуру способствуют улучшению условий жизни населения. Следствие этого — повышение привлекаемости населения и возможности регулирования его миграции. В результате производства получают возможность сократить затраты на привлечение и подготовку трудовых ресурсов.

Учет взаимосвязей усложняется еще и тем, что проявление их может иметь разрыв и в пространстве, и во времени. Так, «отдача» дополнительных вложений в очистные сооружения объектов нефтяной промышленности в бассейне Средней Оби найдет отражение в сохранении рыбных ресурсов и показателях рыбной промышленности в районах нижнего течения Оби. Или: концентрация остатков «допустимых» ежегодных сбросов через продолжительный отрезок времени может превысить норму и значительно усложнить условия водопользования и воспроизводства некоторых видов ресурсов.

Таким образом, без анализа всего взаимодействия факторов размещения не может быть определена география того или иного производства.

Указанные связи по-разному проявляются при решении разномасштабных задач и исследовании проблем размещения в районах с различными природными и социально-экономическими условиями. Это определяет не только различную роль указанных условий, но и различный уровень детализации рассмотрения каждого из них. Как то, так и другое устанавливается в каждом конкретном случае в зависимости от цели исследования, специфики объекта, продолжительности временного периода, масштабов рассматриваемого региона и социально-экономических условий. На наш взгляд, наибольшей «географичностью» обладают задачи размещения и миграции промышленности в пределах внутригосударственных регионов или небольших стран. На этом уровне наибольшее значение приобретают региональные факторы и взаимосвязи, требующие комплексных географических исследований, в том числе и по географии промышленности.

Представляется, что в современных условиях нельзя окончательно решить вопрос о размещении отдельного производства изолированно

от остальных, без согласования с результатами работ представителей других отраслей знаний, без комплексных региональных исследований. Именно эти причины, очевидно, обусловили некоторое увеличение интереса к использованию современного математического аппарата и вычислительной техники в изучении специализации, размещения, процессов формирования, внутренних и внешних связей межотраслевых промышленных комплексов на ограниченных территориях. Первые же опыты подобных исследований и в СССР, и за рубежом были плодотворными и, безусловно, обогатили традиционные работы по географии промышленности. Однако выявились и недостатки нового подхода: многие исследователи справедливо утверждают, что и новый подход не обеспечивает достаточного учета обратных связей и отображение влияния создаваемого комплекса на окружающую среду.

Это еще раз убеждает нас в том, что многие традиционные задачи географии промышленности должны решаться как часть более общей задачи — задачи оптимизации структуры всего хозяйства исследуемой территории и прежде всего оптимизации территориально-производственных систем. При этом мы считаем, что если ресурсы являются предпосылкой, а потребность народного хозяйства в них обуславливает время и масштабы их освоения, то способ освоения ресурсов и организации производства определяет характер размещения того или иного объекта, а оно — размещение промышленности, всех остальных элементов хозяйства, населения и структуру связей. Таким образом, производство — основа формирования территориальной структуры страны и оптимизация размещения производства не может осуществляться вне связи с оптимизацией структуры всего хозяйства соответствующей территории.

Одним из основных направлений исследований ИЭиОПП СО АН СССР является разработка системы моделей перспективного территориально-производственного планирования. Вопросы географии промышленности рассматриваются на разных уровнях системы и в территориальном (страна в целом, районы, территориально-производственные комплексы и промышленные узлы), и в отраслевом (отрасль в целом, отрасль в регионах, отдельные предприятия) аспектах. Для этой цели предложены различного класса экономико-математические модели, с использованием которых решено большое число практических задач. Совершенствование подходов к решению некоторого класса задач, связанных с географией промышленности, ведется в следующих направлениях:

а) усиление учета межотраслевых связей — переход от решения задач по размещению объектов одной отрасли к размещению объектов комплекса взаимосвязанных отраслей (лесная — лесоперерабатывающая и лесообрабатывающая; нефтяная — газовая — нефтехимическая; алюминиевая — содовая — цементная — электроэнергетика и др.);

б) усиление учета прямых и обратных связей между отраслями промышленности и отдельными элементами инфраструктуры (строительными базами и строительной индустрией, энергетической базой, транспортной системой и др.);

в) усиление учета прямых и обратных связей сферы производства со всем остальным хозяйством региона, населением и природной средой, т. е., иными словами, представление промышленности в качестве одного из элементов формирования различного ранга единиц территориально-производственной системы страны, региона, ТПК, промышленного узла.

Последнее направление осуществляется в рамках изучения подходов к использованию метода экономико-математического моделирования для оптимизации процесса формирования региональных территориально-производственных систем. Цели этих работ следующие: выявление основных таксономических единиц территориальной системы; анализ предпосылок развития производительных сил; оптимизация взаимосвязей всех элементов хозяйства, населения и окружающей при-

родной среды; оптимизация производственной и пространственной структуры хозяйства, системы расселения и схемы охраны и воспроизведения природных ресурсов; разработка схемы формирования основных таксономических единиц региона.

При этом все исследуемые объекты рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов соответствующего ранга территориально-производственных комплексов (см. схему). Такое представление производства имеет еще два, в дополнение к указанным выше, преимущества по сравнению с чисто отраслевым изучением размещения и миграции промышленности. Во-первых, появляется возможность не только согласовать во времени развитие и размещение промышленности и связанных с ней остальных элементов хозяйства территории с формированием трудовых ресурсов, но и оптимизировать этот процесс с учетом многообразия прямых и, что особенно важно, обратных связей. Во-вторых, появляется возможность более глубокого анализа вероятностного характера результатов исследования, повышается их надежность.

Внутренние связи элементов ТПК

Действенность и «долгожитие» результатов исследования во многом зависят от степени учета неопределенности исходной информации, изменяемости экономической обстановки, технического прогресса и других динамических условий. При этом неопределенность по-разному проявляется при оптимизации формирования структурных элементов территориальных систем. Совместное рассмотрение промышленности со всеми остальными элементами хозяйства, трудовыми и природными ресурсами дает возможность проанализировать неопределенность формирования не только отдельных объектов, но и всей совокупности их. Появляются предпосылки для разработки аппарата исследования адаптивных свойств не только производств к экономической, социальной и природной окружающей среде, но и среды к тому или иному варианту размещения, развития или миграции промышленности.

В результате исследований, проведенных в ИЭиОПП СО АН СССР, предложены логическая схема и инструмент для изучения роли промышленности в формировании территориально-производственных систем и оптимизации размещения промышленности как одного из элементов различного ранга территориально-производственных комплексов. Логическая схема — «подход к моделированию формирования ТПК» — и инструмент — «группа моделей формирования ТПК» — были использованы при решении ряда практических задач предплановых исследований Сибири.

Одним из перспективных направлений международных исследований, осуществляемых под руководством рабочей группы МГС, на бли-

жайшие четыре года могло бы стать изучение условий формирования и функционирования промышленности в составе локальных территориально-производственных сочетаний в различных районах и странах. Эти исследования имеют как теоретическое (изучение закономерностей размещения промышленности, ее связей и места), так и прикладное (решение практических оптимизационных задач) значение. Они способствовали бы повышению уровня исследований по географии промышленности, освоению нового инструментария и усилению связей со смежными областями знаний. При этом мы ни в коем случае не предполагаем исключение из поля зрения рабочей группы традиционных вопросов и методов исследования географии промышленности.

Д. БОРА (G. BORA)
ВНР

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ФАКТОРЫ ЕЕ РАЗМЕЩЕНИЯ

До введения планового хозяйства в 1947 г. пространственная структура венгерской промышленности характеризовалась моноцентризмом и региональной односторонностью: в 1937 г. в Будапеште и его окружении было сконцентрировано примерно 95% всех рабочих промышленности.

В условиях плановой экономики был взят курс на рациональное размещение промышленности по территории страны. Правда, до начала 60-х годов региональные пропорции изменились незначительно: в это время было неизбежно расширение промышленности столицы — крупнейшего центра перерабатывающей индустрии, хотя доля Будапешта в производстве ее продукции и уменьшилась, а капиталовложения, выделяемые ранее отсталым районам, еще не привели к существенным изменениям в размещении производства. Поэтому по-прежнему наблюдались большие различия в уровне промышленного развития между регионами (округами) страны. Об этом можно судить по такому показателю, как численность занятых в промышленности на 10 тыс. жителей: в 1960 г. наибольшее количество занятых — 2234 — имел округ Комаром вблизи столицы, где преобладали угольная и тяжелая промышленность, а наименьшее — 247 — было зарегистрировано в округе Сабольч-Сатмар, в то время слаборазвитом в хозяйственном отношении районе (на северо-восточной окраине Великой венгерской равнины). Крупные различия по уровню индустриализации, естественно, обусловливали сильную вариацию доходов и уровня жизни населения.

Начиная с 1960 г. ускоренная индустриализация была развернута на территориях экономически отсталых, где прежде не было промышленности. Правительство ввело ряд организационных, финансовых и инвестиционных преференций. В 1968 г. были установлены новые районные экономические регуляторы и рычаги в рамках системы индикативного хозяйственного управления.

Главные тенденции пространственной структуры промышленности проявились в группировке округов по критерию уровня экономического развития. Укажем три группы, соответствующие различным уровням развития: 1) Будапешт как регион, представляющий наивысший уровень развития; 2) передовые в промышленном отношении округа (включая

чаю территории, относительно богатые сырьевыми материалами) — северо-восточная часть страны и округ Пешт в окрестностях столицы, охватывающие 43% территории страны и около 41% населения; 3) округа, неразвитые в промышленном отношении — вся Великая венгерская равнина и несколько дунайских округов.

Приведем данные, показывающие изменения в пространственной структуре промышленности (см. таблицу).

Развитие промышленности основывалось первоначально на так называемой селективной политике: приоритеты в капиталовложениях и т. д. отдавались тем отраслям, которые были в большей степени обеспечены квалифицированной рабочей силой и играли существенную роль в экспортре и обслуживании населения столицы. Однако в 1965 г. была введена другая политика, направленная на преимущественное размещение промышленности в сельских районах. Некоторые заводы столицы, в основном мелкие и технически отсталые, располагающие 60 тыс. рабочих мест, были предназначены для постепенного перемещения в деревню. Такое движение все еще продолжается, но оно не затронуло работников, которые перешли на оставшиеся в столице заводы. Поэтому лишь небольшая часть рабочей силы переместилась вместе с оборудованием предприятий.

В начале рассматриваемого периода (1947 г.) численность рабочей силы в Будапеште росла, но, начиная с 1967 г., стала уменьшаться и к 1973 г. сократилась почти на 80 тыс. чел. Из-за хронического дефицита работников в столице в 1960—1973 гг. пришлось построить примерно двести новых заводов в сельских районах, особенно в тех, где еще имелся избыток рабочей силы.

За рассматриваемый период около половины капиталовложений в промышленность страны было отведено передовым в промышленном отношении территориям. Развитые округа располагали большими запасами энергии, сырьевых материалов, воды. Именно поэтому здесь были сконцентрированы капиталоемкие отрасли. В этих районах отмечен динамичный рост добычи бокситов, производства глинозема, выплавки алюминия, черных металлов, выработки электроэнергии, строительных материалов и особенно производства продукции нефтехимии.

Для того чтобы избежать экономической депрессии, которая могла возникнуть в связи с закрытием буроугольных шахт, дающих уголь низкого качества и требующих высоких производственных издержек, нужно было за указанный период обеспечить рабочими местами 20 тыс. бывших горняков. Для улучшения структуры промышленности и вовлечения женщин в общественное хозяйство требовалось создать и расширить отрасли перерабатывающей промышленности, особенно легкой и пищевой. Рабочие места для избыточной рабочей силы обеспечивал рост промышленных предприятий. Социалистическое преобразование

Сдвиги в размещении венгерской промышленности в 1961—1970 гг.

Группа округов	Доля в промышленных инвестициях, %	Численность занятых в промышленности (1970г. в % к 1960г.)	Доля в приросте занятых в промышленности, %	Территориальное распределение занятых в промышленности, %	
				1960г.	1970г.
Будапешт . . .	20,0	98,0	—	44	30,5
Развитые промышленные территории . . .	52,0	145,0	50,6	36	40,2
Слабо индустриализированные территории . . .	28,0	235,0	49,4	20	29,3

сельского хозяйства, осуществленное в начале 60-х годов, позволило высвободить значительное количество работников, большая часть которых поступила на промышленные предприятия.

В слабо развитых в промышленном отношении районах численность работников, занятых в промышленности, быстро увеличивалась: общий прирост достиг 280 тыс. чел. Однако на долю этих территорий пришлась лишь небольшая часть новых промышленных капиталовложений, так как развитие касалось в основном таких малокапиталоемких отраслей, как машиностроение, легкая и пищевая промышленность.

Значительные перемены последовали в профессиональной структуре населения, заметно вырос уровень доходов. Индустриализация отсталых территорий способствовала рационализации размещения промышленности. Уменьшился разрыв в уровнях экономического развития различных районов: так, численность занятых в промышленности на 10 тыс. чел. населения в 1973 г. составила 2320 чел. в округе Комаром и 678 — в округе Сабольч-Сатмар (напомним, что в 1960 г. она равнялась соответственно 2234 и 247 чел.).

Однако политика индустриализации имела и некоторые другие последствия. Во-первых, промышленное развитие Будапешта было не удовлетворительным с технологической точки зрения, что вытекало из регионального распределения капиталовложений: доля Будапешта в них была ниже, чем диктовалось интересами технического прогресса; инвестиции отвлекались на индустриализацию провинциальных районов, благодаря чему достигалась уравновешенность пространственной структуры промышленности.

Во-вторых, наблюдался рост промышленной агломерации Будапешта: если в 1950 г. занятые в промышленности этой территории составляли 1,5% их общей численности в стране, то через 14 лет — 5,6%. Это можно объяснить близостью промышленности столицы, следовательно, благоприятными возможностями для перевозок и кооперации, а также перемещением в зону агломерации рабочей силы из регионов, обладавших избытком трудовых ресурсов. Последние явились одним из факторов расселения.

В-третьих, в ранее слабо индустриализированных регионах некоторые новые предприятия были размещены не в крупных городских центрах, а в небольших населенных пунктах, что повысило затраты на них из-за отсутствия инфраструктуры. Поскольку, однако, целью размещения промышленности в этих пунктах было снижение больших миграционных волн, которые начались раньше, приближение промышленности к ресурсам рабочей силы было разумно.

В этой связи нужно указать, что в нынешней ситуации для обоснования размещения ни один критерий, ни один фактор в отдельности недостаточен. В результате прогресса в разделении труда критерии стали дифференцироваться по отраслям, и поэтому поиск и использование факторов, конкретно влияющих на размещение объектов каждой данной отрасли, — одна из главных задач в принятии решений. Так, наиболее водоемные современные предприятия — химические заводы, угольные, а в ближайшем будущем и атомные электростанции — могут создаваться только в некоторых районах Венгрии. Географическое расположение крупных естественных водных потоков неравномерно: две реки, на берегах которых могут быть размещены большие водоемные предприятия — Дунай и Тисса, протекают по центральной части территории страны недалеко друг от друга и параллельно друг другу. Вдоль этих рек могут быть сформированы линейные зоны с водоемными производствами. Наряду с этим обширные территории страны не имеют крупных рек.

Охрана природной окружающей среды, предотвращение загрязнения воды и воздуха представляются все более важными задачами, ко-

торые нужно решать также посредством тщательного выбора площадок.

В современных условиях на размещение промышленности сильно воздействует участие Венгрии в социалистическом международном разделении труда (в рамках Совета Экономической Взаимопомощи). В частности, наличие трубопроводов и линий электропередач, построенных в рамках международного сотрудничества, благоприятствует созданию новых предприятий (например, нефтехимического комбината в Ленинвароше).

Критерии размещения изменились также по отношению к трудовым ресурсам. Экстенсивное развитие хозяйства, т. е. достижение экономического роста посредством увеличения занятости, сменяется переходом к преимущественному использованию его интенсивных методов. Это означает, что большее значение следует придавать капиталовложениям в технический прогресс, повышению производительности труда и т. п. Так, за 1961—1970 гг. объем промышленного производства в Венгрии удвоился, а численность занятых увеличилась на 34%. Начиная с 1971 г. весь прирост промышленной продукции обеспечивается благодаря повышению производительности труда. В отдельных промышленных районах страны, особенно в столице, резервы трудовых ресурсов были исчерпаны. Если дальнейшее расширение здесь производства и оправдано, то только потому, что речь идет о высокопроизводительных отраслях, представляющих прогрессивную технологию.

В тех же районах, где все еще имеются свободные трудовые ресурсы, встает проблема подготовки квалифицированной рабочей силы. Поэтому здесь следует стремиться к размещению только тех отраслей, которые предъявляют меньше требований к технологии и для которых можно быстро подготовить кадры. При осуществлении целей территориальной политики нужно все больше учитывать фактор трудовых ресурсов, причем в перспективе он будет проявлять себя главным образом с качественной, а не с количественной стороны.

Для современной промышленности характерно, что во многих отраслях высокоэффективное производство может быть налажено только на предприятиях больших размеров или на основе глубокой специализации и кооперирования, а также путем организации производственных циклов. В связи с этим нуждается в тщательном изучении критерий определения рациональных размеров городских поселений. Тот факт, что рост отраслей обслуживания в Венгрии будет ускоряться, еще более усложняет проблему определения размера городов. Это означает, что для рабочей силы завода в населенном пункте должна планироваться численность так называемого «третичного», обслуживающего населения. Если принять во внимание венгерскую сеть расселения, то только в небольшом числе населенных пунктов могут быть созданы промышленные предприятия.

При размещении производств в большей степени, чем раньше, следует учитывать технологические связи. В некоторых отраслях, в частности в машиностроении и химической промышленности, специализация и комбинирование служат наиболее эффективным инструментом. При размещении отраслей, чувствительных к экономии затрат от указанных связей, этим факторам нужно придавать большее значение. Таким образом, варианты политики децентрализации также могут рассматриваться в качестве важного критерия.

Среди факторов размещения повысилась значимость инфраструктуры: она даже может «затмить» все другие его критерии. В венгерских условиях проблема выбора вариантов размещения предприятий стала более сложной в основном именно по инфраструктурным соображениям. В большинстве провинциальных городов водоснабжение, канализация и коммунальные учреждения все еще находятся на неадекватном уровне. Хотя четвертый пятилетний план предусматривал быст-

рое расширение инфраструктуры, различия в уровне развития инфраструктуры все еще значительны. Поэтому необходим строгий отбор среди населенных пунктов тех из них, которые могут быть предназначены для создания отдельных производств на перспективу.

При размещении производства потребительских товаров и особенно услуг все большую роль играет фактор рынка. Раньше этому уделялось меньше внимания. Если добавить, что упор на развитие производственных связей между предприятиями также отчасти означает возросшую ориентацию на рынок, то значимость данного фактора проявляется еще больше. Следует принимать во внимание тот факт, что комбинирование, инфраструктура и рынок, взятые вместе, представляются самыми могучими агломеративными силами.

Модернизация транспортной структуры создает новые благоприятные возможности для промышленного строительства. Более быстрое развитие перерабатывающих отраслей в сочетании с возросшим использованием автотранспорта изменило условия размещения производства: некоторые отрасли стали меньше зависеть от железных дорог. В ходе хозяйственной реформы в Венгрии была изменена прежняя инвестиционная система. Сегодня правительство принимает решения о размещении только так называемых крупных промышленных проектов, т. е. объектов ключевых отраслей промышленности: больших электростанций, химических комбинатов и т. п. Предприятия, использующие свои фонды развития и долгосрочные займы, могут сами принимать решения о создании новых производственных мощностей. В новых условиях возросла необходимость использования промышленных преференций, в частности кредитной политики, инвестиционной поддержки в предпочтаемых районах, фондов для перевода некоторых фабрик из Будапешта и для создания производств в слаборазвитых районах. Преференции, следовательно, стали важными критериями политики размещения в Венгрии.

Попытки интеграции в циклах производства продуктов питания также выявили новые подходы к размещению. Потребность в более тесной вертикальной интеграции между сельскохозяйственным производством и переработкой сельскохозяйственных продуктов проявляется все сильнее. В большей мере следует учитывать транспортные факторы, а это обуславливает поляризацию по районам пищевых отраслей вблизи сельскохозяйственного производства или вблизи рынка.

Помимо теоретических сторон исследование факторов и критериев размещения промышленности имеет, как мы видели, ряд практических аспектов. В связи с этим необходимо разработать систему критериев размещения и инвентаризировать возможности различных населенных пунктов.

Дж. БРИТТОН (J. BRITTON).

Канада

ИНОСТРАННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ДЕЛОВЫЕ УСЛУГИ ФОРМ В КАНАДЕ¹

Взаимосвязям многонациональных фирм, а также подразделений этих фирм свойственны определенные закономерности. Многонациональные компании генерируют межрайонные потоки информации и материалов, дополняющие местные источники либо конкурирующие с ними. Эти вопросы привлекают внимание экономгеографов.

¹ По техническим причинам текст публикуется в сокращенном виде. (Ред.)

Канада представляет пример широкого проникновения иностранного капитала, особенно из США. В 1960 г., когда его доля во вторичном секторе достигла максимума, она составила 60%. Но даже и при уменьшении ее прибыли велики.

Канадская часть североамериканского пояса вторичного сектора в южном Онтарио включает больше фирм США, чем другие районы страны. Здесь и проводилось исследование пространственных аспектов взаимосвязей, потоков информации и материалов в форме экспорта и импорта. Особое внимание при этом уделялось потокам услуг, связанных с управлением (деловых связей).

Представляется, что экономическая география без особой критики принимает гипотезы и модели, объясняющие связи между предприятиями с позиций близости, специализации и иерархической организации пространства. Но эти идеи предполагают относительно замкнутые экономические и городские системы, простые фирмы. На практике же в индустриальных районах в качестве источника различных потоков товаров и услуг должны рассматриваться организации — часто международные, расположенные в нескольких пунктах. Доминирующая роль фирм США в южном Онтарио делает представление о замкнутой системе неприемлемым.

Вызывает удивление и то, что в литературе о промышленности столь малое место заняли административные функции, связанные с производством. Между тем каждому предприятию — головному или филиалу — требуется определенный минимум таких функций, поэтому наблюдаются их потоки, связывающие канадские филиалы с штаб-квартирами в США. Исследования Тёрнквиста в Швеции ускорили признание большей значимости деловых услуг с географической точки зрения, чем ранее предполагалось в региональной теории и анализе размещения промышленности. Выяснилось, например, что без изучения деловых связей, поддерживаемых обрабатывающим сектором в южном Онтарио, невозможно понять управленческо-административные системы компаний, расположенных в нескольких пунктах, и объяснить межрайонную и международную зависимость обрабатывающего сектора.

Одним из выводов, а вместе с тем и следствием сложившихся деловых (управленческих) связей и услуг является специфическое распределение занятости по отраслям экономики в последние годы.

С. БУАСЬЕ (S. BOISIER)

Чили

ТЕОРИЯ И СТРАТЕГИЯ ПОЛЯРИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В мае 1974 г. Латиноамериканский институт экономического и социального планирования и Латиноамериканский институт социальных исследований опубликовали книгу «Региональное и городское планирование в Латинской Америке» (издательство «XXI век»). В ней содержится материал Международного семинара в Винья-дель-Мар (Чили), проведенного в 1972 г. с участием обоих институтов.

Немалое место в книге уделено вопросам теории и стратегиям поляризованного развития.

В период между проведением семинара и публикацией книги в литературе на эту тему в Латинской Америке особого прогресса не отме-

чалось, хотя Кораджо и Сантос опубликовали монографии, посвященные рассматриваемым вопросам. Несмотря на серьезную критику в Латинской Америке теоретического арсенала и конкретных стратегий поляризованного развития, сегодня в некоторых странах гармоничное размещение хозяйства еще связывается с традиционными концепциями поляризованного развития. Поэтому мы хотели бы внести несколько своих соображений в дискуссию.

Анализ материалов семинара в Винья-дель-Мар позволяет сделать ряд выводов. На семинаре проявилось единодушие во мнениях, во-первых, о том, что теория поляризованного развития (по крайней мере в ее самом общем варианте по Перру) должна быть пересмотрена (не исключается возможность создания и совершенствования новой теории) с учетом конкретной латиноамериканской обстановки, и, во-вторых, о том, что практические мероприятия, вытекающие из теории, должны быть полностью перестроены в соответствии с целями регионального развития в Латинской Америке, пространственными, экономическими и технологическими условиями, сложившимися здесь.

Пересмотр теоретических положений поляризованного развития включает два аспекта: 1) вопрос о внутренней согласованности теории как совокупности непротиворечивых положений и ее прогностической обоснованности (этот аспект хорошо изучен нелатиноамериканскими специалистами, например Фридманом, Хансеном, Лясуэном, Хермансеном и др.); 2) идеологический аспект.

Практические мероприятия, построенные на основе теоретической концепции поляризованного развития, были пересмотрены, в частности, автором данной статьи. Для стран Латинской Америки характерны редкие межотраслевые связи и еще более редкие пространственные междугородные связи. Поэтому цели стратегии поляризованного развития больше соприкасаются с вопросами интеграции и диффузии, чем с аспектами точечного роста. Между тем направления, широко известные сегодня как ИНДУПОЛ (индустриализация, урбанизация, поляризация), предполагают наличие в той или иной стране городских систем и технологических промышленных операций с широкой географической дезагрегацией.

Обе позиции должны рассматриваться как дополняющие, а не исключающие друг друга. Как было указано на семинаре, сделана попытка создать латиноамериканскую доктрину регионального развития и планирования, опираясь на теоретическое мышление, адекватное конкретным социальным, экономическим и пространственным условиям Латинской Америки.

Размеры стран, тип распределения городов и характер функциональных стратегий поляризации в каждом отдельном случае должны рассматриваться как взаимосвязанные вопросы. Явный провал стратегий поляризованного развития в Латинской Америке объясняется отсутствием связи между этими элементами.

Для анализа взаимосвязи географических размеров, распределения городов и стратегий развития целесообразно принять ряд исходных (технологических) гипотез теории поляризованного развития:

а) существует процесс функциональной поляризации, т. е. экономический рост может рассматриваться как ряд нарушений равновесий, вызванных появлением или исчезновением некоторых видов деятельности;

б) существует процесс географической поляризации, т. е. пространственная структура модифицируется в результате появления и исчезновения городских центров, которые порождают силы притяжения и диффузии для различных видов хозяйственной деятельности;

в) оба процесса имеют взаимную обратную связь, так что какой-либо один из них обуславливает возникновение другого;

г) экзогенно эти дестабилизаторы (полюса) можно ввести в функциональную структуру деятельности и таким образом вызвать географическую поляризацию.

Основная проблема состоит в том, что в хозяйстве развивающихся стран межотраслевые связи редки и слабы. В еще большей степени это относится к межрайонным связям. Поэтому вполне справедливо говорят о слабо интегрированных национальных хозяйствах. Следовательно, стратегия поляризованного развития в развивающихся странах имеет гораздо более сложное содержание, чем в развитом государстве. Речь идет не только о введении дестабилизирующих элементов (полюсов) в их систему, но и о создании системы хозяйственных связей, прежде всего пространственных. Правильно понимаемая стратегия поляризованного развития предполагает крупномасштабные действия, а не цель разрозненных мелких акций.

Априори можно утверждать, что существует несколько различий в форме внедрения стратегии поляризованного развития в странах «малых» и «больших», т. е. в зависимости от размеров их территории, что, однако, редко рассматривается в литературе. В своей статье Гейссе и Кораджо дают превосходный пример того, как различные пространственные масштабы требуют различных инструментов контроля и ориентации, основанных на нетрадиционных концепциях. Одни из выводов их статьи состоят в том, что «маленькую страну» можно понимать как «большой город». Со своей стороны Гутьеррес, Ортис и Вильямил, взгляды которых сложились под влиянием кейнсианства, ставят вопрос о необходимости сделать более адекватными схемы планирования. По их мнению, следующие характеристики небольших стран должны являться определяющими для планирования: 1) малые страны имеют обычно относительно более открытую экономику; 2) она мало диверсифицирована; 3) предложение товаров и услуг менее диверсифицировано, чем спрос; 4) имеется относительно незначительная профессиональная диверсификация как результат двух предыдущих характеристик; 5) высока степень зависимости малых стран от развитых (речь идет об экономическом, политическом, культурном, социальном и технологическом аспектах); 6) социальная система в небольших странах более однородна и обычно имеет высокую степень централизации, в результате чего она может действовать при изменении ограниченного числа переменных.

Исходя из перечисленных характеристик, названные авторы предлагают модель планирования, ориентированную, по существу, на управление потоками между системами и позволяющую снизить неопределенность информации. Авторы модели руководствуются стратегией минимизации потерь, которую обеспечивает стабильность данной системы. Таким образом, масштаб территории (региона или страны) оказывает решающее влияние и на методологию, и на операциональный инструментарий планирования. Отсюда можно вывести предварительную рабочую гипотезу: стратегия поляризованного развития должна различаться по своей концепции и конкретному содержанию в зависимости от ее приложения к пространствам «малым» или «большим», причем в последнем случае может оказаться бессмысленным формулировать стратегию поляризованного развития.

Следующий элемент, который необходимо ввести в анализ, — это городская конфигурация. В одной из своих работ Вапиарски рассматривает регионы (или страны) как экологические системы, подчеркивая такие их атрибуты, как замкнутость и внутренняя взаимозависимость. Замкнутость определяется им как доля всех взаимодействий, осуществленных в одной и той же системе. Внутренняя взаимозависимость — это общая масса взаимодействий между всеми возможными парами единиц системы (например, городами).

При этом Вапнярски различает четыре возможных ситуации: повышенная замкнутость и низкая взаимозависимость; низкая замкнутость и низкая взаимозависимость; низкая замкнутость и повышенная взаимозависимость; повышенная замкнутость и повышенная взаимозависимость.

К этой типологии может добавиться также фактор размеров страны, тогда получается восемь типичных ситуаций (см. таблицу).

Типы стран по характеристикам замкнутости, взаимозависимости и размеров

№ п/п	Размеры	Взаимозависимость	Замкнутость	Примеры стран
1	Большие	Высокая	Высокая	США
2	Небольшие	»	»	Голландия, Бельгия, Швеция
3	Большие	Низкая	»	Перу, Мексика
4	Небольшие	»	»	Парагвай
5	Большие	Высокая	Низкая	Аргентина
6	Небольшие	»	»	Пуэрто-Рико
7	Большие	Низкая	»	Бразилия
8	Небольшие	»	»	Панама

Бойс и Буасье анализируют несколько наиболее часто применяемых стратегических предложений, разработанных для перестройки градорегиональной структуры, и сопоставляют эти альтернативы с существующей ситуацией в Венесуэле. Три из проанализированных стратегий представляют интерес с точки зрения настоящей работы: «географическая справедливость», «городское первенство» и «примат городов средних размеров».

Стратегия географической справедливости (или «справедливого распределения») состоит в том, чтобы рассредоточить ресурсы (например, инвестиции) по всему городу с максимальной выгодой для населения, т. е. таким способом, чтобы обеспечить по возможности «справедливую» занятость, мобилизую ресурсы на большую мобильность населения. Стратегия такого рода может быть подвергнута критике с точки зрения эффективности использования дефицитных ресурсов. Она послужила методологической основой ряда экспериментов, например в Индии, при осуществлении первых пятилетних планов.

Стратегия городского первенства — диаметрально противоположная предыдущей — строится на гипотезе о повышенной степени корреляции между размерами городов и экономической эффективностью: города больших размеров — более эффективные генераторы экономического прогресса, чем города меньшего масштаба, причем это правило справедливо для любой части городской системы. Политика городского роста будет более эффективной в том случае, если она стимулирует ускоренный рост основного города таким образом, чтобы пользоваться городской иерархией для распространения связанных с этим выгод по всему географическому пространству.

Стратегия, основанная на системах городов средних размеров, представляет промежуточную альтернативу между двумя названными выше. В соответствии с ней предлагается, во-первых, определять наличие хорошо интегрированных городских систем вокруг центрального

города относительно средних размеров; во-вторых, применять в таких системах сложную стратегию развития в соответствии с концепцией ИНДУПОЛ.

В последние годы в Латинской Америке растет интерес к средним городам. В работе Гонсалеса, представленной X Конгрессу Интерамериканского общества планирования, даются обзор и несколько замечаний по этой теме.

Стратегия, ориентированная на системы городов средних размеров, основывается на гипотезе о возможности преодоления классической антиномии «эффективность — справедливость» с тем, чтобы в таких системах и особенно в их узловых городах можно было развивать виды деятельности (локализованной) с производительностью более высокой, чем можно получить в городах больших размеров и слишком мелких центрах.

Стратегия первенства городов находит свое функциональное дополнение в стремлении к точечной поляризации (в классическом толковании этого явления по Перру); стратегия городов средних размеров получает свою операциональность в схеме ареальной поляризации (ИНДУПОЛ). Эта форма взаимосвязи позволяет ответить на вопросы, где нужно действовать и как вести себя, чтобы модифицировать определенные градорегиональные структуры (см. схему).

Стратегии вмешательства в градорегиональные системы

Вапнярски предлагает выделять четыре типа городских структур: ранго-размеров, аморфную, смешанную и первичную. Первая встречается в странах (больших и малых) с высокой замкнутостью и повышенной взаимозависимостью. Можно сказать, что эти страны преодолели конфликты и противоречия между организацией пространства и уровнем экономического развития, конфликты, которые определяют необходимость планирования пространственного и регионального развития. Всякий дестабилизатор, который вводится в хозяйство этих стран, будь то новое промышленное производство или новый город, может изменить уровень функционирования системы, но не ее существование. В этих случаях система функциональных (межотраслевых) взаимосвязей и система пространственных (междугородних) отношений связаны так, что всякая акция на одном уровне автоматически отражается на другом.

Второй тип городской структуры — аморфная — встречается в странах (больших и малых) с повышенной замкнутостью и низкой внутренней взаимозависимостью. Аморфная структура нестабильна во времени. В больших странах она стремится к модели ранго-размеров.

Третий тип городской структуры — смешанная — встречается в странах (больших и малых) с низким уровнем замкнутости систем и повышенной взаимозависимостью. Смешанная структура (первенство для совокупности системы городской и рапго-размеров, за исключением главного города) представляет систему со значительной стабильностью.

Четвертый тип городской структуры — первичная — соответствует странам (большим и малым) с низким уровнем замкнутости и малой степенью внутренней взаимозависимости. Стабильность такой структуры различается в зависимости от размеров страны.

В соответствии с типами городских структур, размерами стран и т. д. можно предполагать стратегии по изменению этих структур. Наиболее общие городские стратегии — первенство, справедливое распределение, системы городов средних размеров — должны увязываться с экономическими стратегиями точечной поляризации, функционального равновесия и ареальной поляризации.

ДЖ. КАРАСКА (G. KARASKA)

США

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹

В последние пять десятилетий география промышленности в своем развитии прошла несколько этапов. На одной из ранних стадий изучения размещения промышленности выделялся ситуационный анализ. При этом географы занимались разработкой и измерением многочисленных факторов, определяющих размещение производственного предприятия. Такой подход был явно эмпирическим, требующим реальных мировых фактов и связей. Предполагалось, что принимающий решения руководствуется мотивами максимизации прибыли.

Затем центр тяжести в исследованиях сместился круто к теории и размещеческим играм. К существенным компонентам данных исследований можно отнести изучение оптимального поведения принимающего решения, принятие решений с частичным равновесием, побочный анализ, концентрирующийся на транспортных затратах по материалам и конечной продукции. Общие результаты этого абстрактного анализа оказались менее чем удовлетворительными. Хотя некоторые познания о влиянии пространства на размещение промышленности удалось получить, исследования были слишком упрощены и настолько далеки от реальности, что не представляли никакого интереса для плановиков и промышленников.

Будучи логическим развитием прежних теоретических исследований, работы последних лет выбирают более реалистичные направления. Одно из них сосредоточивается на темах взаимодействия. Производственное предприятие рассматривается как элемент в сложной совокупности связей с другими производственными фирмами и компаниями, потребителями, работниками и сферой услуг. Тогда выигрыш от размещения, как полагают, определяется близостью к поставщикам и потребителям (внешние выигрыши масштаба и промышленные комплексы). Эта идея получает распространение в виде мультипликатора, в котором некоторое изменение в функционировании предприятий экономически

¹ По техническим причинам расширенный вариант статьи своевременно не попал в редакцию. (Ред.)

воздействует на другие фирмы и компании и в конечном счете обуславливает потерю или выигрыш для экономики региона.

На следующем этапе промышленное предприятие в своих связях и по спросу, и по предложению рассматривается как механизм, обуславливающий экономический рост и развитие, особенно региональное развитие в виде полисов и точек роста. Промышленное предприятие, следовательно, воспринимается как один из элементов в сложной системе окружающей среды, и вопрос об оптимальном его размещении гораздо сложнее, чем простой расчет транспортных затрат.

Исследования по этим региональным взаимозависимостям промышленного предприятия привели к нескольким важным выводам.

Во-первых, связи по поставкам чрезвычайно разнообразны и многочисленны как по виду, так и по географическому источнику. Установлено, что в высокониндустриализированных странах фирмы покупают и важные, и менее важные материалы по всей стране. В каком-то смысле можно утверждать, что потоки грузов большинства промышленных предприятий «свободны от транспорта», или «свободны от сопротивления расстояния».

Во-вторых, принимающие решения не учитывают соображений транспортных затрат или уделяют им мало внимания. Кроме того, вопрос о том, где размещать предприятие, ставится нечасто и значимость его невелика.

В-третьих, эффекты мультипликатора рассеяны по многим районам, отраслям и компаниям. Локальные эффекты промышленных закупок и продаж довольно невелики. В сфере поставок преобладают внераинные эффекты, причем с необычной пространственной перегулярностью, т. е. эффекты вторичные, третичные и т. д. распределяются по всему району. Вместе с тем локальные эффекты в виде заработков и воздействий сферы услуг могут быть глубокими.

В-четвертых, сильным изменениям подвергается характер обрабатывающего сектора и его роль в современном («постиндустриальном») обществе. Технология прогрессирует быстрыми темпами, поэтому большое число чрезвычайно разнообразных продуктов может быть произведено в любом месте при относительно сопоставимых ценах.

Некоторые современные исследования, будучи развитием предшествующих им работ, получили иное направление, которое предполагает еще более реалистичную перспективу географии промышленности. Внимание сосредоточивается на управленических (организационных) системах, выявляемых потоками информации и системами контактов. Если все это синтезировать, то философские основы исследовательских усилий можно изобразить в следующем виде.

Во-первых, главный элемент в промышленно-региональной системе — промышленная корпорация, не являющаяся обрабатывающим предприятием. Фирма состоит из иерархической совокупности групп решений, включающих административные функции (планирование и развитие, управление производством, бухгалтерию и т. п.), функции обслуживания (деловые услуги, продажи и т. п.).

Во-вторых, функция производства определяется как длинная и тонко расчлененная цепь изготовления изделий, когда продукт труда обрабатывается многими фирмами, прежде чем приобретает форму конечного продукта и поступает в сферу распределения и потребления.

В-третьих, каждая промышленная фирма смыкается с другими фирмами и компаниями не только посредством потоков материалов, но и через цепь финансового управления и осуществления услуг.

В-четвертых, отдельная фирма рассматривается во взаимосвязи с окружающей средой, или системой. Связи определяются в системе не только в виде продуктов, но и услуг и информации. Действительно, ни-

формационные связи, возможно, самые важные показатели экономической и размещеческой эффективности, так как они образуют организационные узы системы.

В-пятых, считается, что отдельная организация сама образует пространственную систему, когда ее части взаимосвязаны посредством управленческого контроля, финансовых положений и потоков поставок и продукции.

В-шестых, пространственный аспект особенно важно учитывать не тогда, когда решается вопрос о том, где размещать обрабатывающее предприятие или вспомогательные объекты, а тогда, когда решается проблема «функционирования в пространстве». С одной стороны, пространственный аспект концентрирует внимание на издержках функционирования, связанных с преодолением пространства (особенно когда фирма реагирует на изменения в системе). С другой стороны, пространственные соображения включаются в исследования как внимание к психологическим восприятиям пространства (особенно когда работники фирмы перерабатывают собранную информацию об окружающей среде).

Эта динамика в размещении промышленности анализируется по четырем крупным темам: организационные (управленческие) структуры; рамки системы; явление метрополитанизации; области информационных контактов.

Д. КИБЛ (D. KEEBLE)

Великобритания

МИГРАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Миграция промышленности, определяемая здесь как полный переход производственных мощностей какой-либо фирмой, действующей в обрабатывающей промышленности, или создание фабрики-филиала на новом месте, приобретает все большее значение в Великобритании. В последние годы, когда суммарное количество производственных заведений в стране снижается, число мигрирующих предприятий растет (табл. 1¹).

Из таблицы видно, что для 60-х годов характерен значительно более высокий темп межрайонных перемещений, чем для 40-х и 50-х годов.

В более детальных географических масштабах происходит перемещение предприятий через границы 62 подрайонов страны, которые выделены в последнее время в официальной статистике. За 1966—1971 гг. произошло не менее 1728 внутрирайонных перемещений, это в среднем составляет 288 мигрирующих предприятий в год.

Причины роста перемещений различны. Однако основное воздействие, особенно в межрайонном масштабе, оказала, по-видимому, правительенная политика регионального развития. Уже с 30-х годов британские правительства поддерживали политику снижения экономических и социальных различий между более богатыми центральными районами Юго-Востока и Средней Англии и менее богатыми периферийными районами, в частности Уэльсом, Северной Англией, Шотландией и Северной Ирландией. В связи с этим стимулировалось перемещение растущих обрабатывающих фирм из центральных в периферийные районы. Это осуществлялось в разное время с различной настой-

чивостью. Так, 50-е годы были периодом пассивного осуществления региональной политики, о чем и свидетельствует низкий темп межрайонной миграции (см. табл. 1). Примерно с 1963 г. региональная политика приобрела более активный характер: жестче ограничивался рост обрабатывающих производств на Юго-Востоке и в Средней Англии; значительные средства были израсходованы на стимулирование перемещения промышленности на периферию. По подсчетам, например, Мура и Роудса (1973 г.), валовые затраты на рост обрабатывающей промышленности в «районах развития» увеличились в среднем с 5,3 млн. фунтов стерлингов в 50-х годах до 109,9 млн. в 60-х и 270,2 млн. в 1970—1971 гг.; вышедшая недавно «Белая книга» оценивает затраты 1973—1974 гг. примерно в 410 млн. фунтов стерлингов.

Эти огромные суммы расходуются в районах, которые охватывают свыше 40% населения Великобритании и более 60% ее территории.

В свете изложенного в данной статье делается попытка измерить и классифицировать воздействие миграции промышленности на пространственное распределение обрабатывающих производств в Великобритании. Основное внимание удалено связи между миграцией и государственной региональной политикой. Поскольку ныне растущие темпы миграции характерны для многих развитых стран, представленные здесь выводы могут быть отчасти отнесены и к ним.

Тезис о растущем воздействии региональной политики и миграции обрабатывающих производств на структуру размещения промышленности в Великобритании можно проверить путем количественного анализа изменений в территориальных уровнях развития обрабатывающих производств².

В 1959—1971 гг. не менее семи из десяти подрайонов с наивысшими темпами роста занятости в обрабатывающих производствах находились на периферийных территориях. Богатые центральные агломерации — Лондон и Западная средняя Англия — имели абсолютное снижение занятости на 23,4%, что составляет наибольшую величину среди всех подрайонов. В Лондоне число рабочих мест уменьшилось на 368 тыс. Такова и была цель правительственной политики развития регионов и планирования использования земли в течение многих лет.

Сравним далее тенденции за два подпериода: 1959—1966 и 1966—1971 гг. В первый быстро растущие подрегионы концентрировались в более богатых районах, во второй — наоборот, в периферийных (табл. 2).

Классификация подрайонов по темпам изменения занятости в обрабатывающей промышленности может быть дополнена количественным анализом пространственного неравенства распределения занятости с использованием в качестве меры индекса энтропии Тейла. Этот

¹ В таблице зафиксированы перемещения предприятий через границы 11 стандартных районов, на которые разбита Великобритания для статистических и экономических целей, и, следовательно, не учитываются перемещения на короткие расстояния в масштабе района.

² Анализ агрегированных уровней подрайонных обрабатывающих производств в Великобритании можно сделать за двенадцать лет (1959—1971 гг.), используя данные о занятости в этих производствах за крайние годы в стандартных рамках 62 подрайонов. Кроме того, нами взяты дополнительно данные о занятости за 1966 г.

Таблица 1

Годы	Среднегодовое число межрайонных перемещений	Общее число занедений, тыс.	Число перемещений на 1000 предприятий
1941—1951	142	98,6 (1948 г.)	1,44
1952—1959	69	92,8 (1958 г.)	0,74
1960—1965	141	89,9 (1963 г.)	1,57
1966—1971	186	91,8 (1968 г.)	2,03

Таблица 2

Районы	Быстро растущие регионы		Медленно растущие регионы	
	1959—1966	1966—1971	1959—1966	1966—1971
Периферийные	7	11	4	3
Центральные	12	7	1	2
Остальная Великобритания . .	1	2	7	7

индекс, взятый из теории информации, можно использовать для сравнения уровня пространственного неравенства в различные моменты времени. Есть у него и другие достоинства. Рассчитывается индекс по формуле

$$I(y) = \sum_{i=1}^N y_i \log \frac{y_i}{1/N} = \sum_{r=1}^R Y_r \log \frac{Y_r}{N_r/N} + \sum_{r=1}^R Y_r \left[\sum_{i \in r} \frac{y_i}{Y_r} \log \frac{y_i/Y_r}{1/N_r} \right],$$

где $I(y)$ — индекс энтропии пространственного неравенства по Великобритании в целом; y_i — процентная доля i -го подрайона во всей занятости в обрабатывающей промышленности Великобритании; Y_r — сумма процентных долей всех подрайонов в регионе r ; N_r — число подрайонов в регионе r ; N — общее число подрайонов Великобритании (62); R — общее число регионов Великобритании (11).

Формула предназначена для выделения доли межрайонного и внутрирайонного неравенства в общем значении $I(y)$. Первая указанная в главном члене уравнения, вторая — во втором члене. Первый член выражает степень различия в региональных процентных долях занятости в стране, второй — в подрайонных процентных долях в пределах каждого региона (это значение взвешивается по общей доле региона в занятости по Великобритании). Значения индекса неравенства и его компонентов приведены ниже:

	1959 г.	1966 г.	1971 г.
Внутрирайонный компонент . . .	0,6076	0,5525	0,4949
Межрайонный	0,2024	0,2027	0,1842
Индекс, всего	0,8100	0,7553	0,6791
В % к максимальному неравенству (4,1271)	19,6	18,3	16,5

Эти данные подтверждают две из трех принятых гипотез. Во-первых, индекс неравенства значительно снижается между 1959 и 1971 гг., что указывает на все более равномерное распределение обрабатывающей промышленности по подрайонам. Во-вторых, ежегодные темпы снижения индекса неравенства более чем вдвое выше ($-2,02\%$) во второй подпериод, чем в первый ($-0,96\%$), т. е. в связи с более активной региональной политикой. Для взятого в данном исследовании числа подрайонов — 62 — теоретически возможный диапазон для $I(y)$ составляет от 4,1271, т. е. максимального неравенства (вся занятость в обработке сконцентрирована в одном подрайоне) до 0,0000, т. е. максимального равенства, когда теоретически предполагается, что каждый подрайон обладает одинаковой долей занятости в обрабатывающей промышленности Великобритании (измерено в натуральных логарифмах).

Третья гипотеза состояла в том, что указанные тенденции проявляются на межрайонном уровне, где в основном и действует региональная политика, более отчетливо, чем на внутрирайонном уровне, где действуют иные факторы. Но динамика составляющих индекса нера-

венства показывает, что такая гипотеза слишком упрощает фактические перемены на этих двух географических уровнях.

Как видим из приведенных данных, межрайонный индекс неравенства значительно снизился ($-1,83\%$ в год) в 1966—1971 гг., но в 1959—1966 гг. он несколько повысился ($0,02\%$ в год). Напомним, что 1959—1966 гг. были периодом пассивной региональной политики, и движение индекса свидетельствует о возросшей региональной концентрации обрабатывающих отраслей промышленности.

Различия между центральными и периферийными регионами характеризуются отрицательными и положительными изменениями их доли в занятости по периодам:

	Доля в занятости в 1959 г., %	Изменения доли за 1959—1966 гг., %	Изменения доли за 1966—1971 гг., %
Юго-Восток	28,7	+0,3	-0,7
Западная Средняя Англия	13,3	+0,6	-0,4
Восточная Средняя Англия	6,5	+0,4	+0,3
Восточная Англия	1,7	+0,4	+0,3
Юго-Запад	4,3	+0,2	+0,4
Йоркшир-Хэмбър	10,1	-0,3	-0,2
Северо-Запад	15,9	-0,9	-0,6
Север	5,5	-0,4	+0,4
Уэльс	3,3	+0,3	+0,3
Шотландия	8,6	-0,5	+0,1
Северная Ирландия	2,1	-0,1	+0,1

Эти данные показывают, что три традиционно богатых района увеличивали свою долю в занятости, а четыре традиционно бедных снижали ее до 1966 г. Только Уэльс достиг повышения. После же 1966 г. все изменилось. Однако динамика межрайонного компонента исчисляемого выше индекса показывает, что было бы неверно рассматривать изменения в подрайонах в последнее время относить главным образом к влиянию межрайонной миграции и региональной политики. Компонент внутрирайонного неравенства составляет примерно три четвертых индекса по стране на все три указанные даты, и его снижение было вызвано в основном уменьшением именно внутрирайонного неравенства за весь период и по подпериодам.

Отметим в данной связи следующий примечательный факт: у каждого региона отмечалось снижение индивидуального индекса внутрирайонного неравенства, причем не только в целом за 1959—1971 гг., но и в каждом подпериоде (за исключением двух случаев). Это значит, что внутрирайонные силы имеют больший вес, чем широкая межрайонная политика, пусть даже она и играет существенную роль в последние годы. Правда, вполне вероятно, что внутрирайонная динамика отражает также миграцию промышленности: изменяющиеся соотношения в стоимости земли и зданий, трудовых ресурсов, транспортной доступности и другие факторы вызывают перераспределение обрабатывающих производств из традиционно ведущих индустриальных подрайонов в менее индустриализированные подрайоны регионов Великобритании.

Кроме энтропийного анализа была проведена также прямая оценка важности миграции как компонента в изменении размещения обрабатывающих производств на уровне подрайонов. Эта оценка значительно дополняет сделанный выше анализ.

Подтверждается точка зрения, согласно которой главные сдвиги в региональном распределении обрабатывающей промышленности Великобритании в последние годы явились ответом на активную правительственныйую региональную политику. Более того, именно на этом уровне миграция промышленности имеет, по-видимому, наибольшее воздействие. Еще большими были перемены на внутрирайонном уровне — в виде быстрого смещения промышленности из основных британских

промышленных центров в менее индустриализированные территории как центральных, так и периферийных регионов. Хотя миграция играет, несомненно, важную роль в этом процессе, различные темпы роста подрайонов или спада «аборигенной» промышленности имеют еще большее значение. Оценка и выявление значимости этих двух компонентов изменения в обрабатывающей промышленности в различных подрайонах Великобритании, приведенные в настоящей статье, возможно, станут вехой в изучении динамики размещения промышленности в развитой стране.

Х. КОЛЬ (Н. КОНЬ)

ГДР

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СТАРЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: ОПЫТ ГДР

В социалистических странах общественная собственность на средства производства дает возможность планомерно размещать отрасли промышленности в регионах с соответствующей производственной сферой, технической и социальной инфраструктурой. При этом в территориальном планировании встает задача последовательного учета в каждом конкретном случае многообразия региональных хозяйственных элементов. Эти вопросы широко обсуждаются в стране, принимающей XXIII Международный географический конгресс, в связи с развитием территориально-производственных комплексов, впервые предложенных в фундаментальных работах Колосовского, а также в связи с разработкой моделей региональной экономики.

Сложные территориальные вопросы ставятся по-разному в зависимости от состояния развития территорий. Экономические районы, высокондустриализованные в прошлом, например территории вокруг столицы ГДР, округ Лейпциг-Галле или территории вокруг Москвы, Донецко-Приднепровский район в СССР, имеют иные проблемы развития, чем, скажем, слабоиндустриализованные северные округа ГДР или относительно новые промышленные комплексы Сибири, которые в прошлом были освоены экономически лишь в незначительной степени. Первые развивались при меняющихся социальных условиях в течение продолжительного времени и отличались возрастанием перенаселенности и периодическими глубокими преобразованиями, последние же росли в основном по схеме унифицированных территориальных концепций.

На вопросах территориального планирования старых высокондустриализованных экономических районов с позиций географии промышленности мы и остановимся ниже.

Территориальная специализация промышленности. Специализация промышленных районов как выражение территориального разделения труда появилась стихийно под влиянием основного закона капиталистического производства. На нынешней территории ГДР эта специализация привела в прошлом к глубоким контрастам между северной частью с преобладанием сельского хозяйства и высокондустриализованной южной. В региональном аспекте этот контраст выражается в различных условиях труда и жизни людей.

Планомерная специализация промышленных территорий в социалистических странах обеспечивается благодаря долгосрочной оптимизации производства и услуг, что достигается вместе с целенаправленным улучшением условий труда и жизни людей.

Потенциал населения, развития производства, инфраструктуры и освоения ресурсов играет существенную роль в процессе специализации. В старых промышленных районах последствия прежней специализации, например квалификация рабочих, основные фонды производства и инфраструктуры, степень освоения и эксплуатации природных ресурсов, имеют решающее воздействие на их дальнейшее развитие. Это воздействие коррелирует с состоянием развития промышленной территории вообще и со степенью ее специализации в частности. Иначе говоря, те территории, которые имеют высокую концентрацию промышленности или высокий уровень индустриализации с заметными элементами специализированного производства, с большой вероятностью станут местом размещения и дополнительных специализированных производств. С экономической точки зрения этот вывод для ГДР резюмирует Кречмар: он считает, что в случае необходимости расширения мощностей для этого должны избираться территории, где уже размещены аналогичные производственные объекты, с целью использования накопленного там опыта.

В 50—60-х годах округа на севере ГДР — Росток, Шверин-Бранденбург, ранее почти исключительно сельскохозяйственные, развили довольно широкий комплекс специализированных промышленных производств, например судостроение, машиностроение и пищевую промышленность; южные же, уже в значительной мере перенаселенные, — Галле, Лейпциг, Дрезден, Карл-Маркс-Штадт и Гера — почти не изменили спектр своих важнейших отраслей.

В новых промышленных районах специализированные отрасли, как правило, требовали очень больших фондов. В старых районах благодаря использованию существующих объектов и прочего оборудования можно было вводить новые специализированные производства часто с привлечением небольших фондов. Здесь заключается одна из важнейших причин преемственности размещения, наблюдаемой повсеместно, несмотря на изменение производства.

Затраты, связанные с перестройкой объектов для специализированных производств с целью достижения оптимальных территориальных структур и использования существующего промышленного оборудования, соответствуют удельному весу фондов, выделяемых промышленным районам. Если в промышленности ГДР средний фонд достигает 80 тыс. марок (1970 г.) на одного рабочего, занятого, скажем, в энергетике, топливной, химической и металлургической промышленности, то довольно трудно, а порой и невозможно осуществить коренные изменения в оборудовании. Они обычно проводятся только в случае исчерпания ресурсов или радикальных перестроек технологий. В противоположность этому в тех отраслях промышленности ГДР, где производственные фонды в среднем не превышают 40 тыс. марок (1970 г.) на одного работника, например в машиностроении, электромашиностроении и электронике, инструментальной и легкой промышленности, включая текстильную, гораздо легче изменить профиль производства.

Даже в высокондустриализованных южных округах ГДР этот контраст проявляется очень ярко. Здесь производственные профили округов с отраслями, в которых размеры фондов велики, изменились незначительно. В качестве примера можно упомянуть округ Галле, где энергетика, топливная, химическая и металлургическая отрасли промышленности составили 58,8% валового промышленного производства (1971 г.). В противоположность этому профиль округов с крупными отраслями, имеющими меньшие объемы фондов, изменился более заметно. Здесь можно сослаться на округ Карлс-Маркс-Штадт, где машиностроение, электромашиностроение и электроника, инструментальная промышленность и легкая, включая текстильную, составили 79,4% валового производства (1971 г.). В этом округе значительная часть фондов тек-

стильной промышленности была использована для развития новых отраслей, например машиностроения, электромашиностроения и электроники.

Специализация промышленности и комплексное территориальное развитие. Специализированные производства составляют сердцевину промышленности в индустриализированных районах. Если комплектующие отрасли удается приспособить наиболее адекватно к этим специализированным производствам и установить гармонию между промышленностью в целом и соответствующим производством и другими структурами региона, то даже развитие старых промышленных территорий можно назвать комплексно-территориальным развитием.

Старые промышленные территории формировались стихийно, в них меньше предпосылок и возможностей для комплексно-территориального развития, чем в новых промышленных регионах, созданных на основе единых территориальных концепций. Главная слабость первых состоит в том, что в них развивались индивидуальные схемы связей, построенные на финансовых взаимозависимостях без учета региональных соображений. В результате производства на этой территории располагались вблизи друг от друга, имели мало связей, что приводило к диспропорциям, недостаточно сбалансированным требованиям к рабочей силе, воде, транспорту.

Для того чтобы покончить с этими недостатками в интересах построения более эффективных региональных структур, потребуется длительный период, а также огромные объемы фондов.

Для выполнения этих задач необходимо разработать концепции развития отдельных территорий и в целом государства, которые в качестве генеральной директивы будут использоваться как основа при разработке планов. Экономическая реальность станет стартовой площадкой, с которой можно оптимизировать развитие территории с учетом роста национального дохода и улучшения условий труда и жизни населения. В старых промышленных районах трудно разрешить проблему оптимизации вследствие многообразия взаимно действующих друг на друга условий и элементов, в частности структур населения, производства, инфраструктуры и ресурсов.

Ориентация отраслей территории (либо уже существующих, либо запланированных) на специализированные производства в попытке создать комплексирующие производства и, следовательно, сделать структуру промышленности полной в пределах этой территории представляет собой мероприятие, связанное с большим числом дополнительных задач. Стремление упростить его, например свести к регулированию материальных связей между пунктами размещения и к соответствующему изменению производства на фабриках, может привести к нежелательным воздействиям на другие структуры или другие территории.

Таким образом, экономически рациональное сочетание пунктов размещения промышленности играет существенную роль в комплексно-промышленном развитии района. Специализированные отрасли промышленности обычно сильно развиты в старых районах. Промышленные мощности, связанные с ними как комплексирующие производства, могут быть освобождены от своих заданий только при условии, что эти задания будут переданы другим фабрикам, при соблюдении комплексно-территориальных требований. Превращение текстильных фабрик, расположенных в округе Карл-Маркс-Штадт, в заводы по производству электротехнической и электронной продукции — пример изменения профиля в ходе развития централизованного машиностроительного производства. Сочетание специализированных и комплексирующих производств может быть достигнуто путем ввода новых мощностей, требующихся для снабжения существующих специализированных производств. В качестве

примера назовем строительство объектов по производству серной кислоты в Козвиге-на-Эльбе в округе Галле.

Более высокий уровень территориальной комплексности может быть достигнут лишь постепенно, поскольку в старых промышленных районах имеется большой объем производства. Наглядное проявление этого — развитие территориальных инвестиционных комплексов, например Берлина, комплекса Лихтенберг — Северо-Восток (по отношению к капиталовложениям), территориальных комплексов рационализации, например Лейпциг — Плагвиц (по отношению к перестройке формы существующих промышленных территорий).

Иерархия комплексных территориальных разработок с точки зрения географии промышленности. Примером комплексного территориального развития могут служить современные производственные комплексы Сибири. Однако специфические профили производства в этих комплексах и их гигантские размеры делают невозможным автоматическое распространение концепций их развития на другие территории. Но рациональное зерно теории территориально-производственных комплексов может послужить руководством для общей ориентации развития в большинстве других районов, независимо от их размеров, профиля и степени агрегирования.

Территориально-производственный комплекс в его наиболее обобщенной форме представляет собой территорию со специализированными и комплексирующими производствами, пропорционально в нем распределенными, формируемую или развивающую систематически в интересах общества. Он может служить ориентиром старым промышленным узлам. Такой опыт в ГДР существует уже давно, что видно на примере инвестиционных комплексов.

Старые промышленные территории, как и другие хозяйствственные центры, сильно различаются по размерам, уровню развития и агрегированию, профилю производства. При определении этапов комплексно-территориального развития этих старых центров следует соблюдать определенную последовательность.

Существует необходимость так ограничить рассматриваемые территории, чтобы обеспечить комплексное развитие их с точки зрения структурных эффектов. Возникающие проблемы экономического районирования можно рассматривать вертикально и горизонтально.

Вертикальное районирование, т. е. иерархия промышленных территорий по размерам, может исходить из идеи о том, что растущие пространственные размеры должны учитываться вместе с прогрессирующей концентрацией и специализацией. Это будет означать, что небольшие страны целиком или частично вместе с территориями других стран могут рассматриваться и классифицироваться в рамках СЭВ как хозяйствственные единицы более высокого порядка. Даже если высокая степень комплексности достижима только на относительно крупных территориях, небольшие по размерам территории не должны упускаться из вида из-за своих меньших возможностей формировать комплексы.

Горизонтальное экономическое районирование, т. е. разделение пространства на отдельные территории и определение границ комплексов, особенно затруднено в старых промышленных районах.

Экономическая динамика, особенно наглядно проявляющаяся в связи с проблемами районирования, представляет собой, однако, только один фактор определения территорий. С ним тесно связан другой фактор — принятая политическая установка. В целом это относится не только к формированию условий труда и жизни населения, тесно связанных с экономической динамикой, но и касается кооперации, которая осуществляется людьми в процессе планирования и управления территориями.

Сформированный территориальный комплекс нуждается в относительной стабильности своих границ в рамках политico-административных территорий, которые в ГДР представляют одновременно единицы для планирования. Поэтому адаптация линии границы при определении размеров комплексов к изменяющимся условиям не может осуществляться непрерывно. Ее следует проводить через продолжительные интервалы времени только как вид акции, которая будет постоянно на-верстывать упущенное и одновременно давать перспективу.

Б. КОРТУС (B. KORTUS), Л. ПАКУЛА (L. PAKULA)

ПНР

ТЕНДЕНЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ВЕРХНЕ-СИЛЕЗСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА

Крупнейший в Польше промышленный район Верхней Силезии, если исходить из классификации Н. Н. Колесовского (1958 г.), относится к индустриальным комплексам с четким преобладанием угольно-металлургического цикла, с многосторонними технологическими и производственными связями, вертикальными и горизонтальными, внутрирайонного и внешнего характера. Он занимает исключительное положение в пространственно-экономической структуре ПНР: здесь на площади, составляющей лишь 4% территории, при населении 13,4% от всего населения ПНР сосредоточено 33% основных фондов промышленности и 27% занятых в польской индустрии (1970 г.).

До сих пор в пространственной организации Верхне-Силезского промышленного района (ВСПР) четко выделялись две территории, различающиеся степенью концентрации промышленности, населения, характером расселения, а также всей инфраструктуры. Это, во-первых, центральная территория — городская агломерация, «ядро» ВСПР, а во-вторых, менее агломерированная пограничная часть. В 1946—1970 гг., однако, происходил процесс деконцентрации «ядра» ВСПР в пользу его окраин. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в пространственном распределении роста занятости в промышленности: за 1947—1970 гг. число занятых в расчете на 1000 жителей во всем районе выросло на 27%, в том числе в городской агломерации на 16 и в окраинной зоне на 93%. В перспективе рассматриваемый процесс будет продолжаться.

Деконцентрация центральной территории ВСПР вызвана главным образом положением с сырьем: угольная промышленность постепенно смещается из центральной части района к окраинам, в основном на юг и юго-запад; доля окраинной области в общей добыче по ВСПР возросла с 20% в 1960 г. до 30% в 1974 г. Подобные тенденции отмечены и в металлургии цинка и свинца: добыча руды, ее переработка смещаются из района Бытома в район Олькуша-Тшебини и далее в район Севежа-Заверче.

Деконцентрация промышленности и населения центральной части ВСПР обеспечивалась также мерами политики в области размещения — «политики дегломерации», например, путем создания нового жилого центра, а позднее промышленного узла в Тыхи или строительства нового сталелитейного завода «Катовице» на северо-восточной периферии ВСПР.

Одной из причин развертывания акций по промышленной дегломерации были явления порогового характера в инфраструктуре ВСПР, в частности в системе водоснабжения и на транспорте.

В рамках ликвидации пороговых ограничений в инфраструктуре находятся некоторые резервы пригодных для использования мощностей. Из-за этого направление главных поясов инженерной инфраструктуры, питающей распределительную сеть ВСПР, особенно городской агломерации, относится к самым важным факторам, определяющим пространственное развитие промышленности и урбанизацию района.

Тем не менее на развитие промышленности в ВСПР влияют и будут влиять предприятия, размещение которых здесь неизбежно, — коксовые заводы, домны, электростанции. Независимо от желательных тенденций в отраслевой структуре промышленности в этом районе дороже сырье вместе с гигантскими основными фондами определяют сегодняшнее и будущее относительное преобладание добывающей и тяжелой промышленности. Так, угледобывающая и энергетическая промышленность вместе с metallurgiей занимают около 80% промышленных площадок в Верхне-Силезском районе. Их доля в общем объеме перевозок товаров превышает 90%.

Одна из характерных отрицательных черт городской агломерации ВСПР — недостаток пространственного порядка, что выражается в хаотичном размещении объектов, нерациональным сочетании промышленных и жилых зон или инфраструктурных служб. Это увеличивает трудности дальнейшего роста данной территории, ухудшает условия жизни местного населения.

Ситуация в этом отношении не будет исправлена самим процессом относительной дегломерации промышленности или даже жилых зон в пользу более близкой или более отдаленной окраины: объем производства и численность населения в городской агломерации всегда будут расти. Поэтому необходимо предпринять меры, направленные на трансформацию хаотической пространственной структуры этой территории в достаточно рациональную. Сейчас не вызывает сомнения, что компактная территория с максимальной концентрацией промышленности, инфраструктуры и сложившимся расселением между Яворино-Щаково с востока и Гливице с запада требует санации, т. е. улучшения ее пространственной структуры. Этого можно добиться в результате предусмотренного снижения угледобычи более чем на десяти шахтах и закрытия некоторых рудников (в связи с исчерпанием запасов), ограничения производства кокса и ликвидации части коксовых батарей, ограничения выплавки чугуна, уменьшения использования цинковых и свинцовых руд, а также ликвидации угольных отвалов и строительства скоростной городской железной дороги.

Благодаря резервам земель, полученных при ликвидации некоторых предприятий, появится возможность пространственного маневра при формировании рациональной пространственной организации. В результате названных мероприятий нынешнее хаотически загроможденное пространство рассматриваемой территории трансформируется в поляризованную систему промышленности и расселения, в систему распределенной концентрации.

Поляризованная пространственная структура центральной зоны ВСПР будет представлена сетью промышленных зон (комплексов), иерархически дифференцированными городами, жилыми и обслуживающими центрами, связанными перевозками товаров, а также скоростной городской железной дорогой и прочими элементами инженерной инфраструктуры. Такое решение было реализовано в ряде высокондустриализированных территорий Европы.

Остальная часть Верхне-Силезского промышленного района может рассматриваться как зона дальнейшей территориальной экспансии промышленности и урбанизации. Такое развитие, несомненно, приведет к интеграции в пространстве с соседними промышленными районами Ченстохова, Ополе, Рыбника или Бельско-Бялы. Эти тенденции в разви-

тии неизбежны. Однако, по мнению авторов, необходимо проследить, чтобы территория ВСПР соединялась с соседними районами не вдоль широкой зоны, а посредством узких полос. Благоприятствуют полосной форме пространственного роста лесные массивы на границе с ВСПР, образующие природные барьеры, которые должны учитываться в будущем пространственном развитии.

Совсем иное положение на восточной границе ВСПР, где он на большом протяжении соприкасается с Западно-Краковским промышленным районом. И в результате распределения по территории сырья, и с позиций структуры промышленности Западно-Краковский район является пространственным продолжением Верхне-Силезского промышленного района. Фактически вся эта промышленная зона представляет собой одну компактную территорию, которая, по предложению одного из авторов статьи, была названа Верхне-Силезско-Хшанувским промышленным районом. Восточная граница этого района проходит приблизительно вдоль границы Олькуш — Хшанув — Тшебиня — Освенцим.

К востоку от упомянутого района расположена городская промышленная агломерация Кракова. Сильные производственные связи этой агломерации с Верхне-Силезско-Хшанувским промышленным районом также рождают тенденцию к пространственной интеграции. Однако их слияние нецелесообразно. Как и в предыдущих случаях, проблема состоит в том, чтобы создать возможно более узкую полосу для этих интеграционных процессов. Руководящие органы Краковского воеводства делают все для сохранения «защитной зоны» между этими двумя районами в виде лесов или сельскохозяйственных угодий.

В качестве меры интеграции отдельных пограничных районов с центральной территорией ВСПР рассматриваются различные производственные связи промышленности, выражющиеся в поставках и рыночных отношениях.

С точки зрения связей по поставкам (пассивные связи) промышленность пограничных районов отличается сильной зависимостью от всей Верхне-Силезской промышленной агломерации. Отсюда поступает примерно 54% всех поставок сырья, половина этой доли приходится на ВСПР, а вторая половина — на 5 окружающих районов. Всего 23% сырьевых материалов и другой продукции поступает с остальной территории Польши (без учета импорта, который составляет 23% поставок). Ни один другой промышленный район в стране не имеет такой сильной зависимости от сырья. Степень зависимости от поставок сырья в трех районах значительно выше средней по всей пограничной территории.

Она колеблется в них от 65 до 70%. В Западно-Краковском промышленном регионе, например, систематически повышается зависимость промышленности в сфере снабжения от местной базы. Это особенно заметно в тех районах, где сильно преобладает горнодобывающая и тяжелая промышленность, в частности в угольном районе Рыбника. Как правило, интенсификация связей в сырьевых районах зависит от развития отраслей обрабатывающей промышленности, которые называются также производствами, сопутствующими ведущим отраслям. Обрабатывающая промышленность систематически пополняет отраслевую структуру отдельных районов.

Бельский промышленный район лишь на одну треть зависит от сырья всей промышленной агломерации, поскольку в нем сосредоточена только обрабатывающая промышленность (текстильная и машиностроение), часто с незавершенными производственными циклами при сильно развитой внешней кооперации. Представляется, что рост автомобильной промышленности здесь может внести некоторые изменения в эту сферу.

В перспективе следует принять во внимание дальнейшее увеличение межрайонных производственных связей в сфере сырьевых материалов. Управление этим процессом будет осуществляться, в частности, посред-

ством дальнейшего развития энергетических мощностей на угле, модернизации и изменения профиля производства металлургических заводов ВСПР, предполагаемого роста более высоких стадий обработки в машиностроении и химической промышленности.

Решающее влияние на пространственную систему рынка промышленной продукции Верхне-Силезской пограничной территории оказывают размеры и вид производимых продуктов. В пространственной структуре рынка (активные связи) только одна треть конечных продуктов, выпускаемых промышленностью пограничной территории, остается в агломерации, 18% приходится на сам ВСПР и 16% — на его пограничные районы. Эта система рыночных пропорций применительно к поставкам может быть объяснена тем, что промышленность исследуемой агломерации имеет сырьевой характер по отношению ко всей стране. Ее движущей силой является высокая доля поставок из собственного района (54%); кроме того, данная агломерация сбывает свою продукцию в основном внутри страны.

Приведенный выше пример пространственно-производственных связей может рассматриваться как элемент процесса концентрации и интеграции промышленности, который происходит в Верхне-Силезском промышленном комплексе.

А. КУКЛИНСКИ (A. KUKLIŃSKI)

ПНР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В 1967 г. Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) опубликовала доклад о критериях размещения промышленных предприятий. В нем указывалось: «В исследовании делается попытка нарисовать общую картину опыта стран ЕЭК в области применения различных критериев размещения промышленности. Учитывая институциональные рамки этих стран, исследование сосредоточивается в особенности на возрастающем значении, которое приобрели макроэкономические критерии, и на коренных изменениях, действующих на механизм процесса принятия решений по размещению промышленности. Несколько более подробно анализируются воздействия на факторы и критерии размещения более существенных усовершенствований в области промышленной технологии, хозяйственного управления, региональной политики и экономической интеграции на международном уровне. Специальный раздел исследования посвящен оценке опыта, полученного промышленными странами по проблемам размещения промышленности, с которыми сталкиваются страны развивающиеся».

Автор настоящей статьи попытался продолжить указанное исследование, предполагая, что его исходные положения по-прежнему верны и подтверждаются событиями последних лет.

Интеграция социально-экономических мероприятий по размещению промышленности, индустриализации и региональному развитию. Во многих странах довольно длительное время размещение промышленности, индустриализацию и региональное развитие относили к разным сферам социально-экономических видов деятельности и мероприятий. Микроэкономический и предпринимательский подходы доминировали при принятии решений в области размещения промышленности, критерии отраслевой эффективности господствовали в мероприятиях по индустриализации, а кри-

терии социального равенства признавались, по крайней мере теоретически, главными в региональной политике.

Предпочтение, отдаваемое национальной политике и национальным планам в руководстве экономическим развитием и социальным прогрессом, создало новые рамки для размещения промышленности, индустриализации и регионального развития. В этих рамках возрастает значение макрокритериев в области размещения промышленности. Переход от микро- к макрокритериям формирует важное связующее звено между размещением промышленности, индустриализацией и региональным развитием. Масштабы и структура политики индустриализации также меняются. Указанные политика становится более комплексной: она включает не только классические технико-экономические измерения, но и измерения региональные, социальные, природной среды. Таким образом, взаимосвязь между политикой индустриализации и политикой регионального развития сегодня вполне очевидна.

Эта перемена в подходах тесно связана с изменением объективной действительности. Наблюдается технико-экономическая тенденция возрастания масштабов решений по инвестициям. Размещение небольшого предприятия не является проблемой индустриализации и регионального развития. Размещение крупного интегрированного предприятия необходимо рассматривать одновременно как проблему политики индустриализации и регионального развития. Разница между этими двумя ситуациями особенно видна в регионах и странах с низким уровнем индустриального развития, где новые капиталовложения сильно сказываются на структуре хозяйства.

Поставленная здесь проблема имеет институциональное измерение. Мы можем задать вопрос, до какой степени изменения объективных тенденций, установок и подходов отражаются в моделях институтов, отвечающих за решения в рассматриваемой области.

Исследования по интеграции размещения промышленности, индустриализации и регионального развития. В области региональных исследований в последнее десятилетие был сделан большой шаг вперед, что открывает новые перспективы интеграции различных подходов к указанным проблемам.

К рассматриваемой здесь теме имеют отношение, в частности, два из наиболее важных направлений: исследования по полюсам роста (теория и мероприятия политики) и исследования по интеграции глобального, функционального и территориального планирования. Существует мнение, что теория полюсов роста является наибольшим приближением к общей теории регионального развития. Нет нужды останавливаться на этом противоречивом суждении. Однако гипотеза о полюсах роста стимулирует теоретические и методические подходы, которые способствуют интеграции размещения промышленности, индустриализации и регионального развития. Это направление было развито Серхио Буасье в работе «Индустриализация, урбанизация, поляризация — к унифицированному подходу», несомненно, представляющей интерес для деятельности Рабочей группы МГС по географии промышленности.

Сосредоточивая внимание на технической сущности гипотезы полюсов роста, мы не должны забывать об идеологической субстанции данной теории. В этой связи стоит процитировать несколько строк из статьи Дж. Л. Кораджо: «Даже самый мягкий обзор «предписаний по развитию путем создания полюсов роста» оставляет тяжелое чувство неудовлетворенности тем, что важнейшие компоненты предложения удаляются из анализа, т. е. компоненты, имеющие отношение к реальным условиям функционирования систем регионов, действующих в рамках капитализма.

Поэтому методологическая достоверность анализа и соответствующая ему стратегия ставятся под вопрос. Не являются ли они попыткой

применить к другим странам теорию, разработанную на основе иных фактических ситуаций, или, точнее, ситуаций в экономически развитых странах? Не верно ли также, что только механистические элементы этой теории отбираются для рассмотрения, затем следует поверхностная адаптация к случайным ситуациям, а содержание по существу остается в стороне?

Наконец, не есть ли эта стратегия полюсов роста идеологической ширмой, скрывающей реальный процесс всевозрастающей интеграции наших пространств с доминирующей системой?»

Исследования по интеграции глобального, функционального и территориального планирования. В обширной области социально-экономического планирования наблюдаются различные направления изменений. Одно из них — возрастающая дифференциация этой области: постоянное появление новых видов планирования, которые порой претендуют на почти самостоятельный статус, который создается частичным интересом и частичными подходами. Очень важна в этой ситуации роль научной общественности, которая разрабатывает новые подходы к планированию. В то же время растет неудовлетворенность тем, что тенденция к диверсификации приводит к определенным отрицательным последствиям. Короче, диверсификация плановой деятельности в некоторых условиях может быть равнозначной дезинтеграции. Поэтому многие национальные и международные научно-исследовательские организации считают, что главная проблема — интеграция различных видов плановой деятельности.

Вопрос интегрированного подхода к глобальному, функциональному и территориальному планированию дискутируется весьма живо. Чтобы добиться прогресса в этих направлениях, нужны не только новые идеи общей интеграции, но и новые подходы к частной интеграции, которые образуют мости, соединяющие различные плановые подсистемы. С этой точки зрения наиболее важны исследования по отраслевому и региональному подходам к долгосрочному планированию. Материалы по данным вопросам представлены в восьмом томе «Серии по региональному планированию», издаваемой ЮНРИСД — Мутон. В этом же плане следует рассматривать модели и подходы, разрабатываемые в Москве, Варшаве и Роттердаме. Они создают общие рамки для интегрированного подхода к размещению промышленности, индустриализации и региональному развитию.

Принципиальная слабость исследований по размещению промышленности, индустриализации и региональному развитию и вытекающие из этого шаги. В исследованиях по названным проблемам, опубликованных за последнее десятилетие, предпочтение отдавалось методологическим и методическим работам с относительно коротким исследовательским циклом, результаты которых были реально значительны или казались такими (во всяком случае по отношению к затратам). Исследования такого рода могут осуществляться индивидуально, и только в исключительных случаях требуются усилия больших коллективов на основе национального и международного сотрудничества.

Совершенно иная ситуация складывается в области эмпирических исследований. Здесь соотношения затрат и результатов гораздо менее благоприятны. Порой очень крупный научно-исследовательский проект с обработкой обширного массива данных приносит совсем немного достоверных обобщений. Значительные эмпирические работы требуют хорошо организованных коллективных усилий с использованием долгосрочной основы.

Не случайно этот трудный путь прогресса избирался менее часто. Особенно редки эмпирические исследования с широкими международными сопоставлениями. Недостаток крупных эмпирических разрабо-

ток — главная слабость исследований по размещению промышленности, индустриализации и региональному развитию. Естественно, некоторые усилия в области методологических и методических изысканий также необходимы, но главная задача — проведение эмпирических исследований.

В связи с этим целесообразно разработать научно-исследовательский проект создания эмпирического фундамента в данной области, соединив различные национальные и международные исследования (особенно в рамках Организация Объединенных Наций). Широкое название для этого исследования предлагается не случайно. Проблемы размещения промышленности не могут быть отделены от политики индустриализации и регионального развития в целом. Управленческие предпосылки научно-исследовательской программы должны базироваться на сотрудничестве ученых и плановиков, представляющих дифференцированную группу развитых и развивающихся стран. В рамках такой программы можно выделить три основных научно-исследовательских проекта.

А. Проект по принятию решений в области размещения промышленности, индустриализации и регионального развития. Можно наметить и осуществить совокупность исследований для анализа структуры и механизма принятия решений, которые действуют в многоуровневых системах политики и планирования, разработанных в различных странах в ответ на различные социальные, политические и экономические условия и институциональные решения.

В этих широких рамках можно обсуждать критерии, применяемые в данной области, с учетом социальных аспектов и интересов окружающей среды. Наконец, следует пересмотреть противоречивые проблемы методологической и институциональной интеграции и дезинтеграции различных подходов к размещению промышленности, индустриализации и региональному развитию.

Б. Проект размещения промышленности, индустриализации и регионального развития с эмпирическими обоснованиями. Здесь имеются в виду исследования по странам. Временной горизонт предложенной совокупности ситуационных анализов может включать две перспективы: историческую перспективу двух десятилетий — 1950—1970 гг. — и футурологическую перспективу 2000 г. Естественно, что точность в сравнительных подходах во времени и пространстве должна быть ограничена исторической ретроспективой, где унификация аналитических методов возможна уже сейчас.

По поводу эмпирического содержания ситуационных исследований хотелось бы высказать следующие предложения. Во-первых, в каждом исследовании по размещению промышленности следует рассматривать наиболее важные решения в этой области, осуществленные в 1950—1970 гг. Во-вторых, в каждом исследовании по индустриализации экономические, социальные проблемы окружающей среды должны обсуждаться в национальном и региональном масштабах. Изменения в моделях индустриализации в 1950—1970 гг. верифицируются посредством применения метода сдвига с использованием других методов. Может использоваться различие темпа и объема промышленного роста. В-третьих, применительно к региональному развитию следует подготовить критическую оценку основополагающих его тенденций в данной стране. В этих рамках потребуется ответить на принципиальный вопрос, насколько важны решения в области размещения промышленности и индустриализации для регионального развития.

В. Проект размещения промышленности, индустриализации и регионального развития с теоретическими обоснованиями. Это вторая стадия предложенной программы. После обмена первоначальными результатами научно-исследовательских проектов А и Б можно начать изуче-

ние вопроса о том, в каком направлении следует изменить общие теоретические рамки размещения промышленности, индустриализации и регионального развития, чтобы отразить новые ситуации, вызываемые преобразованиями объективной действительности и принятием решений. Теоретическая ориентация, предлагаемая здесь, основана на прямых связях эмпирических результатов и теоретических обобщений.

Идеи и предложения, высказанные в настоящей статье, представляют всего лишьrudimentарную схему научного и управленческого мышления, которая должна быть пересмотрена и развернута. Однако принципиальная идея программы представляется пригодной и с научных, и с управленческих позиций. Эта новая международная научно-исследовательская программа намечена как логическое продолжение усилий, предпринятых ранее.

Т. ЛИЕВСКИ (T. LIJEWSKI)

ПНР

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОЛЬШЕ

Географическая среда — один из главных факторов, обуславливающих развитие промышленности. Одни элементы окружающей среды могут оказывать положительное, а другие — отрицательное воздействие на развитие промышленности.

Среди положительных факторов важнейшими являются полезные ископаемые и водные ресурсы. Полезные ископаемые можно классифицировать с учетом их практической значимости, степени распространения, размеров месторождений и легкости добычи.

Роль отдельных полезных ископаемых изменялась во времени, поскольку обнаруживались новые возможности их использования. Например, каменный уголь стал основой развития промышленности только после изобретения парового двигателя, сырая нефть — после изобретения керосиновой лампы. Вода всегда стимулировала развитие промышленности, хотя поначалу использовалась главным образом как источник энергии. Позднее, с развитием энергетики и химических отраслей промышленности, она приобрела большое значение как охлаждающее вещество, существенный компонент различных технологических процессов и, наконец, как резервуар для промышленных отходов. При современных масштабах индустриальных процессов только крупные реки и озера, а также моря пригодны для использования в промышленных целях, что и объясняет исчезновение характерных для прошлого «цепочек» промышленных заводов по берегам небольших рек. В то же время транспортировка воды по трубопроводам позволила размещать водоемы производства вдали от рек.

Среди элементов географической окружающей среды, сдерживающих развитие промышленности, можно назвать почвы, флору и фауну (особенно редкие виды, охраняемые в естественных заповедниках и национальных парках).

Хорошие почвы — необходимый элемент сельскохозяйственного производства, поэтому их не следует отдавать под промышленное строительство, особенно таким предприятиям, которые занимают большие площади или загрязняют почвы химическими веществами и пылью. В ПНР изданы постановления, предусматривающие, чтобы ценные сельскохозяйственные угодья не отводились для других целей.

Не должны быть разрушены промышленностью ценные комплексы флоры и фауны, сосредоточенные прежде всего в лесах. Леса имеют

большую климатическую и рекреационную ценность, удерживают воду, не говоря уже о производственной их функции, которая часто девальвируется в результате деятельности промышленных предприятий. В Польше леса также находятся под охраной государства, но, к сожалению, промышленные предприятия все же потеснили леса: часть заводов была размещена на территориях, занятых лесом, до принятия соответствующих законодательных актов, размещение других обусловлено близостью к минеральным ресурсам.

Трудно измеримый элемент окружающей среды — то, что мы называем структурой ландшафта. Под этим понимается сочетание рельефа земной поверхности, поверхностных вод и растительности, к которым иногда добавляются другие факторы, например минеральные водоисточники, горячие источники, водопады. Высокие качества ландшафта — основа для развития туризма и рекреационных функций некоторых территорий и, как правило, препятствие для развития промышленной функции, ибо деятельность ряда предприятий вызывает повышение шума, создает транспортные пробки, отравляет воздух и приводит к другим явлениям, не способствующим отдыху населения.

Загрязнение окружающей среды — тормоз для развития промышленности на данной территории. Требуются дополнительные затраты на очистку воды и воздуха, устранение отвалов породы, рекультивацию отработанных земель. Однако часто выигрыш, который дает совместное использование сырья, общей инфраструктуры, лучшей кооперации (который может быть назван агломерационным эффектом), настолько велик, что покрывает дополнительные затраты на восстановление разрушенной окружающей среды.

Цель настоящей статьи — ответить на следующие два вопроса: в какой мере факторы окружающей среды воздействуют на размещение и концентрацию промышленных капиталовложений и каково воздействие развития промышленности на окружающую среду. Здесь обобщаются итоги широких исследований, проведенных в 1945—1975 гг. в Институте географии и пространственной организации Польской Академии наук. Исследования охватили 1306 промышленных предприятий, построенных в 1945—1970 гг., на долю которых в 1970 г. приходилось 26,5% общей численности занятых в социалистической промышленности и почти 40% ее основных фондов.

Анализ факторов размещения этих предприятий позволил сделать вывод, что примерно 30% капитальных затрат было обусловлено наличием полезных ископаемых и приблизительно 5% — водных ресурсов. В дополнение к этому факторы окружающей среды оказали косвенное воздействие на размещение многих других объектов, например старых промышленных предприятий, которые были разрушены во время второй мировой войны и восстановлены после 1945 г., причем отчасти для других целей (в целом около 30% новых основных фондов было размещено на основе прежних инвестиций).

Полезные ископаемые сосредоточены на небольшой территории Польши, отсюда и концентрация промышленности в некоторых ее районах. Назовем их: Верхне-Силезский — каменный уголь, цинковые и свинцовые руды, строительные материалы, один из самых крупных каменноугольных районов в мире; Рыбникский, получил сильное развитие после 1955 г. благодаря крупным запасам коксующегося угля; Ченстоховский — железные руды и строительные материалы; Судетский — каменный уголь, строительный камень, баритовые, магнезитовые и никелевые руды; Легница-Глоговский — новый горнодобывающий район, возникший после 1960 г. на базе крупных запасов медных руд. К числу новых районов относятся также Ставропольский — строительный камень, прочие строительные материалы, керамические минералы, в прошлом также железные и медные руды; Тарнобжегский, развивший-

ся после 1957 г. на основе крупных запасов серы; Карпатский, раньше специализировался на добыче нефти и природного газа, сейчас здесь развиты другие отрасли промышленности; Конинский — новый район буроугольных и солевых копей; Туровувский — буроугольные шахты.

Ныне на основе полезных ископаемых создаются еще два новых промышленных района, которые сформируются в 1976—1980 гг.: Белхатовский — буроугольные шахты, Люблинский — каменоугольные шахты.

Все упомянутые районы характеризовались капиталоемкими отраслями промышленности: девять из них, специализация которых обусловлена полезными ископаемыми, и Туровув сосредоточили 44% всех капиталовложений польской промышленности в 1961—1970 гг. (до этого статистика по капиталовложениям по отдельным районам не велась). Эти районы концентрировали 28,4% занятых в польской промышленности, на их долю приходилось около 10% территории страны. Таким образом, распределение полезных ископаемых имеет решающее значение для пространственного размещения промышленности.

В дополнение к полезным ископаемым, сконцентрированным на небольшой площади, которые послужили базой для формирования промышленных районов, многие распространенные ресурсы, в частности строительный камень, строительная глина, песок, щебень, рассеяны по всей стране. Это основа для развития строительной и керамической промышленности. Крупнейшие и наиболее легко доступные залежи этих ресурсов находятся на юге Польши — в горной ее части. Поэтому промышленный потенциал южной Польши в два с половиной раза больше, чем северной. Однако эти пропорции имеют сегодня тенденцию к изменению вследствие быстрого развития других производств (независимо от полезных ископаемых) на севере Польши.

В то время как полезные ископаемые обуславливают концентрацию промышленности на небольших территориях с различными геологическими структурами, водные ресурсы определяют ее линейную концентрацию вдоль рек и морского побережья. Таким образом, формируются гидрографические оси промышленного развития, аналогичные более ранней оси, намеченной железными дорогами.

Прежде всего такой осью в Польше является река Висла. В 1945—1970 гг. по берегам Вислы построено 238 крупных промышленных предприятий (при общем количестве в Польше 1306). Многие крупнейшие предприятия, особенно химической и целлюлозной промышленности, а также электростанции были размещены недалеко от Вислы благодаря ее водоресурсам и возможностям сброса стоков. Они сосредоточили 24% общей численности занятых в промышленности и 29% основных фондов промышленных предприятий по всей стране. Однако большинство из них было размещено по берегам Вислы не из-за потребности в воде, а потому, что здесь расположились некоторые крупные города, в частности Краков, Варшава, Плоцк, Влоцлавек, Быдгощ и Гданьск.

Меньшее значение для промышленности имеет Одра, на большом протяжении пограничная река. По ее берегам было построено 67 промышленных предприятий, сконцентрировавших 6,5% занятых и 6,5% основных фондов польской промышленности. Некоторые предприятия были созданы после второй мировой войны. Для размещения промышленности имеют значение и другие реки: Варта, Нижняя Нотеч, Буг, Сан и Пилица.

Тенденция к размещению предприятий по берегам рек усилилась в 1971—1975 гг., в частности вследствие быстрого развития энергетической промышленности: за эти годы были начаты или построены четыре крупных станции на Висле и Одре.

Морское же побережье почти не используется для промышленного строительства. Существующие промышленные объекты связаны с пор-

тами, а не с водными ресурсами. В портовых городах находится большинство верфей. Причина такого положения состоит в том, что морское побережье Польши используется преимущественно для рекреации (на всем его протяжении имеются песочные пляжи, которые каждое лето посещаются миллионами людей), а также в том, что Балтийское море замкнутое и не может само очищаться от загрязнений. Застройка его берегов промышленными объектами нарушала бы всю природную среду этого мелкого моря.

Для оценки окружающей среды с точки зрения потребностей производства элементы среды были подразделены на две группы.

Благоприятными для развития промышленности оказались элементы: полезные ископаемые (с оценкой в баллах от 0 до 5, где 0 означает отсутствие запасов или их незначительную полезность, а 5 — месторождения большого, даже международного масштаба; все остальные месторождения были оценены в 1, 2, 3 или 4 балла); водные ресурсы (с оценкой от 0 до 3 в соответствии с аналогичной градацией).

Неблагоприятны для развития промышленности почвы (с оценками от 0 до —2 баллов, где 0 означает бедные почвы, а —2 — хорошие для сельского хозяйства); лесистость (с оценкой от 0 до —3 баллов в зависимости от процентной доли лесов в общей площади территории, 0 означает, что эта доля менее 15%, а —3 — более 35%); структура ландшафта (с оценкой от 0 до —3 баллов, 0 означает наименьшую привлекательность ландшафта для рекреационных целей, а —3 — наибольшую, например, морское побережье, высокогорье, берега больших озер).

В качестве пространственных единиц были выделены повяты, т. е. административные единицы. На 1 июня 1975 г. в общей сложности насчитывалось 322 повяты, включая столицы областей. Для каждого из них элементы первой группы суммировались как положительные (благоприятные для размещения промышленности), а элементы второй группы — как отрицательные (неблагоприятные для размещения промышленности). Общее значение элементов обеих групп может быть положительным или отрицательным; чем оно выше, тем лучше условия для развития промышленности на данной территории, чем ниже, тем хуже условия для размещения промышленности.

Результаты по стране следующие: положительные значения элементов групп преобладали в 95 повятах, в 153 отмечены отрицательные значения, а в 74 повятах они оказались равными нулю. Если свести эти результаты в пять групп, то в каждой из них получится следующее: в 12 повятах условия для развития промышленности очень благоприятны (индекс +4 и выше), эти повяты должны быть индустриализированы в первую очередь; в 43 повятах условия для развития промышленности благоприятны (индекс +2 или +3), здесь также должна осуществляться индустриализация; в 176 повятах условия, благоприятные для развития промышленности, уравновешиваются неблагоприятными (индекс +1,0 и —1); в 69 повятах природные условия неблагоприятны для развития промышленности (индекс —2 и —3); наконец, в 22 повятах природные условия чрезвычайно неблагоприятны для развития промышленности (индекс —4 и даже ниже) не столько из-за отсутствия полезных ископаемых, сколько вследствие привлекательности окружающей среды для рекреационных целей, в этих повятах развитие промышленности должно быть категорически запрещено.

Здесь следует подчеркнуть, что все приведенные выше выводы относятся к отраслям промышленности, использующим ресурсы окружающей среды (полезные ископаемые, воду, воздух) и разрушающим или загрязняющим ее. Они не имеют отношения к производствам,нейтральным для окружающей среды, например к машиностроению, текстильной, швейной, полиграфической промышленности и многим производствам пищевой промышленности. Эти отрасли должны развиваться

в соответствии с экономическими принципами и общественными потребностями. Фактически очень часто экономические принципы являются решающими для размещения новых промышленных объектов. Это происходит, если слабо учитываются требования охраны окружающей среды.

Таким образом, в Польше относительно небольшие территории имеют хорошие условия для развития промышленности. Это прежде всего регионы с месторождениями каменного и бурого угля, металлических руд, серы, соли и ценных строительных пород, а также районы по берегам крупных рек и морскому побережью. Но и некоторые из них, особенно морское побережье, должны быть исключены из индустриализации вследствие их большого значения для целей рекреации. Поэтому производства, которые развиваются на основе природных ресурсов, должны концентрироваться на относительно небольшой территории страны.

Это, в свою очередь, обуславливает концентрацию здесь отрицательных последствий индустриализации. Для того чтобы выразить это в цифрах, был построен комплексный индекс преобразований окружающей среды с учетом добычи полезных ископаемых, площадей открытых разработок, промышленных стоков, выделения пыли и газов и площади лесов, понесших ущерб вследствие индустриализации. Каждый из этих элементов измеряется в различных физических единицах, поэтому для сравнения все значения были пересчитаны в процентах от общей суммы по стране, а затем рассчитано среднее значение изменений окружающей среды на данной территории (причем в качестве пространственных единиц брались повяты).

Пространственная концентрация преобразований окружающей среды была определена как очень высокая: 28 повята (из 322) сосредоточивают 68% общей суммы по стране. Это прежде всего горнодобывающие повяты, а также повяты, имеющие большие химические предприятия. Если положим средний уровень преобразования равным нулю, то в горнодобывающих повятах Верхне-Силезского района он будет близок к 41. В общей сложности только в 64 повятах уровень преобразований выше среднего значения, однако в большинстве из них — намного. В 76% повята индекс ниже 1, что свидетельствует о незначительном разрушении окружающей среды.

С одной стороны, это означает, что большая часть территории и ее природной среды не понесла ущерба от промышленности. В этом отношении Польша находится в гораздо лучшем положении, чем многие другие европейские страны. Однако, с другой стороны, 17% польской территории имеет индекс преобразований окружающей среды, превышающий 1. Это высокоурбанизированные территории с большой плотностью населения: здесь проживает 40% населения страны. Таким образом, проблема уменьшения вредного воздействия промышленности на окружающую среду очень актуальна, она затрагивается во многих научно-исследовательских работах.

Г. ЛИНГ (G. LINGE)

Австралия

РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АВСТРАЛИИ

При анализе размещения промышленности Австралии следует иметь в виду следующие специфические черты страны. Во-первых, 35% ее территории пустыни; 59% используются для разведения домашнего скота, 6% — для выращивания зерновых и 5% занято лесами. Всего

0,14% земель уходит под города (без междугородных железных и автомобильных дорог).

Во-вторых, Австралия — одна из наиболее урбанизированных стран мира. По данным переписи 1971 г., 60,5% из 12,7 млн. населения проживали в столицах шести штатов и двух краев, а 27% — в остальных 514 городских населенных пунктах с населением выше 1000 чел. Продолжается тенденция роста доли столичных городов (более 4/5 прироста населения приходится на них). Характерно также отсутствие в стране средних городов. Плотность населения составляет всего 1,5 чел. на 1 км². В 300 км от побережья она уже меньше 1 чел. на 1 км².

В-третьих, велики затраты средств и времени на преодоление больших расстояний между населенными пунктами. Отсутствуют внутриматериковые водные пути. Прибрежное судоходство играет незначительную и постепенно снижающуюся роль (5% всего грузооборота). Железнодорожный транспорт перевозит 18% грузов. Есть недостатки в его ориентации, неувязки с шириной колеи.

В-четвертых, Австралия первоначально состояла из шести колоний, имевших собственные правительства, которые установили тарифные барьеры, вкладывали средства в железные и автомобильные дороги, порты и другие общественные начинания. Господствовал скорее дух конкуренции, чем кооперации. В частности, существовало соперничество вокруг выгод от внешней торговли между Сиднеем и Мельбурном и в меньшей степени Аделаидой. Даже после образования федерации в 1901 г. положение во многом сохранилось. Каждый штат пользуется автономией в хозяйственной организации своей территории. Различаются по штатам законодательство о перевозках, тарифы и др.

Экономическое развитие после второй мировой войны столкнулось с дефицитом трудовых ресурсов, материалов, энергии и оборудования. Но обрабатывающая промышленность получила импульс посредством широко применяемых ограничений на импорт. Сыграла роль и иммиграция: она обусловила быстрое расширение потребительского спроса (половина прироста населения после войны приходится на иммигрантов); улучшилась структура населения (на иммиграцию падает 80% прироста мужской рабочей силы). В 1950-х годах повышение потребительского спроса стимулировалось, в частности, высокими экспортными доходами (цены выросли в годы войны в Корее).

Объем продукции обрабатывающей промышленности с 1950 по 1968 г. увеличился на 193%, сельского хозяйства — на 52, горнодобывающей промышленности — на 237, а валовой национальный продукт — на 117%. Особенно большой рост отмечен в тяжелой промышленности, электронике.

В 1971/72 г. в 36 146 заведениях обрабатывающей промышленности было занято 1,3 млн. чел. Примерно 90% предприятий насчитывали не более 50 работников, только 300 предприятий — более 500 чел.

Благодаря различным мерам экспорт продукции обрабатывающей промышленности в общем объеме по стране (за исключением стоимости золота) возрос с 5% в 1948/49 г. до 20% в 1972 г. (продажа глинозема, автомобилей и машин, оборудования). Ведущие импортеры Австралии — Новая Зеландия, США, Новая Гвинея, ЮАР, Япония, Сингапур, Гонконг и Малайзия; раньше это были Британия и другие страны Европы.

Рост экспорта показал важность научных исследований и опытно-конструкторских разработок. В этой области Австралия пока отстает от других стран. Фирмы, в основном крупные и разделяющие капитал с заокеанскими концернами, тратят на эти цели всего 1,2% валового продукта, тогда как американские — 6,8, английские — 5,4%. Заокеанские инвестиции существенно повлияли на развитие обрабатывающей промышленности, способствовали повышению ее технического уровня.

На размещение промышленности в нынешнем ее виде повлияли тенденции и события еще XIX в. Например, золотая лихорадка в Виктории способствовала росту горнодобывающих городов в 1850-х годах, а также создала потребность в создании металлургических и машиностроительных заводов для производства и ремонта тяжелой техники.

Вторая мировая война резко ускорила производство продукции во всех штатах, но наибольшее влияние чувствовалось в Новом Южном Уэльсе и Виктории, где заводы, выпускающие металлы, резину и электротовары, могли быть легко переналожены на производство вооружения, хотя основная часть земель под заводы по стратегическим соображениям была отведена в Южной Австралии (впоследствии это принесло выгоды тамошним частным предприятиям).

В 1950—1960-х годах каждый штат пытался развивать комплекс промышленных производств по конкурентным программам, разработанным для привлечения заокеанских фирм и их филиалов, уже действовавших в Австралии.

В 1960-х годах проводились программы децентрализации, на которые в год тратилось около 8 млн. австралийских долларов. Без них, вероятно, тенденция к сосредоточению промышленности в столичных городах была бы еще сильнее. Но положительных результатов достигнуто немного. Причины этого резюмированы Комитетом экономических исследований: «Требования к обрабатывающему предприятию добиваться и поддерживать максимальную экономическую эффективность высоки; скромные и довольно распыленные льготы по децентрализации, предоставляемые сегодня, вряд ли достаточны для того, чтобы побудить значительную часть обрабатывающей отрасли к размещению в районах, которые не дают максимальных экономических выгод».

Во всей Австралии только семь городов (кроме столичных) имеют более 3000 работников промышленности, шесть — от 2000 до 2999 и еще двадцать — от 1000 до 1999.

Основные промышленные отрасли вначале были сконцентрированы в Канберре и столицах штатов. В конце XIX — начале XX в. часть тяжелого машиностроения стала перемещаться в неразвитые районы. Другие отрасли, например судостроение, ремонт, по-прежнему группировались по побережью. Трудоемкие производства остались во внутренних районах, но постепенно вторглись в жилые кварталы. Регулирование зонирования вынудило многие из этих фирм к закрытию или к перемещению во внешние промышленные районы, где уже начали сосредоточиваться так называемые «растущие» производства — электромашиностроение, производство предметов домашнего обихода, автомобилестроение и т. п. Скоро это второе «кольцо» перестало отвечать потребностям крупных фирм и последовал новый «лягушачий прыжок». К 1970 г. третье «кольцо» промышленных территорий сосредоточивало 45% фабричных работников в Сиднее и 50% в Мельбурне.

Представляется невероятным, чтобы общая география обрабатывающей промышленности Австралии изменилась коренным образом в ближайшем будущем, хотя отдельные ее аспекты могут претерпеть некоторые изменения.

До 1960-х годов географы относительно мало занимались вопросами размещения промышленности Австралии. Основная литература по этим вопросам выпускалась экономистами и городскими планировщиками. Сюда можно отнести также официальные доклады и обзоры.

В последующий период большое внимание было уделено экономической истории обрабатывающей промышленности: В частности, исследование Батлина, посвященное второй половине XIX в., показало неправильность представления об Австралии как овчерьем пастбище. Один из наиболее примечательных аспектов экономического и социального развития состоял в том, что урбанизация предшествовала индустриализации.

В предшествующей литературе процессы индустриального развития, связи между различными отраслями хозяйства, влияние технического прогресса на экономический рост были изложены довольно упрощенно.

В публикациях рассматривалось также воздействие «тиарии расстояний» на развитие промышленности, например слабость промышленности первичной переработки сырья. Множество работ в 1960-х годах было посвящено анализу пространственной организации обрабатывающей промышленности.

Австралия представляет широкое поле для исследований по географии промышленности, хотя необходимо иметь в виду несовершенство статистической базы. Можно выделить четыре главных направления исследований.

1. Отдельные характеристики австралийских условий — господствующее положение в промышленности столичных городов, их удаленность друг от друга, известные политические различия между ними, относительно небольшое количество крупных компаний в каждой отрасли промышленности — дают возможность проверить некоторые аспекты теории размещения, отвлекаясь от посторонних факторов сращивания столичных городов или сращивания производств в центрах, базирующихся на горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Так, четкое разделение столичных и нестоличных фирм дало возможность Уэбберу (1968 г.) внести большой вклад в наши знания о воздействии неопределенности на размещение промышленности, а разделение горнодобывающих и обрабатывающих производств помогло Фейгану (1973 г.) разработать модели размещения, которые можно использовать для оценки эффективности пространственных решений, которые принимаются алюминиевыми компаниями при выборе местных и заокеанских рынков.

2. Важной областью исследований в австралийских условиях является изучение правительственного влияния на размещение хозяйства. Например, существует противоречие между политикой стимулирования развития промышленности и политикой децентрализации. Крупные компании могут настроить одно правительство против другого, правительства штатов могут настроить друг друга против Содружества наций (и в некоторой степени наоборот). Связанные с этим исследования относятся к так называемой познавательно-поведенческой теории размещения, выводы из них следует использовать в моделях, которые конструируются исходя из нормативной теории.

3. Еще одна область — анализ принятия решений многонациональными корпорациями. Уэйдли, например (1974 г.), исследовал зависимость динамики производства, изменений в его размещении от стратегий, принятых в периоды спада различными фирмами, выпускающими технику для сельского хозяйства.

Другая важная проблема для современной Австралии — это оценка влияния, которое оказывает на ее хозяйство размещение заокеанскими консорциумами капиталоемких предприятий по добывке полезных ископаемых во вновь осваиваемых и изолированных один от другого отдаленных районах северной части страны.

4. Возобновившийся интерес к проблеме децентрализации (вызванный фактом значительной депопуляции сельской местности между переписями 1966 и 1971 гг.) открыл несколько новых направлений для исследований в области географии промышленности. Речь идет, в частности, о связи между индустриализацией и урбанизацией, о размерах городов и окраин, необходимых для поддержания различных видов производства внутри страны, о потенциальных возможностях создания небольших промышленных комплексов (скажем, не более чем с 20 тыс. работников вне сферы услуг) и т. д.

Другой важный аспект этих исследований — анализ экономических и других связей между проектируемыми для перспективы и имеющимися небольшими городами, а также между ними и существующими городскими системами, к которым первые будут принадлежать.

Отсюда следует, что географы промышленности Австралии должны внести вклад в решение задач, которые стоят перед рабочей группой МГС. Выполнение намеченной данной группой исследовательской программы поможет сконцентрировать внимание на работах, имеющих международное значение.

К. МУРАТА (K. MURATA)

Япония

РЕГИОНАЛЬНАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Сегодня все еще сохраняется отчуждение между теорией и действительным положением региональной агломерации отраслей промышленности. Автор настоящей статьи ставит своей целью осветить отдельные агломерационные проблемы промышленности, которые еще не решены.

Пока региональная агломерация отраслей обрабатывающей промышленности является результатом деятельности предпринимателя, направленной на получение максимальных прибылей на основе экономической рациональности, неизбежно существуют известные пределы ее расширения. Некоторые исследователи теории размещения уже обратили внимание на эту проблему. А. Вебер писал, что противоположные тенденции, обусловленные размерами агломерации, становятся очевидными. Эти тенденции, по его мнению, все без исключения вытекают из растущих затрат на землю вследствие повышения цен на нее, в результате рост издержек производства ослабляет агломерационные процессы. Б. Олин отмечал, что транспортные расходы вместе с другими затратами растут пропорционально расширению агломерации и в конечном счете агломерационные и дегломерационные тенденции балансируются. А. Лёш также описал последствия расширения агломерации: «Каждый экономический товар имеет свою собственную дистанцию перевозки, за пределами которой он не может быть продан». В принципе это означает, что «сверхагломерация», которая превышает некоторый предел, невозможна. Тем не менее в действительности баланс агломерации с дегломерацией еще не реализован. Разрешима ли эта проблема, которую следует понимать как отчуждение между теорией и сложившейся ситуацией?

С самого начала теория размещения основывалась на статическом подходе, а не на динамическом анализе, трактующем предмет как растущий процесс. Ссылаясь на А. Вебера, я считаю, что он намеревался раскрыть лишь формирование чистой агломерации, основанной на статическом подходе. Проблемы же, касающиеся динамического развития агломерации и ее пределов, в частности рассредоточения после достижения некоторого предела, не входили в его теоретические построения.

Есть три обстоятельства, мешающие выявлению предела агломерации с практической теоретической точки зрения.

1. Немобильность капитала. Обратимость и мобильность капитальных средств сильно ограничены. Капитал, вложенный в производственные фонды, в некоторой степени неразделим. Всякая отрасль обрабатывающей промышленности, намеревающаяся сменить пункт размещения, найти место с более широкими потенциальными возможностями для производства, сталкивается с ограниченностью обрати-

ности и мобильности постоянного капитала. Та же проблема возникает и при рассмотрении относительной иммобильности работников.

2. Относительное снижение транспортных затрат. В основе теории Вебера лежит утверждение, что агломерация представляет собой отклонение от точек минимальных транспортных расходов. Б. Олин утверждал, что чем больше транспортные расходы, тем более равномерно каждая отрасль промышленности будет распределяться по территории. Поскольку размещение и агломерация отраслей обрабатывающей промышленности связаны с пространственным аспектом хозяйственной деятельности, будет правильным ставить транспортные расходы в соответствие с расстояниями, которые нужно проходить в каждом случае, основываясь на теории размещения. В этом смысле мы имеем дело с ощутимой абстракцией. Поэтому Вебер избрал посылкой своего объяснения упрощенные транспортные затраты, пропорциональные расстоянию и весу.

Так было в начале XX в. Сегодня же в результате развития технологии доля транспортных затрат в стоимости материалов и продукции переработки снизилась. Появление массовых транспортных средств не только сократило транспортные издержки, но и повысило значимость экономии перевозок на большие расстояния. Таким образом, развитие транспортных средств значительно понизило требования к ограничению региональной агломерации. М. Чизхольм отмечал, что «развитие транспорта усилило тенденции к агломерации». В этом плане интересен пример Японии, для которой среднее расстояние по перевозкам импортируемой железной руды в 60-х годах равнялось 8000 морских миль, что в три раза больше, чем в 30-х годах, но доля транспортных затрат значительно понизилась.

3. Предел чистой агломерации. Теоретически агломерация является «чистой», а не «случайной». По Веберу, теория должна заниматься только такой агломерацией, которая является следствием агломеративных факторов как таковых. Поэтому, когда ставится вопрос о пределе, мы должны искать прежде всего предел чистой агломерации. Предположим, что региональная чистая агломерация динамически расширяется. В этом случае ее теоретически мыслимым пределом является точка, в которой предельные агломеративные преимущества достигают нуля.

Упомянутые преимущества относятся ко всему району, а не к отдельным предприятиям, которые сменяются вновь размещаемым производственным объектом или расширяющейся частью существующего производственного объекта. Поскольку теория размещения (агломерации) была разработана как теория частнособственнической экономики, предел агломерации всегда выбирался в интересах индивидуального предприятия, а не района в целом. Региональная агломерация отраслей обрабатывающей промышленности сформировала индустриальные регионы. Проблемы, которые региональная агломерация ставит, повышая свою плотность и расширяя внешние границы района, выходят за рамки отдельных предприятий. Таким образом, недостаток теории агломерации состоит в том, что она занимается проблемами региональной экономики на неадекватном, т. е. низком, уровне предприятия.

Точка, в которой предельные агломеративные выгоды обращаются в нуль, может быть понята на следующих примерах. Предположим, промышленный район достиг некоторого уровня развития, посредством чего он материализовал чистую агломерацию, и каждое предприятие пользуется своими агломеративными выгодами. При этом условии, если вновь размещенное предприятие или уже существующее расширят свои масштабы, издержки производства вырастут в соответствии с повышением стоимости земли, а эффективность заметно снизится из-за транспортных пробок, образовавшихся вследствие увеличения объемов

перевозок продукции. Таким образом, при прочих равных условиях, если производственные объекты продолжают расти или расширяться, агломеративные выгоды района уменьшаются и в конечном итоге падают до нуля. В этой точке не только существующие предприятия не смогут сохранять свое преимущество, основанное на пользовании агломеративными выгодами, но и не будут созданы новые предприятия или не расширится отрасль. Если исходить из упомянутого понимания изменения агломеративных преимуществ, то прогресс агломерации становится в точке, где предельные агломеративные выгоды для отдельного предприятия упадут до нуля (по крайней мере теоретически). Эта точка и будет пределом региональной агломерации.

Как бы ни был теоретически допустим предел агломерации региона, он не представляется таким, каков есть на самом деле. При больших противоречиях региональная агломерация продолжает повышать плотность производства в районе и расширяется до его окраин. Поэтому мы не можем не видеть значительного отчуждения теории от действительности и вынуждены признать, что региональная агломерация является комплексной. Она имеет характер одновременно и чистой, и случайной агломерации. Действительные ее преимущества могут быть не так велики, как ожидаемые. Крупный промышленный район играет роль рынка и поставщика материала для многих производственных объектов. Он служит также минимальной транспортной площадкой с точки зрения ориентации транспортных затрат. Это означает, что агломеративное расширение ускоряется неагломеративными преимуществами, которые возрастают, тогда как агломеративные преимущества ограничиваются в процессе расширения. Таково действительное положение, которое может быть объяснено скорее принципом круговой и кумулятивной причинности Гуннара Мюрдаля, чем существующей теорией агломерации. По Мюрдалю, производства, которые сконцентрировались в некотором районе, перемещаются сюда из других районов, находящихся в состоянии депрессии, что обуславливает возрастание межрайонных диспропорций. Такая тенденция вызывается «реактивным эффектом» расширения производства в одном районе для других районов, в результате районы не стремятся к автоматической сбалансированности. Даже если агломеративные выгоды иссякают, остается много факторов, которые ускоряют кумулятивную экспансию в районе, формируемую комплексной агломерацией, а остальные районы вынуждены страдать от «реактивных эффектов».

Далее, существует несколько других реальных проблем. А. Вебер рассматривал агломерацию обрабатывающей промышленности в общем, но реакция на пределы агломерации в районе меняется в зависимости от отрасли промышленности. Есть отрасли, которые вынуждены рассредоточиваться вследствие повышения цен на землю, но есть и такие, которые в состоянии справиться с повышением цен на землю путем ее интенсивного использования. Металлургическая промышленность и нефтепереработка относятся к первым, а сборка легкого оборудования или швейная промышленность могут быть примерами второго типа. Если посмотреть с другой точки зрения, то дефицит промышленного водоснабжения фатален для отраслей промышленности, потребляющих воду в больших объемах, а недостаток рабочей силы поражает трудоемкие отрасли. Существуют другие типы производств, которых ухудшение этих условий затрагивает мало. По этой причине одни отрасли промышленности рассредоточиваются с учетом предела районной агломерации, другие расширяют свои масштабы или занимают новые площадки, и, следовательно, районная агломерация в целом продолжает расширяться. Причем трудности будут не только у новых предприятий, некоторые существующие отрасли не смогут содержать здесь свои производства. Однако если узкое место может быть устранено с по-

мощью государственных инвестиций, пределы региональной агломерации снижаются, а производства снова могут стать рациональными.

Усиливающаяся агломерация имеет две формы: масштабную и региональную. Первая поддерживается главным образом внутренней экономией, вторая зависит в основном от внешней. При определенных условиях расширение масштабной агломерации снижает предельную прибыль, и в соответствующий момент времени она достигает нулевой точки. Развитие технологии сдерживает тенденции к снижению предельных прибылей, и пределы масштабной агломерации уменьшаются, но по-прежнему в новых технологических условиях автономно появляются новые пределы. Поскольку региональная агломерация — комплексная, что усложняет совместные эффекты для района и отдельного предприятия, она поддерживается главным образом внешней экономией, и автономное управление трудно ввести в практику.

Поэтому с пределом региональной агломерации ничего не поделаешь. Основываясь на традиционной теории размещения, предел региональной агломерации не определить. Поскольку агломерация отраслей обрабатывающей промышленности идет параллельно с урбанизацией, экономика города также является важным предметом теории агломерации. Этого не сумел раскрыть Эдгар М. Гувер, который работал над данной проблемой.

Как говорилось выше, теория агломерации может объяснить рациональность деятельности отдельных промышленных предприятий, но не района в целом — региональную агломерацию. Несмотря на то, что отдельные предприятия рациональны с точки зрения производственной деятельности, в районе обнаруживается множество разнообразных отрицательных эффектов, углубляются внутренние противоречия, эффективность в целом снижается, загрязняется окружающая среда. Более того, растет численность населения, производства расширяются за пределы города и префектуры, поэтому региональная агломерация простирается за окраины. Следовательно, в экономику вторгается нерациональность. Существование рациональности в отдельных частях и нерациональности в целом — не что иное, как проявление «сверхагломерации». Анализ этого противоречия остается за пределами теории агломерации.

Вместе с тем, чтобы осветить этот вопрос, необходимо ввести понятие «социальные издержки». Без него невозможно раскрыть существование предела региональной агломерации. По К. Уильяму Каппу, к «социальному издержкам» относятся все те пагубные последствия для общества, которые несут с собой производственные процессы и за которые частные предприниматели не несут ответственности. Иногда социальные издержки принимают форму устранимых потерь и различного рода социальной неэффективности. Пока существует рыночный механизм, предприятия (капиталистические — Ред.) не платят всех производственных издержек и намереваются сохранить свою прибыльность посредством интернационализации (присвоения) внешней экономии и экстернализации (перекладывания на других) внутренних потерь, которые неизбежны в производственном процессе. Экстернализация внутренней нерациональности приводит к загрязнению среды, транспортным проблемам и дефициту транспортного обслуживания. Затраты на их компенсацию в принципе несет государство. Предприятия в сверхагломерированном районе интернационализуют внешнюю экономию, которая вновь пополняется за счет государственных инвестиций. Однако устранение зол сверхагломерированного района не что иное, как аллопатическое лечение, потерянные зря государственные вложения. Предприятия не только используют эту дополнительную прибыль, но и расширяют агломерацию в соответствии с улучшением базы производства. Иными словами, порочный круг кумулятивной причинности продолжается.

Для того чтобы повысить эффективность национальной экономики и осуществить баланс использования земель в стране, желательно планировать политику рассредоточения промышленности, хотя это и нелегко. В соответствии с региональной политикой наибольшее значение для практического осуществления миграции промышленности имеет интернационализация социальных затрат. В настоящее время нет конкретных норм, по которым их можно четко рассчитать, но определенно известно, что это затраты на предотвращение загрязнения окружающей среды и расходы, связанные с устранением зол от сверхагломерации отраслей промышленности. Именно их должны интернационализовать предприятия. Хотя загрязнение должно устраняться с помощью технических средств, уровень, которого оно достигло, соотносится с уровнем расширения агломерации. Таким же образом затраты на устранение социальных потерь должны быть распределены согласно размерам региональной агломерации.

Если эти социальные издержки будут интернационализованы предприятиями, то часть их, а именно интернационализованная часть, может быть ограничена. Введение в теорию агломерации понятия социальных издержек — дело новое. Однако эта новаторская идея позволит лучше понять сегодняшнее состояние и роль региональной агломерации, а также эффективность политики размещения.

П. ОДЕЛЛ (P. ODELL)

Нидерланды

ЗАПАСЫ НЕФТИ И ГАЗА В СЕВЕРНОМ МОРЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Около двух десятков лет, начиная с 1955 г., в Западной Европе проявлялось безразличие к вопросам предложения и цены энергии: в течение этого периода можно было принимать решения по промышленности, включая решения по размещению, при обоснованном предположении о том, что затраты на энергопотребление будут продолжать падать в реальном измерении. Однако с 1973 г. положение кардинально изменилось. В результате вероятное развитие спроса на энергию представляется настолько иным, что мощности инфраструктуры для переработки и использования энергии, которые, как ранее предполагалось, потребуются в конце 70-х — начале 80-х годов, могут оказаться ненужными. Это особенно важно для инфраструктуры, строящейся, проектируемой или планируемой с целью осуществления различных операций с нефтью, которая должна была импортироваться в возрастающих объемах из других частей света. В таблице показано вероятное изменение спроса на энергию в Западной Европе до конца XX в.

Нефть и газ Северного моря и развитие промышленности. В условиях изменившейся перспективы спроса на энергию идея о новых зонах концентрированного и крупномасштабного производства энергии в Западной Европе несколько ошеломляет (как с организационной, так и с географической точек зрения) тем, что предполагает изменения в энергосистеме, которые будут неудобны для сложившихся объектов. Эта идея еще более удивляет, если вспомнить твердо поддерживаемое до сих пор мнение о том, что Западная Европа — континент, бедный энергией. Такой взгляд никогда не имел оснований в физиче-

Энергообеспечение Европы в 1975—2000 гг. в соответствии с традиционными (а) и альтернативными (б) точками зрения (в млн. метрических тонн угольного эквивалента и в %)

Источники	1975 г.				1980 г.				1985 г.				2000 г.				
	ожидавшись среднее использова- ние	т	%	т	%	т	%	т	%	т	%	т	%	т	%	т	%
Энергия, всего	1580	100		2255	100	1850	100	2870	100	2200	100	5425	100	3300	100		
Нефть, всего	920	59		1500	66	785	42	1845	64	800	36	—	—	1350	41		
Местная	30	2		50	2	380	20	195	7	600	27	—	—	1100	33		
Импортируемая	890	57		1450	64	405	22	1650	57	200	9	—	—	250	8		
Газ, всего	215	13		265	12	575	31	385	14	750	34	—	—	1050	32		
Местный	200	12		215	10	500	27	300	11	600	27	—	—	800	24		
Импортируемый	15	1		50	2	75	4	85	3	150	7	—	—	250	8		
Уголь, всего	400	26		280	12	310	17	310	11	350	16	—	—	500	15		
Местный	360	23		205	9	230	12	220	8	250	11	—	—	400	13		
Импортируемый	40	3		75	3	80	5	90	3	100	5	—	—	100	3		
Первичная электроэнергия	45	3		210	10	180	10	330	12	300	14	—	—	400	12		
Местная, всего	635	40		680	31	1290	69	1045	37	1750	80	—	—	2700	81		
Импортируемая, всего	945	60		1575	69	560	31	1825	63	450	20	—	—	600	19		

ском смысле: угольных запасов достаточно для удовлетворения потребностей континента на несколько столетий вперед (но добыча этого угля не могла быть конкурентоспособной в период свободной торговли дешевой энергией из других частей света). Сложившееся мнение необоснованно сегодня и в экономическом смысле: имеющиеся в Северном море запасы нефти и природного газа можно будет эксплуатировать в относительно недалеком будущем при ценах продажи более низких, чем цена нефти, предоставляемой Организацией — стран экспортёров нефти.

Вопрос о запасах нефти и природного газа в бассейне Северного моря еще не разрешен. Интервал прик遁ок составляет от $40-45 \times 10^9$ баррелей нефти и 10×10^{12} кубических метров газа (примерно эквивалент еще 40×10^9 баррелей нефти) до величин, превышающих эти нижние значения приблизительно в три раза по нефти и, как минимум в два раза по природному газу. Различия в оценках обусловлены тем, что, наряду с техническими возможностями добычи, во внимание принимаются политические и экономические условия.

Эти разные интерпретации имеют большое значение для выработки среднесрочной и долгосрочной перспективы. И надо полагать, что следующие несколько лет окажутся решающими для введения долгосрочных изменений в размещение промышленности и региональное развитие в связи с кардинально изменившейся перспективой энергетики для Западной Европы.

Современная карта запасов в нефтяной провинции Северного моря может быть использована для отражения географии возможных изменений (положительных и отрицательных, прямых и косвенных) структуры западноевропейской промышленности, вытекающих из схемы будущей добычи нефти и газа. Южный бассейн — в основном район добычи газа, где крупные месторождения находятся в море между Англией и Нидерландами. Эксплуатация его требует относительно коротких трубопроводов к близким и удобным подходам к берегу (рис. 1).

Эта уже хорошо развитая система прибрежной добычи энергии и транспорта, как представляется, не приведет к четко выраженному росту промышленности по двум причинам. Во-первых, подходы к берегу моря для прибрежных нефтепроводов находятся относительно близко к старым промышленным районам (например, промышленные зоны Тиссайдса, Лондона и английских центральных графств и Рандстада), транспортировка газа в котором стоит дешево. Во-вторых, и в Великобритании, и в Нидерландах газ доставляется государственным газовым компаниям (соответственно Газовой корпорации и Гасуние), которые устанавливают цены по типам потребителей, а не в зависимости от их размещения, т. е. устраняется всякое преимущество размещения в пунктах нахождения энергоисточников. Отметим в этой связи последствия разработки обширного Гронингенского газового месторождения с запасами до 2500×10^9 куб. м газа и потенциальным объемом добычи более 100×10^9 куб. м в год. Индустриализация дельты Эмса, прилегающей к Гронингенскому газовому месторождению, была обусловлена главным образом правительственным вмешательством в политику ценообразования. Чтобы стимулировать рассредоточение по территории Нидерландов тяжелой промышленности из района Роттердама, новым видам отраслей был предоставлен доступ к поставкам газа по ценам на 5% ниже нормативов при условии, если они разместятся в Гронингенской провинции (или в другой конкретной местности страны). В результате этого были созданы металлообработка, алюминиевая промышленность, построены химические заводы, которые и составляют полюс промышленного роста с определенным потенциалом. Развитие его потенциала стимулируется еще и другим преимуществом Гронингена, получаемым от крупномасштабной добычи газа: принято решение (продиктованное политическими соображениями) о том, что Гронингенская провинция должна восполь-

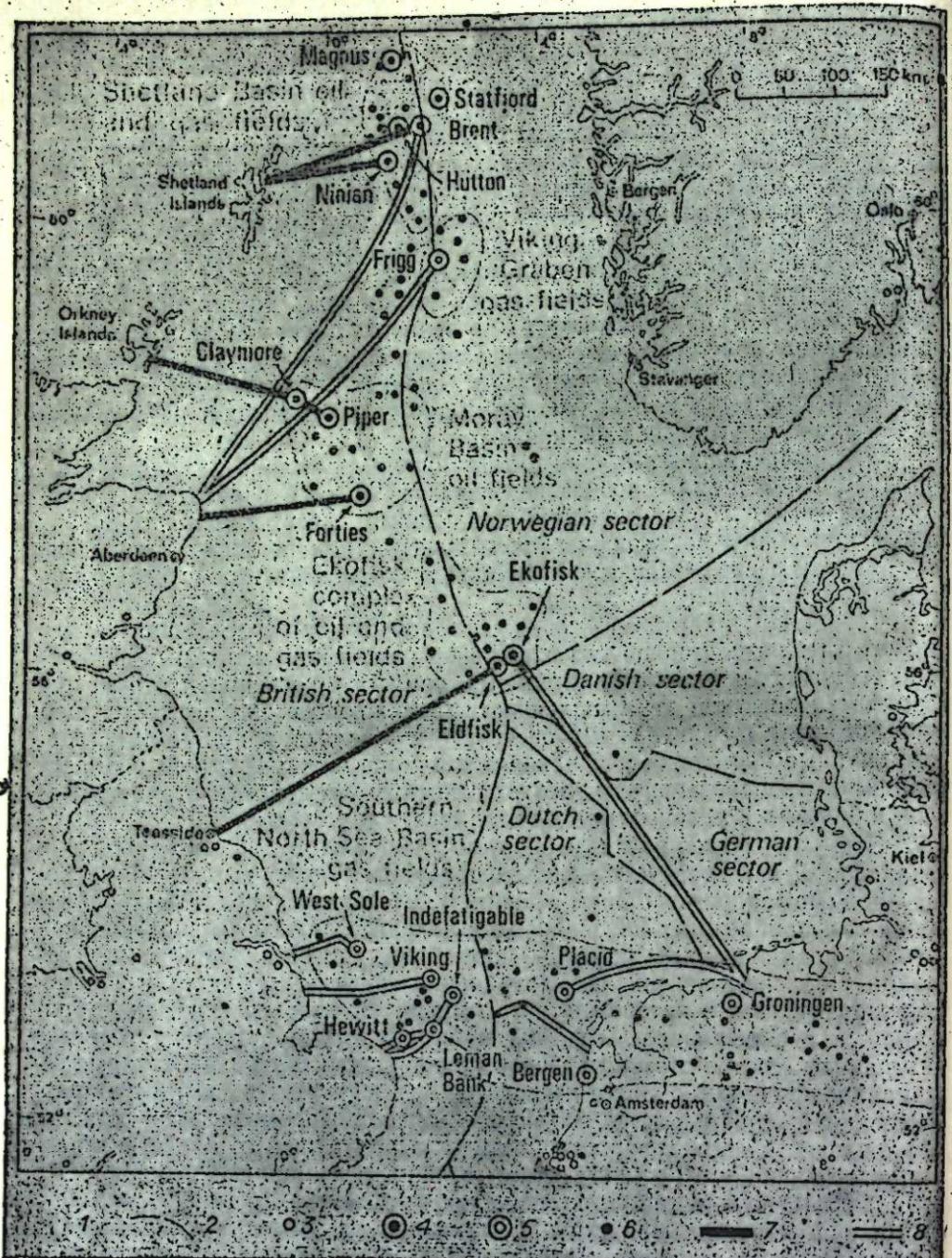

Рис. 1. Действующие или строящиеся североморские нефтяные и газовые трубопроводы. На карте показаны Шетландский нефтяной бассейн и газовые месторождения, газовые месторождения Викинг-Грабен, нефтяные месторождения бассейна Морей; комплекс нефтяных и газовых месторождений Экофиск, газовые месторождения Североморского бассейна.

1 — бассейн Северного моря, 2 — межсекторная линия между секторами, 3 — нефтеперегонка, связанная с импортируемой нефтью. Основные открытия: 4 — нефть, нефть и газ, 5 — только газ, 6 — прочие. Трубопроводы: 7 — нефтяные, 8 — газовые.

зоваться сверхнормативными правительственные затратами на проектирование физической инфраструктуры, чем признан факт возрастания значимости доходов самого правительства от добычи газа.

Индустриализация Гронингена, основанная на энергоресурсе, который еще не определен полностью по объему, сама по себе не имеет большого значения, разве только на уровне пространственных схем промышленности в Нидерландах. Но то, что произошло в данном случае, четко выражает процессы, которые будут иметь место при обосновании вопроса о размещении промышленности в связи с добычей нефти на севере Северного моря. География нефтяных месторождений, планы производства и транспортная система, разработанные и спроектированные в конце 1975 г. (см. рис. 1), показывают, что по нефти центр тяжести перемещается на северо-восток Англии, в Шотландию, Оркни и на Шетландские острова.

К началу 80-х годов Тиссайд будет обрабатывать до 100 млн. т нефти в год; Шеллом Воу на Шетландских островах — до 150 млн. т (это будет крупнейший в Европе центр окончательной переработки нефти), а Оркни и Круден-бей — более 50 млн. т. Североморская нефть в основном заменит ту, что поступала и поступает в Западную Европу из отдаленных районов добычи. В ситуации, когда значительное повышение спроса на нефть представляется невероятным, большинству производителей экономически целесообразно направить эту североморскую сырью нефть к своим уже существующим нефтеперерабатывающим мощностям, которые следуют переоборудовать для работы с иным типом сырой нефти.

Лишь те компании, которые нашли североморскую сырью нефть и не имели прежде установок по переработке и распределению ее в Западной Европе, получат экономически оправданные стимулы к развитию перерабатывающих и связанных с ними производств в конечных пунктах морских трубопроводов. Так что они предпочтут поставлять нефтепродукты, а не перевозить свою сырью нефть, скажем, в пункты размещения нефтепереработки на материке. На таких относительно небольших расстояниях гигантские танкеры не дают никакой экономии масштаба, и, следовательно, экономия на транспортных расходах при перевозке сырой нефти вместо нефтепродуктов невелика. Подобные решения среди первоначальных разработок по перерабатывающей промышленности, которые связаны географически с нефтью Северного моря, представляются вероятными.

Однако нефтяные компании с уже существующими перерабатывающими мощностями в иных пунктах размещения в Западной Европе вряд ли способны выбрать оптимальные схемы развития, указанные выше. Они попадут под действие ограничений, которые заставят их делать вложения в новые перерабатывающие (перегонные и нефтехимические) предприятия в точках, связанных с их североморской нефтью политически. Общие направления такого давления уже очевидны, ибо и Британия и Норвегия настаивают на том, чтобы операции межнациональных компаний в Северном море производились отдельно от их операций, в ином месте. До сих пор это делалось с целью обложения соответствующими налоговыми ставками всех прибылей, получаемых от Северного моря, но принятые полномочия относятся также к самой нефти и к мощностям, требующимся для ее переработки.

Кроме того, и Британия, и Норвегия заявили о стремлении использовать свою североморскую нефть для создания рабочих мест и вложений в нефтеперегонные, нефтеперерабатывающие и нефтехимические производства. Этот процесс уже наблюдается в новом Монгстедском нефтеперерабатывающем — нефтехимическом комплексе в Западной Норвегии. Он неизбежен и при такой политике британского правительства, когда оно резервирует право требовать переработки 66—75% британской нефти в Великобритании. И Британия, и Норвегия создали на-

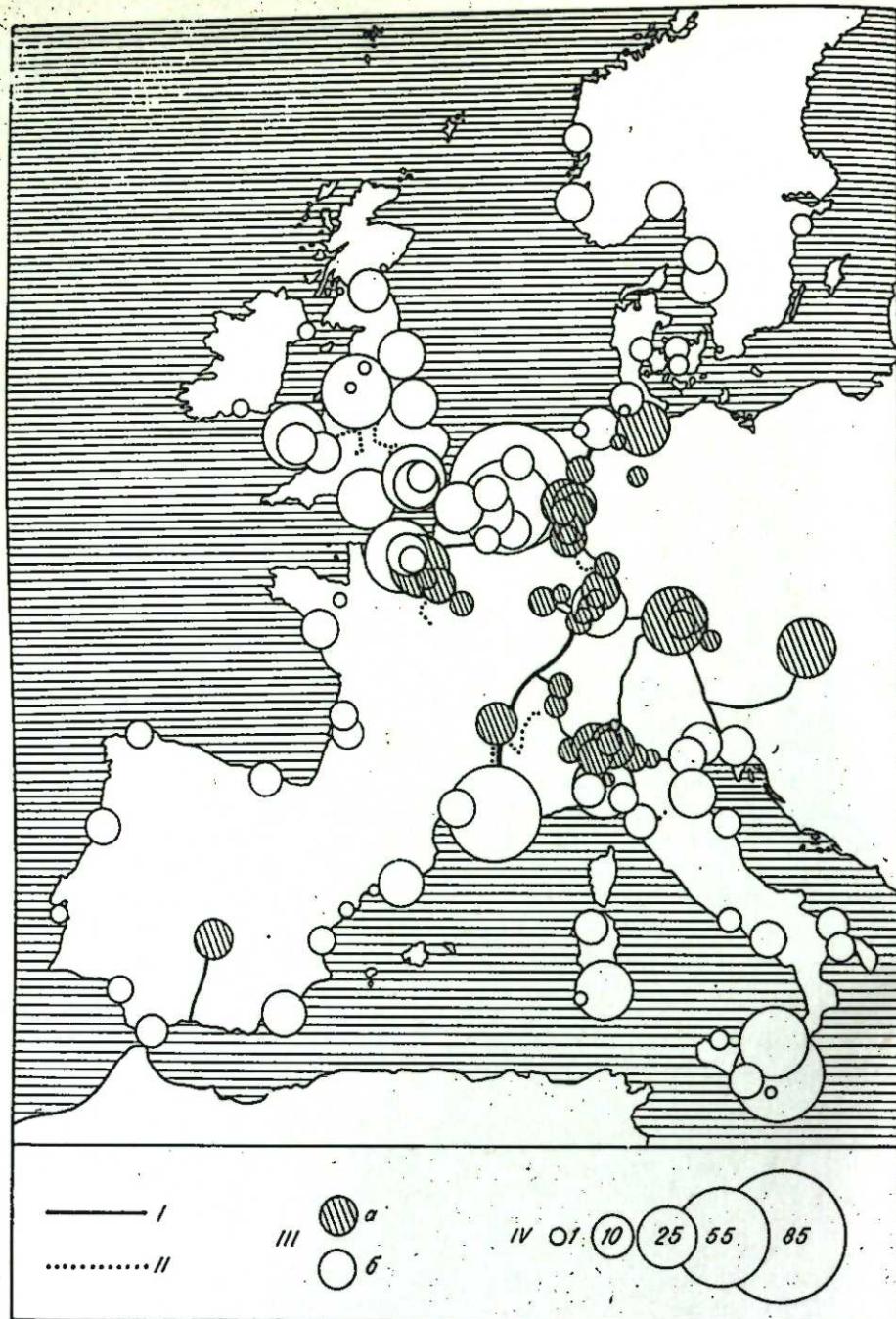

Рис. 2. Нефтеперегонные мощности в Западной Европе.

I — трубопроводы (сырая нефть); II — трубопроводы (нефтепродукты); III — нефтеперегонные заводы: а) внутри страны, б) на побережье; IV — мощности нефтеперегонных заводов (млн. т в год).

циональные нефтяные компании с непосредственным доступом к североморской нефти и с правами на «низовые» операции, которые, конечно, должны быть размещены внутри страны.

Таким образом, политические и институциональные факторы оказывают серьезное воздействие на развитие промышленности в пунктах размещения у северной части Северного моря; где, как видно из рис. 2, мощности нефтепереработки в настоящее время мало развиты. На рисунке показаны также пункты размещения нефтеперегонки, возникшие

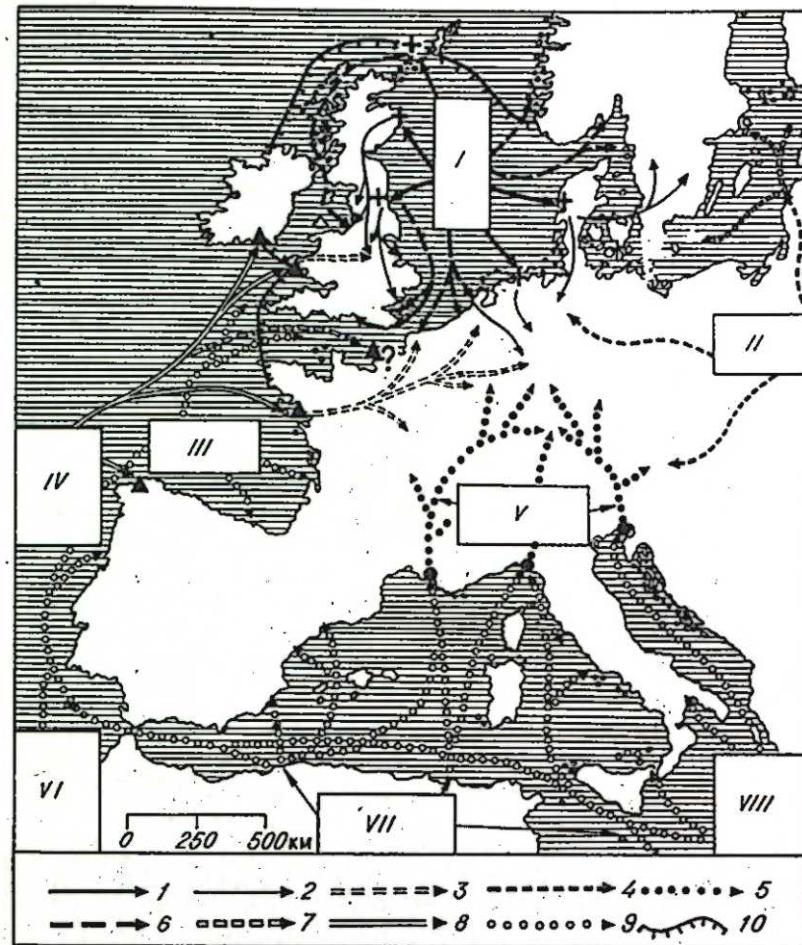

Рис. 3. Возможные схемы потоков сырой нефти к западноевропейским нефтеперегонным заводам вследствие расширения к началу 80-х годов мощностей по добыче нефти в Северном море до 300 млн. т.

Трубопроводы: 1 — от месторождений Северного моря к прибрежным конечным пунктам (+), 2 — прибрежные для североморской нефти, 3 — для атлантической нефти с конечных пунктов супертанкеров (▲), 4 — советские нефтепроводы, 5 — трубопроводы от средиземноморских конечных пунктов на побережье (●). Маршруты танкеров: 6 — от североморских нефтяных месторождений и конечных пунктов (+), 7 — от конечного пункта советской нефти, 8 — маршруты супертанкеров к глубоководным конечным пунктам (●), 9 — маршруты небольших танкеров (из Средиземноморья, нигерийских и других пунктов снабжения), 10 — пределы прохождения для супертанкеров в северо-западных европейских водах с большой плотностью маршрутов.
 I — североморская нефть — 300 млн. т; II — советская нефть — 30 млн. т; III — атлантическая нефть в небольших танкерах — 100 млн. т; IV — атлантическая нефть из Персидского залива в супертанкерах — 100 млн. т; V — южные европейские трубопроводы — 200 млн. т; VI — нигерийская нефть — 50 млн. т; VII — североафриканская нефть — 200 млн. т; VIII — восточносредиземноморская нефть — 200 млн. т.

в период экспансии нефтяной промышленности в Западной Европе с 1948 по 1974 г. Здесь же за этот период получил развитие широкий комплекс родственных производств капитоемких промышленных узлов, одним из нагляднейших примеров которых может служить Роттердам. В свете растущего значения североморской нефти в почти стагнирующей сегодня нефтяной промышленности континента вероятность всякого дальнейшего развития этих пунктов представляется отдаленной, в действительности возможно даже сокращение, которое освободило бы путь переработке североморской нефти в новых пунктах размещения (рис. 3).

Проблемы более отдаленной перспективы. Остается открытый вопрос, до какой степени один или несколько из этих пунктов могут получить развитие и стать сложными и относительно диверсифицированными узлами промышленных производств. Хотя новые пункты размещения довольно сильно удалены от рыночных центров континента и имеют неадекватную или устаревшую инфраструктуру по сравнению с районами послевоенного развития на базе нефти, они быстро превратятся в наиболее богатые территории Западной Европы как с точки зрения индивидуальных доходов (в результате местной конкуренции за дефицитные ресурсы, особенно трудовые), так и с позиции богатства местных властей. Например, Шетландские острова, население которых меньше 20 тыс. чел., могут получать от нефтяных компаний за право пользования недрами 76 млн. фунтов стерлингов как плату за терминал в Шеллом Бой. Представляется вероятным, что Западная Европа будет вынуждена рассчитывать на североморскую нефть из-за нарушающихся и порождающих поставок нефти странами, входящими в ОПЕК, тогда нефтяное богатство принесет могущество ее северным частям.

Таким образом, гипотеза о вероятном значительном сдвиге в размещении промышленных производств в Западной Европе заслуживает тщательного рассмотрения. И хотя этот сдвиг в размещении формируется под действием многих других факторов, принципиальным и существенным элементом остается география энергоснабжения. Энергетический компонент занимает главное место в принятии решений по промышленности.

ДЖ. ОНЬЕМЕЛУКВЕ (J. ONYEMELUKWE)

Нигерия

МИГРАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Развитие обрабатывающей промышленности в Западной Африке началось только после второй мировой войны, когда ее страны обрели политическую независимость. До 1945 г. Африка была в основном источником сырья для промышленности и рынком для товаров, произведенных вне ее пределов. Не хватало ни технологий, ни капитала для развития многих видов производства. Колониальная зависимость препятствовала созданию исходной инфраструктуры для роста промышленности. Экономический бум, последовавший за второй мировой войной, и политическое самоопределение народов в 50-х годах помогли ввести обрабатывающий сектор в экономику большинства стран Западной Африки.

Первые меры официальной политики по индустриализации включали установление экспортных цен и стимулирование развития национального производства взамен импорта. Были организованы первичная переработка сельскохозяйственной продукции и обогащение полезных ископаемых. Возникли такие отрасли обрабатывающей промышленности, как переработка растительного масла, очистка семян хлопка, лесопиление, выделка шкур, производство потребительских товаров.

Хотя это и знаменовало существенные структурные перемены в хозяйстве большинства стран Западной Африки, все же их отставание от промышленно развитых государств все еще велико.

При анализе пространственной структуры западноафриканской промышленности следует учитывать, что конкуренция между ее промышленными фирмами имеет в основном внутринациональные рамки. Следовательно, перемещения промышленных заведений вызываются именно такой конкуренцией, а не соперничеством между странами, входящими в регион Западной Африки.

Во многих исследованиях промышленная миграция описывается как полное перенесение производственной мощности или создание существующей обрабатывающей фирмой завода-филиала на новом месте. Но правильно ли предполагать, что каждый случай размещения завода-филиала представляет акт миграции промышленности? Ведь порой головное предприятие и филиал создаются одновременно. Более того, даже если между созданием головного завода и заводов-филиалов существует временной лаг, филиал может быть организован не как дополнение первого, а как самостоятельный региональный головной завод. Возможно также создание нескольких заводов-филиалов субрегионального масштаба. Правильно ли рассматривать этот тип пространственного расположения головных заводов и филиалов как показатель миграции промышленности? Этот процесс больше напоминает промышленный всплеск, чем последовательное перемещение фирм по их рыночной зоне.

Силы, побуждающие промышленные фирмы к передвижению на другое место, включают: потребность в пространстве для расширения; более высокий деловой потенциал; т. е. лучшие возможности для хозяйственной деятельности в новом пункте размещения по сравнению с местом выхода; мероприятия государственной политики; обеспечение большей надежности функционирования предприятия; социально-политические моменты.

Потребность в дополнительном пространстве для фабрики часто обусловлена ее ростом. Перемещения, вызванные этим, имеют ряд важных характеристик. Во-первых, они являются результатом главным образом ограничений на расширение в данном месте: пространства может не хватать для модернизации из-за высокой стоимости земли, излишней скученности предприятий, возможности чрезмерного загрязнения окружающей среды, относительно высоких издержек на рабочую силу. Во-вторых, подобные перемещения больше связаны с филиалами, чем с головными заводами. В-третьих, эти перемещения более характерны для старых, чем для новых фирм обрабатывающей промышленности. Поэтому в хозяйстве, где индустриализация — явление относительно новое, вероятность миграции промышленности низка.

Следующий мотив миграции, как уже указывалось, это наличие в новом месте большего потенциала для развития промышленности. Последний составляют главным образом такие инфраструктурные элементы, как транспорт, коммуникации, энергоисточники и финансовые учреждения. Отсутствие таких объектов во многих пунктах объясняет высокий уровень концентрации промышленности в столицах ряда стран Западной Африки.

Так, в Бартусе (Гамбия) и Монровии (Либерия) производится 100% всей продукции обрабатывающей промышленности; в Дакаре (Сенегал) — 81,5, во Фритауне (Сьерра Леоне) — 75, Абиджане (Берег Слоновой Кости) — 62,5, в Конакри (Гвинея) — 50%. Правда, доля некоторых других столиц намного ниже: Лагоса (Нигерия) — 35%, Аккры (Гана) — 30,4, Котону (Дагомея) — 16,7%. Что касается мероприятий правительственной политики, то они разнообразны. Наряду с косвенным контролем над размещением предприятий частного сектора возможно прямое вмешательство государства в пространственное распределение промышленных объектов, что представляет важный фактор миграции промышленности. Однако в развивающихся странах, где уровень технологии пока еще очень низок и значительная часть капиталов в обрабатывающей промышленности принадлежит зарубежным концернам, многое зависит от действий последних.

Ненадежную для развития предприятия обстановку, обуславливающую его перемещение, создают войны, засухи, наводнения и наличие враждебного окружения.

Известную роль играет и стремление предпринимателей к социальному-политической идентификации, причем личные соображения владельца предприятия (желание добиться особого признания со стороны соотечественников — граждан государства и др.) иногда могут подавлять экономические интересы при выборе пункта размещения. Хотя случаев такого рода сегодня мало, в будущем, возможно, их станет больше, так как нынешняя кампания по индустриализации села набирает силу.

Еще один аспект миграции — это диапазон и направления перемещения предприятий. На шкале диапазона, или расстояния, нами рассматриваются три вида миграции: межгородская, внутригородская (внутрирайонная) и межрайонная. Четвертый вид миграции — межнациональная или межконтинентальная — не входит в рамки настоящего исследования. Между структурной и пространственной формами миграции промышленности существуют следующие связи: перемещению головного завода соответствует внутригородская форма миграции; переводу завода-филиала — межгородская (внутрирайонная); «всплеску» головных заводов и филиалов — межрайонная; сдвигу, размещения на уровне промышленности — межнациональная или межконтинентальная.

При внутригородских перемещениях главное направление — к городской периферии: здесь больше свободной земельной площади и более низкая арендная плата. Такие перемещения обычно обусловлены ростом предприятия. Эта центробежная тенденция объясняется также проблемами шума, городского загрязнения и удаления стоков. Но, вероятно, такие перемещения имеют меньшее значение в развивающихся странах, где концентрация промышленности находится еще на более низком уровне, чем в развитых. Более же существенным представляется фактор внешних воздействий, особенно решений официальной политики о расширении городов или об их перепланировке.

Межгородская, или внутрирайонная, миграция в целом более широка по направлениям, чем внутригородские перемещения. Факторы, влияющие на межрайонные перемещения, мало отличаются от факторов, обуславливающих межгородскую миграцию. Единственное различие заключается в степени воздействия. Предприятиям требуется сильный стимул (вроде существенных льгот по налогам или затратам) для межрайонного перемещения и еще более сильный для того, чтобы обусловить миграцию между странами.

В целом миграция промышленности, особенно ее тип, обусловленный ростом предприятий, все еще редко встречается в странах Западной Африки, где индустриализация — явление относительно новое; миграция промышленности обусловлена в основном государственной политикой; кроме того, важный мотив миграции представляют социально-политические факторы.

В заключение сошлемся на опыт Нигерии. Как показали изучение адресных справочников и опросы (информация о миграции промышленности в Нигерии в целом очень скромна), главными причинами миграции служат потребность в расширении предприятий и меры правительственный политики по решению проблем скученности в городах и созданию новых «узлов роста». Поскольку такие усилия требуют, как правило, длительного периода промышленной деятельности и урбанизации, неудивительна незначительная частота перемещений заводов в Нигерии (42 по опросу в 1974 г.). Более интересными представляются факторы ненадежности и желание владельцев предприятий повысить социально-политический престиж: большинство перемещений предприятий в Нигерии было обусловлено недавней гражданской войной; т. е. одним из факторов ненадежности.

Миграцию промышленности в Нигерии по типу можно подразделить следующим образом: 19 случаев падает на перемещение головного завода и 23 — на перевод завода-филиала (по данным полевого обследо-

вания, основанного на почтовой анкете и интервью в мае — июле 1974 г.). Как видно, по числу абсолютных перемещений уровень миграции предприятий в Нигерии низок по сравнению с уровнем перемещений в индустриальном обществе.

«Всплеск» промышленности, отличный от миграции, имеет место тогда, когда развитие головных заводов и филиалов происходит либо одновременно, либо генерируется вне данной экономической системы или производственного подразделения. Однако можно утверждать, что это явление не что иное, как международная миграция в более широком, глобальном, аспекте. На основе опыта, накопленного в Нигерии, можно утверждать, что явление «всплеска» промышленности не случайно, это предвидимая характерная черта экономического ландшафта, особенно в странах, развитие промышленности в которых подвержено в значительной степени внешнему воздействию. Все страны Западной Африки попадают в эту категорию, хотя и в очень различной мере. Дальнейшие исследования помогут обстоятельно охарактеризовать «всплеск» промышленности в связи с фактором внешних воздействий.

К. ПРЕШЕ (C. PRECHEUR)

Франция

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПАНИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ВЛИЯНИЕ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Такое исследование в рамках темы, касающейся территориальной структуры и изменений промышленности, может показаться парадоксальным: многонациональные компании, по первому впечатлению, преимущественно не имеют определенных территориальных рамок. На самом же деле происхождение капиталов, отрасли деятельности, даты создания, этапы расширения — все это и многое другое придает им разную территориальную структуру. Изменения, которые они вносят в промышленность, разнообразны: повышение технического уровня в странах с менее развитой экономикой, причем относительно быстро, т. е. без обычной переходной ступени; создание предприятий, модификация их структуры, ведущаяся за пределами национальных границ (например, путем выбора более выгодного положения в системе Европейского экономического сообщества); закрытие филиалов в случае кризиса и т. д. Эти изменения глубоко модифицировали индустриальную картину мира, особенно начиная с 1960 г. Современный кризис, если он и не выровнял активность многонациональных компаний, то, несомненно, затормозил рост новых «индустриальных инициаторов», как в случае с Японией, что мы и рассмотрим ниже.

Территориальная сфера деятельности многонациональных компаний представляет собой результатирующую от некоторого числа факторов — географических, исторических, экономических, финансовых и политических, которые действовали изолированно и совместно. Главным географическим фактором является, несомненно, территория происхождения («домашний фактор», по терминологии американских фирм), послужившая отправной базой создания многонациональной компании. Можно предположить, что площадь, наличие энергетических ресурсов, сырья сыграли основную роль в этом. Так, колыбелью многочисленных мощных компаний стали Соединенные Штаты Америки. Возникшие здесь компании сразу оказались в масштабах континента, приобрели огромную финансовую силу.

Многонациональные компании разместились, в частности, в государствах, чья незначительная территория не позволяла развивать большие предприятия. Приведем в качестве примера Швейцарию, где существует известная фирма «Нестле», Нидерланды — «Юнилевер», «Филипс», «Ройал Датч». Многие нидерландские компании расположены в странах, площадь которых невелика.

Государственная территория таких стран, как Великобритания, Франция, ФРГ, Япония, более обширна и достаточно подготовлена для создания собственной индустрии. Но многонациональные компании имеются и там, хотя в ограниченном количестве, и их структуры несопоставимы с местными корпорациями.

Внешние территории, расположенные за национальными границами, всегда были теоретически одинаковыми для всех стран с точки зрения товарообмена, циркуляции капиталов и инвестиций (исключение составляют социалистические страны, которые закрыли свободный доступ иностранному капиталу). Однако карты локализации многонациональных компаний показывают, что они непохожи, даже если речь идет о двух одинаковых отраслях в двух соседних странах. Здесь играют роль исторические и политические факторы.

Компании США с прошлого столетия осуществляли экспансию как внутри страны, так и за границей, не встречая ни малейшего сопротивления. Только кризис 1930-х годов привел к спаду. Но в течение двух мировых войн и периодов реконструкции, которые следовали за войнами, в Западной Европе и Японии финансовая и экономическая помощь Соединенных Штатов Америки принималась охотно. На американское полушарие США смотрели как на охотничий заповедник, а Южная Америка была для них «новым Дальним Западом». Американские предприятия были везде, где этого требовали их интересы (особенно нефтяные компании), за исключением социалистических стран.

Многонациональные компании Франции, Англии, Голландии — отражение прошлого колониального наследия, хотя в последние годы их территориальная структура изменилась. Эти компании преуспевали в экономическом росте за счет расширения поля деятельности. Так, «Эр Ликвид» (французская по происхождению компания) владеет заводами на территории всей Западной Европы (кроме Британских островов), в Африке (кроме бывших английских колоний), имеет представительство в Южной Африке, Австралии, Канаде и Соединенных Штатах Америки. Почти похожая структура и у фирмы «Пешине». «Тоталь» (первоначально созданная французским капиталом нефтяная компания) представлена на Среднем Востоке по политическим причинам: она получила немецкое наследство после войны 1914 г. В последнее время «Тоталь» и «Элф Эрап» распространили свое влияние на Канаду, Австралию, Индонезию. Но Южная Америка, за исключением Колумбии, в принципе для них закрыта. «Империал Кемикл индастриз лимитед», ранее чисто английская компания, распространила свои владения на бывшие английские колонии. «Ройал Датч Шелл» — англо-голландская компания, карта ее деятельности и поныне определяется старыми зонами влияния: Средний Восток, Нигерия, нидерландские Аントильские острова; недавно она создала филиал в США — «Шелл Ойл». «Юнилевер», также англо-голландская компания, представлена аналогичным образом.

Политические и исторические причины могут исключить появление многонациональных компаний в некоторых странах. Так Испания, хотя и имела колонии, до начала индустриального периода была промышленно неразвитой, эта отсталая страна и ныне находится под контролем иностранных интересов. Другие страны были лишены колоний. Так, Германия потеряла свои колонии в 1918 г., имевшиеся там германские предприятия были конфискованы другими государствами. Однако

западногерманские многонациональные компании снова нашли путь в Южную Африку, где немецкое влияние было до первой мировой войны сильным. Таким же образом и японская экспансия до 1940-х годов могла в принципе привести к созданию могущественных многонациональных компаний. Ныне ФРГ и Япония не имеют привилегированных владений (так же, как Швейцария или Италия); они отстали, по меньшей мере, на полстолетие от американских многонациональных компаний. Последние занимают более прочные позиции, чем их конкуренты. Возможно, по этой причине западноевропейская экономика выходит из нынешнего кризиса с большими трудностями, чем американская.

Между промышленной мощью страны и сферой влияния многонациональных компаний нет полного соответствия: хотя США — передовая в промышленном отношении страна, ее многонациональные компании нельзя назвать сильнейшими. Япония, третья (после США и СССР) великая держава, достигла только перехода от национальных к многонациональным компаниям. Ее многонациональные компании не промышленные, а торговые. Западная Германия по сравнению с Великобританией не может приниматься в расчет, несмотря на то, что «Фольксваген» и создает некоторую иллюзию. Индустриальная мощь ФРГ не мешает ей оставаться вотчиной американских компаний. Другие западноевропейские страны находятся в таком же положении, хотя они имеют промышленные акции в США.

В основе создания многонациональных компаний лежит экономическая необходимость. Высший промышленный потенциал требует больших запасов ресурсов, большей ёмкости рынков и определяет поиск источников сырья и их разработку. Однако это зависит от сферы деятельности: не все отрасли могут входить в многонациональные компании. Создание таких компаний, по-видимому, необходимо в отношении первичного сырья. Так, «Анаконда» нуждается в меди, «Астурьен-де-Мин» — в свинце, серебре и цинке, «Пешине» — в бокситах, «Никель» — в одноименном металле, европейская и японская черная металлургия — в железной руде. Следовательно, создавая горнопромышленные филиалы, компании становятся многонациональными. Компании, образовавшиеся в пищевой промышленности, должны вкладывать капиталы за рубежом для производства тропического сырья. Кроме того, многонациональные компании заботятся о монополизации резервов. Примером может служить нефть: в данной сфере нет конкурирующего сырья с тех пор, как выданы концессии. Этим объясняется малочисленность нефтяных компаний и их разветвленность по всей планете. В связи с возможностью национализации компаний столкнулись с трудностями при образовании филиалов в странах — производителях нефти.

Однако в других первичных отраслях, хотя и озабоченных поисками рынков и разработкой месторождений, не происходит создания многонациональных компаний. В некоторых странах черная металлургия полностью находится под контролем национальных капиталов. Могут существовать финансовые связи, особенно в пределах Западной Европы, не приводящие к созданию филиалов. Американская черная металлургия также не выходит из национальных границ. Имеют национальную структуру самолето- и судостроение, может быть, потому, что первое образовалось за государственный счет, а деятельность второго США мало интересуется. Химия почти всегда находится в национальных границах, исключение составляют компании «ИСИ», «Сольвей», «БАСФ». Еще более справедливо это для текстильной промышленности, вероятно, из-за слабой концентрации финансов, которая ограничивает возможности инвестирования. В случаях с химией, черной металлургией можно предположить, что низкая добавленная стоимость не побуждает к дальнейшей деятельности. Но это рассуждение не относится к судостроению и авиастроению.

Отрасли с высокой добавленной стоимостью и те, которые специализируются на услугах по эксплуатации их продукции (производство и обслуживание ЭВМ и других электронных средств, автомобилей и т. д.) — самые динамичные в поисках рынков и самые универсальные из компаний. В производстве автомобилей — это «Дженерал Моторз», «Форд», «Крайслер», «Рено», «Фиат», «Фольксваген»; в нефтепереработке — «ЭКСКОН», «Шелл», «Мобил Ойл», «Тексако»; в электронике и электроприборах — «ИБМ», «Дженерал Электрик», «ИТТ», «Вестерн Электрик», «Филипс», «Сименс»; в пищевой промышленности — «Юнилевер», «Нестле». Следует заметить, что финансовая динамика может компенсировать недостаточную национальную промышленную базу: наиболее примечательный пример — «Нестле». Общее правило состоит в том, что финансы и промышленность тесно связаны во внешних инвестициях.

Изменения промышленной карты несоциалистического мира, в особенности с 1960 г., скорее дело компаний, чемластей и национальных капиталов. С 1960 по 1973 г. мировая экономика вступила в период расцвета, что выражается в индустриальном росте таких стран, как США, СССР, Япония, страны Общего рынка, а также менее развитые страны. Значительно возросли потребности в энергии и сырье, и морской транспорт с судами большой грузоподъемности позволил осуществить эксплуатацию месторождений, весьма отдаленных от пунктов потребления, как это было с источниками нефти. Многонациональные компании предоставили капиталы, технику и людей, что позволило приняться за дело в регионах, часто лишенных средств: например, «МИФЕРМА» в Мавритании.

Эти компании функционируют и в обрабатывающей промышленности. Речь идет о нефтеперерабатывающих, нефтехимических предприятиях, алюминиевых заводах, конвейерах сборки автомобилей, производстве ЭВМ, радио- и телеприборов, о центрах переработки сельскохозяйственной продукции. И здесь многонациональные компании сильно изменили территориальную структуру промышленности несоциалистического мира. Компании создали промышленные предприятия не только в малоразвитых странах, но и в индустриальных государствах Западной Европы, причем инициативу проявляли прежде всего американские компании.

В то же время в Соединенных Штатах Америки и Канаде созданы филиалы европейских компаний. Японская монополия «Хитачи Сейлз Корпорейшн» в 1973 г. рассматривала вопрос о поставках цветных телевизоров в США. Социалистические страны также прибегают к услугам известных зарубежных компаний, например, при постройке автомобильных и химических заводов. Конечно, страны, строившие эти заводы, руководствовались соображениями выгоды. Но вместе с тем широкие возможности инвестиций, значительные кредиты на технологические изыскания в последнее десятилетие способствовали изменению географии мировой промышленности.

Если бы экономический рост в несоциалистическом мире продолжался, он привел бы к укреплению силы компаний, сохранив их различия, смягченные в некоторых отраслях с высокой добавленной стоимостью, по мере достижения ими зрелости, оставляя молодые компании ограниченными в территории, а старые — преобладающими. Экономический раздел несоциалистического мира между монополистическими государствами мог так же, как и во времена колоний, выглядеть по-разному. Колонии были расположены без перекреивания, и это отразилось на территориальной структуре некоторых предприятий. Ныне же компании и сферы их действия могут перекрециваться одна с другой, как это видно на картах их деятельности. В 1976—1980 гг. в систему многонациональных компаний войдет, по-видимому, Япония. Она уже делала

шаги в создании многонациональных компаний, но имелись трудности, например, с источниками сырья. Японцы создали смешанные общества в Бразилии, Индии, Австралии. В области промышленного производства они переняли европейский стиль завоевания рынка: объединение с локальной торговой фирмой, сотрудничество, затем создание заводов («Хитачи», «Тойота», «Мицубиси»). Однако кризис разрушил их надежды, и японские многонациональные компании рискуют надолго остаться на вторых ролях.

Вследствие энергетического кризиса за пределами социалистических стран на неопределенное время сдержанна промышленная экспансия. Мы присутствуем при ситуации, напоминающей шагреневую кожу: компании будут сворачивать деятельность, оставляя периферийные нерентабельные для них сферы деятельности. Во Франции — это пример с «Идеал Стандарт», которая закрывает свои заводы. Монополии могут вызвать спад в экономике, особенно в тех странах, где они преобладают, так же легко, как они способствовали индустриализации.

Кризис привел и к другому явлению. Швейцария могла осуществлять инвестиции исключительно за счет своих капиталов. Теперь «нефтяные доллары» дают некоторым странам — производителям нефти такую финансовую силу, что они способны создавать монополии капитала по швейцарскому образцу. Иран уже принимает участие в фирмах «Крупп» и «Мерседес».

Мы полагаем, что возникнут такие затруднения, что станет необходимо вложить большие капиталы в многонациональные компании. Иран (или все другие нефтяные страны) станет мажоритарным даже тогда, когда он разместит заводы на своей территории. Если все акции будут в руках одной компании, то и в случае ее национализации возникнет новая компания. Кризис может оказаться роковым для многонациональных компаний, особенно для тех, которые еще не достигли зрелости, и в то же время он будет способствовать созданию других мощных компаний. Может быть, ныне мы присутствуем при переломном моменте экономической истории, что найдет отражение в плане промышленной географии и, несомненно, в плане географии политической.

М. ТЕЙЛОР (M. TAYLOR)

Новая Зеландия

СБЫТОВЫЕ СВЯЗИ ОКЛЕНДСКИХ ФИРМ

В настоящей статье делается попытка измерить интенсивность материальных связей между оклендскими производителями и потребителями их продукции во всех частях Новой Зеландии с тем, чтобы оценить воздействие конкуренции на различные отрасли промышленности и виды организации. Для этого используются две простые модели: взаимодействия и линейная транспортная модель, позволяющие получить падающие кривые продаж, с которыми можно сравнить кривые, построенные по данным эмпирического исследования по оклендским производителям.

Эмпирические данные о производителях, послужившие основой для анализа, собраны в городском районе Окленда в марте 1973 г. Анкета была распространена через Оклендскую ассоциацию производителей. Возврат составил 39%, получено 259 пригодных для анализа ответов. В дополнение к информации, типичной для общих переписей, — о производимой продукции, о виде собственности, типе управления, занятости

сти — респондентов просили перечислить места размещения пяти своих основных потребителей. Всего обследование выявило 1157 сбытовых связей.

На основе полученных данных могут быть составлены карты, описывающие пространственную схему сбытовых связей оклендских производителей. Построенные по ним графики демонстрируют снижение числа потребителей продукции, произведенной в Окленде, с увеличением расстояния. В одном из предыдущих исследований автор статьи высказал предположение, что на пространственную организацию сбытовых связей фирм в производственном узле влияют восемь переменных: 1) тип сываемого продукта; 2) размеры производственного центра для отдельного товара; 3) размеры рынка для этого товара в различных населенных пунктах; 4) расстояние от производственных центров до мест потребления; 5) конкуренция между производственными центрами по удовлетворению спроса в любом месте размещения потребителей; 6) пространственная вариация цены, запрашиваемой производителями за определенный товар; 7) отношения между производителями и потребителями, предопределяющие пространственную ориентацию рыночных связей; 8) наличие локальной внешней экономии, побуждающей производителей сбывать продукцию потребителям, находящимся поближе к ним.

Теоретически переменная цена в приведенном списке могла бы модифицировать переменную производственных центров, повышая ее, когда цена становится ниже, и наоборот. Поскольку фактически невозможно получить информацию о пространственной вариации цен даже на один товар, не говоря уже о наборе товаров, эта переменная должна быть опущена в попытках моделирования схем пространственных связей, конечно, с допущением какой-то неизвестной ошибки в получаемых результатах. Мало или почти ничего неизвестно о том, как переменная 7 влияет на пространственную организацию сбытовых контактов фирм, так что эту переменную тоже следует опустить из любого моделирования связей, что добавляет еще одну ошибку.

С теоретической точки зрения локальная внешняя экономия должна вызывать локальную ориентацию сбытовых связей фирм. Однако выгоды, вытекающие из агломерации, — это, по-видимому, всего лишь меньший риск и меньшая неопределенность, т. е. эффект агломерации имеет скорее поведенческий, чем денежный характер. Сильная локальная связь и локальное промышленное окружение могут интерпретироваться как «защита» для фирм, особенно новых и небольших. По МакДермотту (1974 г.), она выражала несовершенство механизма пространственной конкуренции.

Следовательно, первоначальный список из восьми переменных должен быть сокращен до семи: восьмая («местная внешняя экономия») опускается, поскольку узость, на которую она указывает, является поведенческой модификацией переменной пространственной конкуренции.

Воздействие конкуренции и пространственной монополии в эмпирических схемах сбытовых связей можно понять посредством моделирования пространственных схем рыночных связей на основе рассмотренных выше переменных и путем включения и исключения переменной пространственной конкуренции таким образом, что полученные в результате схемы могут быть сопоставлены со своими эмпирическими аналогами из данных обследования.

Учитывая, что нет данных, позволяющих ввести переменные 6 и 7 в подобный анализ, автор статьи и Мак-Дермотт используют модель взаимодействия с переменными 1—5 для моделирования схем связи, причем переменная 1 (тип сываемого продукта) уточняется в отдельных расчетах модели. Таким образом, можно аппроксимировать схемы связи при наличии пространственной конкуренции. Первоначально мо-

дель была разработана Д. Л. Хаффом для оценки зон торговли центров закупки (1962 г.). Ниже она приводится в том виде, в каком используется в настоящем исследовании:

$$E_{ij} = \frac{S_j/D_{ij}^a}{\sum_{j=1}^n (S_j/D_{ij}^a)} C_i,$$

где E_{ij} — ожидаемое число потребителей в пункте потребления i , являющихся клиентами производителей в месте производства; S_j — размеры производственного центра j ; C_i — размеры пункта размещения потребителя i ; D_{ij} — расстояние между пунктом размещения потребителя i и производственным центром j ; a — параметр, отражающий сопротивление расстояния.

В этой модели главное — выбор потребителя, причем определяется, клиентом какого альтернативного производственного центра будет потребитель. Конкуренция между производителями вводится в модель как член вероятности, зависящий от размеров конкурирующих производственных центров и расстояний между ними и любым пунктом размещения производителя.

Моделирование схем рыночных связей, в которых исключается элемент пространственной конкуренции, осуществляется посредством простой линейной транспортной модели, единственная цель которой — минимизация транспортных затрат, связанных с перемещением товаров в хозяйстве. Такие модели были описаны Коксом (1965 г.), а решение, использованное в настоящем исследовании, взято у Форда и Фулкерсона (1963 г.). В модель вводятся только размеры производственного центра (S_j), размер пункта размещения потребителя (C_i) и расстояние между ними (D_{ij}), причем тип сываемого продукта (переменная 1) уточняется еще раз последовательными расчетами по модели.

Для проверки линейной транспортной модели и модели взаимодействия использовалась публикуемая статистика. Эмпирические данные о связях, полученные в результате выборочного обследования оклендских производителей, можно было разделить по семи отраслям¹. Для имитации схем сбытовых связей по каждой из них потребовалось сделать оценку соответствующих пространственных распределений спроса и предложения (соответственно S_j и C_i).

Оценки спроса были осуществлены с помощью двухэтапного процесса. Сначала семь промышленных отраслей были использованы в 14-отраслевом балансе затрат — выпуска, построенном исходя из балансов по стране за 1959/60 г. с отраслями промежуточного продукта и конечного спроса, обновленных по данным последующих лет. Этот баланс был применен для оценки отраслевого спроса на продукцию промышленности. Затем данные за 1971 г. о занятости по 13 отраслям и о населении по 14-й отрасли (как оценка распределения конечного спроса в Новой Зеландии) были использованы для распределения оценок отраслевого спроса по 75 регионам, которые состояли из отдельных или сгруппированных графств с одной железнодорожной станцией в качестве своего центра (фокуса). Численность занятых по каждой из семи производственных отраслей, распределенная по 75 регионам, взята в качестве критерия при определении размера производственных центров.

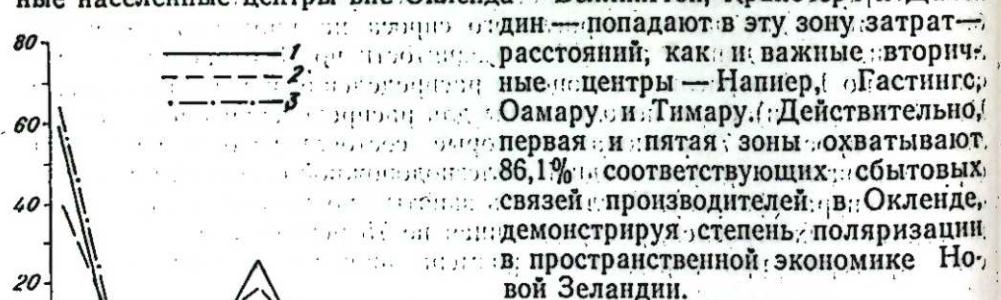
¹ Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий; текстильная, швейная и кожевенная промышленность; лесная, бумажная, мебельная и полиграфическая промышленность; химическая и резиновая промышленность; металлообработка, изготовление машин и транспортного оборудования; производство электротоваров; разная обрабатывающая промышленность.

Транспортные затраты были использованы для измерения расстояния между потребителями и производителями по данным, относящимся к 1971 г. Основу матрицы транспортных расходов составили затраты на перевозку 1 т товаров класса С от одной железнодорожной станции до другой. Однако, когда, согласно информации «Хоум шиппинг компани», оказывалось дешевле перевозить товары между регионами прибрежным транспортом, брались те затраты на 1 т, которые соответствовали прибрежным перевозкам. Для измерения межрайонных перемещений использовались затраты на перевозку автотранспортом. Для получения этих оценок расстояние по шоссе между двумя наиболее удаленными друг от друга центрами с населением более 1000 человек измерялось и затем приводилось к своему затратному эквиваленту с использованием тарифов по району, к которому относится регион.

Оценки транспортных расходов не были модифицированы каким-либо экспонентом, как это предлагалось для модели взаимодействия (параметр a). Такой параметр может интерпретироваться только как поведенческая модификация сопротивления расстояния, измеренная в транспортных затратах. Поскольку цель исследования — получить рациональные оценки схем сбытовых связей с учетом эффекта конкуренции, использование иного экспонента, чем 1, для модификации оценок затрат — расстояний было бы неадекватным.

Для представления результатов имитационного анализа и сравнения их с эмпирическими схемами сбытовых связей 75 использованных в анализе регионов были сведены в девять зон затрат — расстояний с центром в Окленде. Первая зона охватывает только Оклендский регион; стоимость перевозок в котором 1 т произведенных товаров меньше 10 шиллингов, а остальные зоны включают регионы с поясами стоимости перевозок последовательно от 5 до 50 шиллингов за тонну, что не много больше, чем затраты на перевозку из Окленда в более удаленные части Западного побережья Южного Острова. Чтобы облегчить сопоставление трех совокупностей данных о связях (две смоделированные и одна эмпирическая), эти данные были стандартизированы, причем число связей между Оклендом и отдельной зоной выражалось как доля от соответствующей суммы.

Кривые, описывающие совокупную ситуацию по сбытовым связям всех производителей в Окленде независимо от выпускаемой ими продукции или формы организации, которой они обладают, показаны на рисунке. Снижающаяся кривая продаж по эмпирическим данным отражает сильный локальный сдвиг к сбытовой связи (59,6%) при резком падении пропорции суммарных продаж во всех остальных зонах, кроме пятой. В пятой зоне, однако, наблюдается скачок доли суммарной сбытовой связи до 26,5%. Эта ситуация возникает потому, что все основные населенные центры вне Окленда — Веллингтон, Крайстерч и Дане-

1 — кривая фактических продаж; 2 — прогноз по модели взаимодействия; 3 — прогноз по транспортной модели.

Снижающаяся кривая продаж, полученная с помощью моделей взаимодействия, по форме похожа на кривую, полученную по эмпирическим данным, хотя и отличается от

нее. Здесь серьезно недооценивается не только степень связи локальных продаж, когда сбытовые связи с потребителями в первой зоне составят лишь 41,2%, но и количество сбытовых контактов между оклендскими производителями и клиентами в главных производственных центрах Новой Зеландии (только 18,5% связей с пятой зоной). Вместе с тем модель взаимодействия переоценивает число клиентов, которых оклендские производители находят в своих ближайших зонах.

Как следует из рисунка, эмпирические данные по всему производству в Окленде тяготеют к прогнозу, полученному с помощью транспортной модели, пропорции локальной связи составляют соответственно 59,6 и 64,7%. Эти цифры наводят на мысль о сильной пространственной монополии в Окленде.

Сильная связь между оклендскими производителями и пятой зоной, куда входят все главные населенные центры вне Окленда, может быть антиципирована на основе связей собственности и предопределенной связи между оклендскими фирмами и их филиалами или оклендскими филиалами и их родительскими фирмами, хотя эту переменную нельзя было встроить ни в одну из имитационных моделей. Отметим также, что важной детерминантой пространственной связи могут быть организационные черты, ибо не все оклендские фирмы являются крупномасштабными концернами, функционирующими в нескольких населенных пунктах; многие из них представляют собой мелкомасштабные концерны. Наконец, положение, складывающееся в отдельных отраслях, отличается от ситуации в промышленности в целом.

Г. ТОРНКВИСТ (G. TÖRNQVIST)

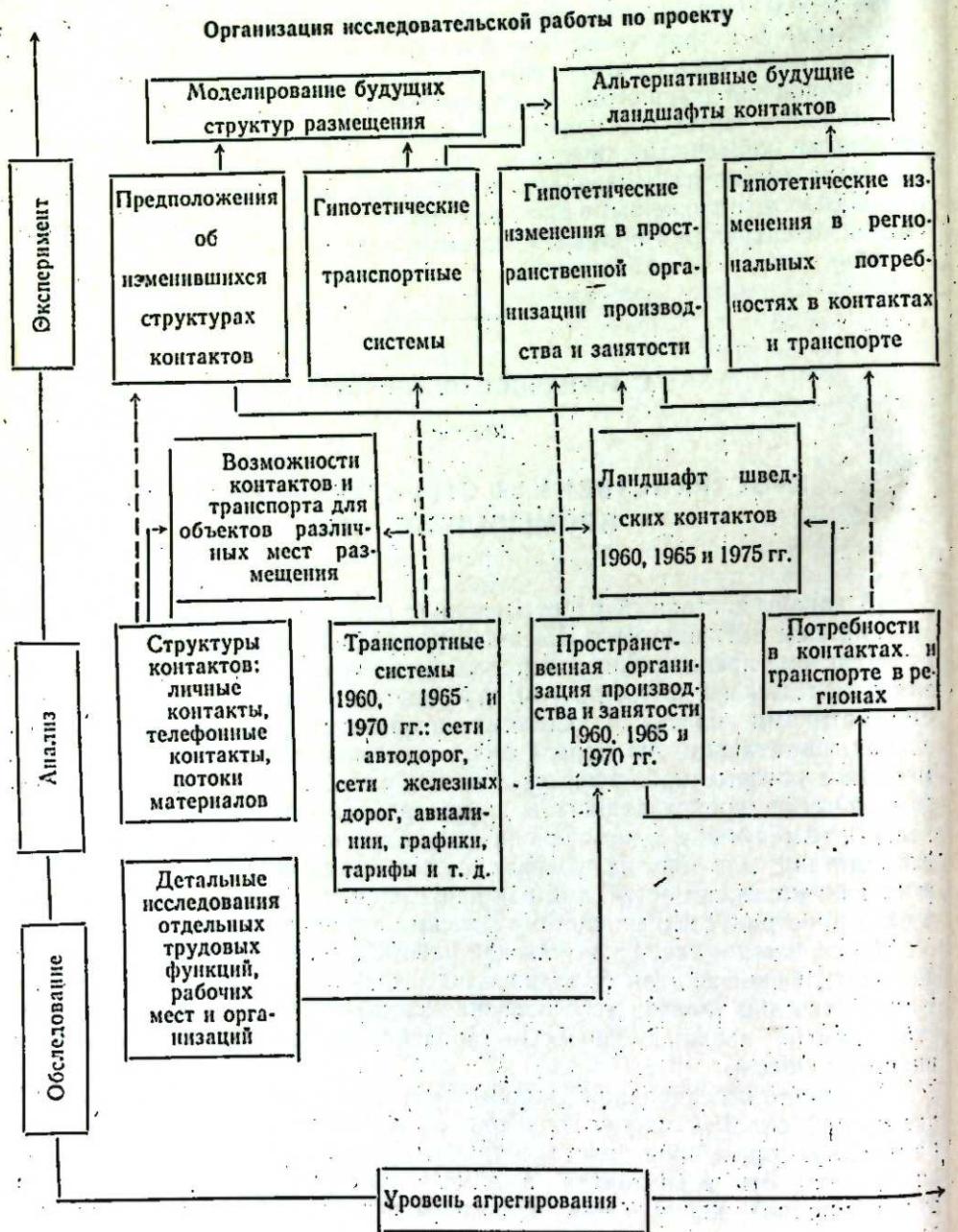
Швеция

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ШВЕДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В задачу настоящей работы входило изучение системы производства (системы активности) в Швеции с географической точки зрения. В этой системе предприятия распределены по группе районов, взаимосвязаны и соединены друг с другом транспортом товаров, людей, информации, потоками платежей. Система производства основана также на связях, вытекающих из формы собственности и отношений власти. Изменения, которые наблюдаются в одном районе, могут быть результатом событий, происходивших в других районах, и наоборот. Следовательно, изменения в одном районе всегда имеют большие или меньшие последствия для других. Очень трудно квантитативизировать важность этих взаимозависимостей, так как наши знания о процессах, действующих в пространственных системах, весьма ограничены.

Организация исследовательской работы в этом плане представлена на схеме. Основные три ее этапа — обследование, анализ и эксперимент. Самый нижний уровень агрегирования здесь — работники и рабочие места, самый верхний уровень — городские регионы Швеции с учетом внешних связей.

В начале исследования выдвигалось предположение, что могучей движущей силой в процессе урбанизации (главным образом концентрации некоторых производств в крупных городских регионах) является потребность в контактах, в обмене информацией. Для проверки этого предположения были проведены исследования прямых личных

контактов между работниками в различных компаниях и других организациях. Определена специфика структур контактов.

Параллельно изучалась пространственная организация занятости в Швеции. Схемы личных контактов, связывающих производство и районы, были затем дополнены реестрами телефонных контактов и потоков товаров.

Таким образом, проводились наблюдения за фактическим поведением в системе национальной активности.

На стадии анализа изучались ограничения и возможности функционирования различных видов производств в разных пунктах размещения: возможности поддержания прямых личных и телефонных контактов и перевозки товаров. Основой анализа условий размещения была транспортная система (сеть автомобильных, железных дорог и авиалиний). Для определения доступности районов по отношению друг к другу использовались показатели времени (расстояний) и затрат.

В микроисследованиях объектами наблюдения служили места проживания работников, трудовые функции, рабочие места или целые организации. Измерялись последствия гипотетических перемещений для активности контактов и поездок на эти объекты. Измерение осуществлялось во времени и затратах. Использовалась реальная эмпирическая база (все поездки и перевозки характерны для имеющейся транспортной системы).

Макроисследования представлены на схеме анализом так называемых «ландшафтов контактов», основанным на агрегированных данных. Потребность в контактах в городских районах рассчитывается путем наложения потребностей в контактах работников на совокупность их функций в каждом регионе. «Ландшафт контактов» показывает районный баланс или неуравновешенность между этими потребностями в контактах и обеспеченностью перевозками в существующей транспортной системе. То есть и здесь изучаются реальные ситуации.

Макро- и микроисследования дополняют друг друга. Первые дают общую картину взаимодействия и взаимозависимости между размещением экономической активности и государственной администрации, с одной стороны, и конфигурацией транспортной системы — с другой. Но результаты исследований на этом уровне трудно интерпретировать. Микроисследования же могут затрагивать небольшое число конкретных ситуаций, но дают более глубокое понимание связей в комплексной системе активности.

На стадии эксперимента изучаются долговременные последствия предположений о будущей пространственной организации и различных мероприятий экономической политики. С помощью экспериментирования на операциональных моделях можно определить некоторые ограничения на возможности формирования общества будущего.

Эксперименты основываются на чисто гипотетических распределениях рабочих мест и населенных пунктов и чисто гипотетической транспортной системе. Последствия вариантов решений рассматриваются в основном с точки зрения компаний и административных органов, но сделаны и попытки измерить их для отдельных семей и лиц.

Концентрация в небольшом числе крупных городских регионов тех производств, которые сильно зависят от прямых личных контактов, была удачным методом ограничения перевозок на дальние расстояния. Однако большая доступность посещаемых мест может быть удовлетворена и развитием транспортной техники. Телекоммуникации и авиация снизили ограничения, накладываемые расстояниями в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Параллельно с прогрессом транспортной технологии изменилась природа самого производства. Для обрабатывающей промышленности все более характерным становится коллективный труд в крупных про-

изводственных системах, труд, разделенный между большим количеством узлов и объектов, специализирующихся на каком-либо аспекте производства. Все больше транспортируемых между фабриками товаров представляют собой полуфабрикаты и узлы для сборки. В отличие от первичных материалов эти продукты глубокой переработки уже компенсируют затраты на перевозки на большие расстояния. Значительная доля товаров в Швеции производится на предприятиях, которые с точки зрения транспортных затрат могут быть названы мобильными.

Пока расчеты учитывали только затраты, тогда как необходимо изучать и временной аспект, т. е. расширить определение транспортного обслуживания. Регулярность и своевременность поставок имеют большое значение для условий производства в различных частях страны.

Вместе со снижением ограничений, накладываемых расстояниями, и, следовательно, расширением границ региона становится возможным интенсифицировать разделение труда между районами в еще большей степени. Однако компании находят более выгодным концентрировать обращение товаров и услуг на более крупных и менее многочисленных объектах, так как при этом больше используются выгоды прогресса технологии переработки и выше экономия от увеличения масштаба деятельности, а транспортные затраты изменяются незначительно.

Что касается сферы услуг, то масштаб и размещение различных объектов часто определяются критериями эффективности и стоимостными оценками делового мира. В результате социальные и коммерческие услуги концентрируются в немногочисленных крупных объектах.

Связи и взаимозависимость между размещением населенных пунктов, услуг и рабочих мест, с одной стороны, и изменениями транспортных услуг, с другой, очень усложнены. В обществе с дефицитом энергии различные направления развития не исключают друг друга и могут функционировать параллельно. При этом возможны следующие альтернативы.

Альтернатива 1. Возросшие транспортные затраты и низкая мобильность приводят к децентрализации рабочих мест и услуг одновременно со снижением использования сбережений от масштаба деятельности. Развитие такого рода приводит к модели более рассредоточенного размещения связанных с рынком производств, более низкой концентрации розничной торговли и учреждений обслуживания. Но распределение населения не изменяется в значительной степени.

Альтернатива 2. Возросший уровень специализации и разделения труда ведет к возрастанию перевозок и повышению потребления энергии. Страна с дефицитом энергии должна будет организовать труд в основном по тем же правилам, что и системы активности старых времен, в основу которых был положен принцип — отдельные люди и производственные объекты по преимуществу полагаются на самих себя и поэтому меньше зависят от взаимодействия и сотрудничества. То есть одна из возможностей состоит в том, чтобы изменить производственную систему, осуществив возросшую интеграцию трудовых операций на независимых рабочих местах вместо интенсивного разделения труда между рабочими местами.

Альтернатива 3. Дефицит энергии и более низкая мобильность обусловливают концентрацию производства и населения на национальном, региональном и местном уровнях. В результате межрайонные перевозки между организациями снижаются. Производители и оптовые торговцы находят выгодным размещать свои производства ближе друг к другу. Доступ к учреждениям обслуживания и рабочим местам для отдельных семей может оказаться настолько дорогостоящим, что эти затраты повлияют на жилищные структуры.

Альтернатива 4. В области транспортной техники возможны изменения, причем либо незначительные (например, переход от энерго-

емких средств к средствам, потребляющим меньше энергии), либо кардинальные, полностью преобразующие транспортное обслуживание.

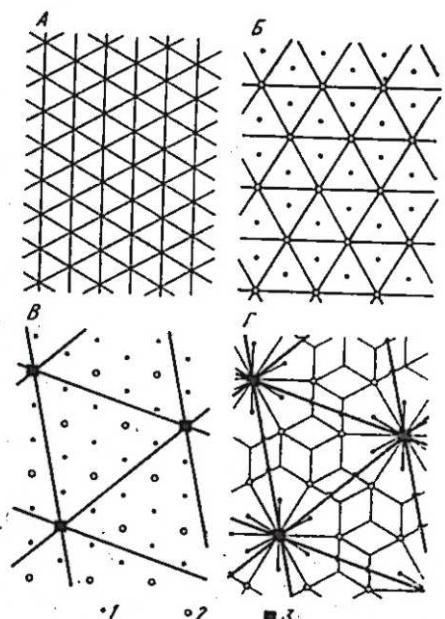
Важно решить вопрос, в какой степени тенденции развития транспортного хозяйства привели к снижению региональных различий в транспортной обеспеченности. На рисунке в упрощенном виде изображено четыре варианта так называемого ландшафта Лёша. Предполагается, что рабочие места и населенные пункты расположены в 45 местах, равномерно распределенных по поверхности. Места связаны транспортными маршрутами. Пространство изотропно.

Вариант А — это ситуация, когда все места одинаковых размеров. Транспортная система обеспечивает всем равное транспортное обслуживание. По варианту Б предполагается, что 15 мест из 45 больше, чем остальные, и имеют лучшую перевозочную базу. В этой ситуации транспортная экономика оправдывает систему более высокой транспортной обеспеченности, чем по варианту А. Транспортная ситуация улучшается в целом, а степень доступности в системе меняется для тех мест, которые на рисунке названы региональными или главными центрами. 30 региональных центров должны использовать первоначальный транспортный аппарат, тогда как 15 главных имеют преимущество более совершенной транспортной системы, что делает их доступнее друг для друга.

По всей вероятности, различие между местами увеличивается постепенно, ибо новые производства концентрируются в первую очередь в местах с лучшим транспортным обслуживанием. Расширение в немном числе мест создает необходимые условия для дальнейшего усовершенствования некоторых транспортных маршрутов и т. д. Это развитие может быть описано как причинный цикл. Здесь показывается взаимодействие между размещением производств и постепенным расширением транспортной системы.

По варианту В три места выросли в национальные центры одновременно с развитием новых транспортных маршрутов, например авиалиний. Теперь у нас три уровня доступности в этой системе мест. По варианту Г различные уровни соединяются вместе. Здесь применен принцип, по которому качество перевозок всегда наивысшее на маршрутах, связывающих небольшие населенные пункты с более крупными. Поселения самого нижнего уровня также имеют предположительно лучшие связи с центрами наиболее высокого уровня, чем с местами на промежуточном уровне при одинаковой удаленности (см. структуру вокруг крупных центров).

Приведем пример из исследований, которые начались с анализа регионального баланса между спросом и предложением транспорта в Швеции в 1960, 1965 и 1970 гг. Мы нашли, что городские регионы в разных частях страны сильно отличаются друг от друга по возможностям поддержания прямых личных контактов. Эксперименты на модели показали следующие результаты. Региональная концентрация производств дает более эффективную систему контактов на нацио-

Транспортные линии в гипотетической системе городов.
1 — региональные центры; 2 — главные центры; 3 — национальные центры.

нальном уровне. Концентрация работников с интенсивными контактами, в основном в Стокгольме, облегчает поддержание контактов не только для тех, кто работает в столице, но и для работников, размещенных в других региональных центрах страны. Децентрализацию видов деятельности, зависящих от контактов, например вынос правильственных учреждений из Стокгольма, нельзя осуществить без значительного понижения возможности для работников поддерживать личные контакты. За некоторыми исключениями этот вывод оказался верным для всех изучаемых нами территорий.

Эти последствия изменений регионального распределения потребностей в контактах вызваны тем, что межрайонная транспортная система в Швеции, как и во многих других странах, приспособлена к потребностям сильно централизованного общества. Некоторые транспортные узлы — города и особенно столица — пользуются высокой степенью доступности в этой системе. У людей, работающих в этих узлах, нет трудностей при вступлении в контакт с другими. Люди, работающие в небольших узлах, также с легкостью могут поддерживать контакты с работниками, профессиональные занятия которых сконцентрированы в основном в столице. Но возможность контактировать с занятими в других мелких узлах ограничена. В южной и центральной Швеции, где узлы расположены вблизи друг от друга, автомобиль — прекрасное средство транспорта для поддержания контактов. Но когда речь идет о более далеких расстояниях, требующих использования поезда или самолета, транспортное обслуживание между мелкими узлами ограничено. Эти поездки часто совершаются через центральный узел в системе — Стокгольм.

Региональная политика может служить наиболее эффективной мерой для приостановления тенденции к увеличению неравенства между различными районами страны в транспортной сфере. Это и было выводом из эксперимента на модели.

К. УОРREN (K. WARREN)

Великобритания

ТЕРРИОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ БРИТАНИИ

Великобритания имеет крупную и диверсифицированную экономику, сконцентрированную на небольшом острове. Среди несоциалистических стран она первой приняла промышленное и региональное планирование на уровне государства, что было реакцией на многообразные и трудноразрешимые проблемы. Британские плановики жестко ограничили наследием прошлого — сложившимся размещением производства, населения, его социальной структурой, господствующими установками, предрассудками. Признавая эти важные ограничения, мы тем не менее считаем, что в последнюю четверть века британские плановики оказывались слишком робкими и близорукими. Можно было бы избежать многих неверных решений, если бы вместо «оборонительного» планирования применялось планирование конструктивное и комплексное. Принимавшиеся решения по размещению промышленности были недостаточно рациональными, не соответствовали природе пространственных производственных комплексов; роль инфраструктуры недооценивалась.

Примерно до 1920 г. индустриализация в Британии осуществлялась в основном в локальных рамках. Локализация определялась

бо наличием ресурсов, трудовых или материальных, например угля и железа в Средней Шотландии, Северо-Восточной Англии, Южном Уэльсе, либо опиралась на прежнюю специализацию той или иной территории, как это наблюдалось в текстильно-швейных районах Ланкашира, Западного Йоркшира, восточной Средней Англии. Эволюция промышленности привела в конечном счете к организации более комплексного хозяйства в этих регионах. Новые отрасли обрабатывающей промышленности были созданы в районах производства угля и металла, прежде всего в западной Средней Англии, которая имела относительно сложный комплекс производств. Появились портовые комплексы обрабатывающей промышленности, поддерживающие тесные контакты как с внутренними промышленными районами, так и с заокеанскими сырьевыми базами, причем переработка этого сырья стала важнейшей характеристикой их структуры. Наиболее представительные примеры провинциальных портовых комплексов — это Мерсисайд, Клайдсайд и Тайнсайд. Лондон как главный порт, столица страны и региона, обладавший уникальными в мире торговыми и финансовыми связями, и как крупнейшая в мире агломерация населения, сконцентрировал в себе и разнообразные промышленные производства: в 1901 г. на административное графство Лондона приходилось 14,2% населения старше 10 лет в Англии и Уэльсе и 12,9% всех занятых в промышленности.

В целом же до первой мировой войны отчасти в результате торговых связей Британии со всем миром, отчасти вследствие ее раннего промышленного развития, но главным образом из-за рассредоточенного размещения ее угольных месторождений в тот период, когда пар был главной двигательной энергией, индустриальные районы Британии были рассеяны по территории страны.

В это время промышленные объекты довольно часто дублировали друг друга, например судостроение в Клайдсайде, Тайн-Уэре и Мерсисайде, химия в Мерсисайде и Тайнсайде, выпуск рельсов в Тиссайде, на побережье Кумбрии и в Южном Уэльсе. Однако встречалась и региональная специализация, например, в сталелитейной промышленности Южного Ланкашира, западной Средней Англии, Южного Уэльса.

С совершенствованием средств транспорта и связи промышленные районы попадали в более тесную функциональную взаимозависимость, становились частью национального промышленного производственного комплекса.

Современный пространственный производственный комплекс Великобритании имеет протяженность 600 км (370 миль) с севера на юг от Фирт-оф-форта до Солента и чуть больше 300 км (180 миль) от бухты Суонси до устья Темзы. В 1971 г. он охватывал 50 и 54 млн. жителей «материковой» Британии. В его пределах имеются крупные агломерации производства и населения: Лондонский бассейн, западная Средняя Англия с центром в Бирмингеме и старая Черная Страна Южного Стаффордшира, Южный Ланкашир с Манчестером и Мерсисайдом — двумя территориями-ядрами, Восточнопеннинская агломерация, где промышленность и население сосредоточены в трех узлах — в Лидсе и Западном Йоркшире, Шеффилдском подрайоне и в Ноттингем-Дерби. Три других индустриальных агломерации удалены от так называемого «осевого пояса» промышленности: это Южный Уэльс, Северо-Восточная Англия и Средняя Шотландия — территории с населением примерно 2,1; 2,5 и 4 млн. чел. соответственно. Издавна уголь, железо и сталь были общими для всех трех.

Хроническая депрессия британской промышленности 1920—1930-х годов и мировой кризис 1930-х годов вскрыли роковую узость экономической базы периферийных регионов и их хозяйств. Пришли в упадок

старые отрасли, уровень безработицы оказался чрезвычайно высоким — до 50% в периоды наиболее глубокой депрессии. Тем временем вырастали новые отрасли, специализирующиеся на новых товарах: машиностроительные производства, радиотехника, производство резиновых изделий, предметов домашнего обихода, но прежде всего автомобильная промышленность и ее многочисленные вспомогательные производства. Даже новые региональные взаимосвязи, которые успешно устанавливались, оставляли периферийным территориям только те их участки, у которых имелся наименьший потенциал роста и где региональный эффект мультипликатора был невелик. Относительно высокие заработки и крупные прибыли обеспечивали финишные производства, сконцентрированные в осевом поясе; они менее материальны, но зато дают большую добавленную стоимость. Совсем другое дело — производство первичных материалов.

Произошла интенсивная миграция населения из периферийных в осевые районы. Но и это не смогло серьезно изменить положение: производство росло в одном районе параллельно с ростом безработицы в другом подразделении национального производственного комплекса.

На первое, причем нерешительное вмешательство в размещение промышленности британское правительство пошло в середине 1930-х годов. К 1945 г. были сформулированы основные принципы политики размещения. Прежде всего предусматривались меры для поддержания уровня экономической активности и занятости населения, а также личного дохода во всех регионах с тем, чтобы общество могло сохранять уровень, сопоставимый со сложившимся в более благоприятной с природной точки зрения части страны. Контроль за размещением промышленности со стороны британского правительства стал более комплексным.

До определенного момента региональная политика была успешной: значительная часть новых производств разместилась в «районах развития». Но даже за четверть века не удалось создать такое число рабочих мест, чтобы устранить региональные различия в безработице. Уровень безработицы в районах развития оказался в два раза выше среднего по стране, а в мае 1975 г., когда удельный вес безработных в западной Средней Англии составил 3,4%, на Юго-Востоке — 2,4%, в Шотландии он равнялся 4,6%, в Уэльсе — 5, в Северной Англии — 5,4%. С 1960 по 1972 г. в Уэльсе было создано 80 тыс. рабочих мест, что составило примерно 8% общей численности занятых здесь, но требовалось в три раза больший рост, чтобы решить уэльскую проблему безработицы. Причем эти мероприятия были более эффективны, чем в каком-либо другом районе Британии.

Относительно развития на периферии тяжелой промышленности принимались чрезвычайно осторожные решения как со стороны национализированного, так и частного сектора, что в конечном счете проявилось в неконкурентоспособности производства в мировом масштабе. Старые верфи были модернизированы, но новых не построили. Основную долю промышленности в районах развития составили предприятия легкой промышленности, которая обеспечивает рабочими местами в основном женщин. Это можно было приветствовать в той мере, в какой повышался уровень женской занятости, но из-за рационализации угледобывающей, металлургической промышленности, локомотиво- и судостроения, машиностроения и других отраслей высвободилась главным образом мужская рабочая сила. Большое число промышленных предприятий, построенных на периферии, — это филиалы фирм, уже действующих в осевом поясе, во время спадов производство в филиалах сокращается.

Плановики слабо учитывали связь районов развития с предприятиями осевого пояса. Так, когда принималось решение о размещении в

том или ином районе конкретного производства, не обеспечивалось направление технологически связанных фирм в этот же периферийный район. В пределах территории развития производства распылялись по всему району, тем самым повторялись старые схемы размещения, может быть, достаточно подходящие для эпохи преимущественной занятости рабочей силы на шахтах или в мелкомасштабном судостроении и на текстильных фабриках, но неудобные для более сложных связей современного производства и дорогие с точки зрения обслуживания и обеспечения их инфраструктурой.

Так, ни Южный Уэльс, ни Средняя Шотландия не были идеальными для развития автомобилестроительного комплекса, и ни в одном из них правительство не ввело комплексирующих производств в масштабе, сопоставимом с расширением здесь автомобилестроения. В конечном счете это привело к значительным социальным издержкам и повышению издержек производства, что снизило конкурентоспособность британского автомобилестроения.

Крупнейший автосборочный завод в Средней Шотландии и кузнеочно-прессовое производство в Линвуде (юго-западнее Глазго) были «привиты» к заводу, построенному для производства железнодорожных вагонов. Следовательно, в пределах многих регионов не удалось поддержать идею локализованного производственного комплекса.

Капиталовложения в инфраструктуру представляют важный аспект британского планирования и воздействия на районы развития. Строительство новых городов, начиная с конца 1940-х годов, было в основном направлено на решение проблемы избытка населения в Лондоне. Города размещались не более чем в 30—40 милях от центра Лондона. Поэтому возможность использовать прямые инвестиции и рассредоточенную рабочую силу для вливания новой жизни в периферийные регионы была потеряна. Более чем миллиардные затраты на проект «Конкорд» с его бристольской базой и крупными южными британскими фирмами, связанными с ним, крупные затраты на существующие лондонские аэропорты — вот другие примеры больших прямых и инфраструктурных затрат в богатом осевом поясе.

В течение всей автомобильной эры в Британии осуществлялась политика, которая стимулировала перевозки по автодорогам, что в принципе способствовало скорее рассредоточению, чем концентрации экономической активности, и, вероятно, помогло поддерживать операции мелкого масштаба, чего нельзя было добиться при транспортной программе, ориентированной на железные дороги. Однако вместо того, чтобы использовать это для лучшей увязки различных отраслей хозяйства периферийных территорий и, следовательно, строить автодороги в более динамичных территориях Юго-Востока и Средней Англии, были осуществлены противоположные меры. Автодороги строились в направлении из осевого пояса к районам развития, что стимулировало рост фирм, условия размещения в которых были и без того благоприятными. Следовательно, политика районов развития и стратегия строительства автодорог были противоположно направлены и эффективность затрат на региональный рост таких районов была до известной степени снижена.

Из описанного выше в целом можно сделать следующий вывод. Британия состоит из ряда экономических районов. Экономическое планирование должно осуществляться в соответствии с реальностями социальной географии, что требует более широкого подхода, чем ориентация на местные горизонты. При этом роль географа жизненно более важна, чем это пока признается.

МИГРАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ИНДИИ

До эпохи планирования, начавшейся в 1951 г., в Индии преобладало сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность была развита слабо. В различных отраслях, в том числе в крупном производстве, по данным переписи, в 1951 г. было занято всего 13,35 млн. чел., или примерно 9,6% наемных работников. По некоторым оценкам, в 1948/49 гг. в промышленности было получено 17,1% национального дохода страны. В промышленной структуре Индии господствовали надомное производство и мелкие отрасли промышленности, основанные главным образом на сельском хозяйстве. Низкая производительность труда индийских промышленных производств была обусловлена в первую очередь низким уровнем разделения труда. Металлургия и инвестиционные отрасли в тот период продвинулись вперед ненамного. Организованная индустрия, занятая в основном переработкой сельскохозяйственного сырья, давала 41,2% всего национального дохода, производимого всеми отраслями промышленности, тогда как на надомные и мелкие производства приходилось 58,8%.

По данным переписи 1961 г., в 1960/61 гг. нефабричный сектор промышленности располагал рабочей силой в 9,25 млн. чел., занятых в домашнем хозяйстве, и примерно 4,26 млн. чел.— в производствах вне домашнего хозяйства. Из 710 тыс. мастерских и фабрик в городских районах и 1,69 млн. в сельской местности соответственно 580 тыс. и 1,57 млн. были предприятиями, состоящими из одного человека или семьи из двух человек и более. Примерно 14% заведений в городской и 1,22% в сельской местности пользовались электричеством.

Большая часть фабричной индийской промышленности приходится на долю частного сектора и состоит из средних и мелких заводов и предприятий. Крупный (фабричный) сектор промышленности разделяется на две категории. Первая, данные по которой получают из ежегодного обследования промышленности методом переписи, охватывает фабрики, на которых занято 50 рабочих и более (когда используется энергия) или 100 рабочих и более (если энергия не используется). Вторая категория, данные по которой собирают из выборочного обследования, включает фабрики с численностью занятых от 10 до 49 рабочих (когда используется энергия) или от 20 до 99 рабочих (если энергия не используется). В 1960 г., когда эта классификация была введена, переписной сектор производств насчитывал 2,86 млн. работников, выборочный— 0,73 млн. работников. В 1966 г. численность работников, занятых в переписном секторе, достигала 3,934 млн. чел., а в выборочном— 776 тыс. чел. Значительная часть промышленного производства в Индии ведется на базе натурального хозяйства и не попадает в ежегодное обследование промышленных производств.

С середины 50-х до середины 60-х годов отмечалось относительно интенсивное развитие промышленности. После этого периода наблюдалось постепенное снижение новых вложений в промышленность как в государственном, так и в частном секторах, и разрыв между имеющимися и эффективно используемыми мощностями значительно увеличился.

Как показывают данные ежегодного обследования производств, текстильная промышленность и машиностроение составляют в Индии более 40% стоимости, добавленной обработкой. Затем следуют химическая промышленность и металлургия— соответственно 11 и 10%.

Примерно 39% занятых и 44% стоимости, добавленной обработкой, приходится на два штата— Махараштра и Западную Бенгалию. Шесть

штатов— Махараштра, Западная Бенгалия, Тамиль Наду, Гуджарат, Уттар Прадеш и Бихар— сосредоточили около 70% занятости и 73,2% стоимости, добавленной обработкой.

Эти структурные характеристики развития промышленности в Индии нужно иметь в виду при оценке пространственно-временных аспектов миграции промышленности в стране.

Миграция промышленности рассматривалась обычно в виде перемещения завода или филиала завода. Однако в такой развивающейся стране, как Индия, в которой промышленная революция началась только в эпоху планирования, заслуживает интереса изучение миграции на уровне отраслей промышленности из традиционных территорий, где они концентрировались. Понятие миграции промышленности в этом случае включает также выход отрасли за пределы того пункта, который она занимала в данной пространственной системе первоначально.

Начало индустриализации в Индии датируется 1854 г., когда была открыта первая джутовая фабрика в Ришире вблизи Серампора, в 12 милях севернее Калькутты. В 1855 г. появилась первая хлопчатобумажная фабрика в Гхузери, недалеко от Ховраха, в 1857 г.— первая бумажная фабрика в Балли, в 1874 г.— первый железолитейный завод в Культи, вблизи Асанола. Впоследствии из-за более благоприятных условий площадки и инфраструктуры, в частности энергии и транспорта, бумажная фабрика полностью перебазировалась в Титагхар, а домна железоплавильного завода мигрировала из Культи в Бурнпур, где было создано сталеплавильное предприятие. Хлопчатобумажное производство доминировало в промышленности Индии еще с давних времен, когда оно было надомным. Традиционное прядильное и ткацкое мастерство и рыночные возможности определяли размещение промышленности в Агре, Патне, Аллахабаде и других районах Северной Индии; возможности торговли со странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, а также традиционное мастерство привели к размещению промышленности в прибрежных зонах Сурата, Броача и Манслипатама. Но в прибрежных районах промышленность не развивалась в течение долгого времени. С потерей иностранного рынка из-за конкуренции со стороны Японии и с постепенным расширением местного рынка хлопчатобумажная промышленность как современная отрасль мигрировала в южную часть страны. После потери своего значения как административных центров Агра, Люкнов, Аллахабад и Патна уступили прежнюю роль городам Дели, Канпуру и Калькутте— центрам хлопчатобумажной промышленности в Северной и Восточной Индии.

Сахарная промышленность, которая была создана в нынешнем виде в 1904 г., все больше мигрирует в Южную Индию из традиционных районов концентрации в северной части страны. Это вызвано в основном появлением более широких возможностей для ирrigации при производстве сахарного тростника на юге и стимулированием со стороны правительства с помощью выдачи лицензий производителям сахара, стремящимся к созданию сахарных заводов в южной части страны.

Миграция отраслей промышленности в Индии, особенно в эпоху планирования, определялась в основном политикой по стимулированию развития производств в отсталых районах, принятой индийским правительством. Правительство поступало при этом двояко. Во-первых, оно предоставляло субсидию и (или) инфраструктуру промышленным предприятиям из частного сектора. Во-вторых, размещало государственные предприятия в отсталых регионах с тем, чтобы добиться сбалансированного развития различных частей страны.

Бремя промышленного производства несут на себе главным образом шесть штатов из 22: Западная Бенгалия, Махараштра, Уттар Прадеш, Пенджаб, Тамиль Наду и Бихар. На эти штаты приходится более 80% занятых в крупных производствах. В соответствии с целью, установ-

ленной резолюцией по индустриальной политике 1948, 1956 и 1973 гг., и принципами индустриализации, изложенными Плановой комиссией в пятилетних планах, правительство приняло меры по развитию, перестройке и перемещению промышленных производств в стране. Анализ промышленности в Индии. Аналisis промышленных производств в эпоху планирования, особенно в 1951—1955 гг., выявляет два примечательных аспекта миграции промышленности в Индии. Во-первых, миграция производства наблюдалась вследствие создания завода-филиала производственного объекта; во-вторых, отрасль, по традиции сконцентрированная в одном штате, развивалась в других штатах.

Приведем несколько примеров новых промышленных узлов, появившихся на карте Индии в эпоху планирования:

Бхилаи (штат Мадхья Прадеш): черная металлургия (мощность 1 млн. т стали на первом этапе), завод по производству удобрений (120 тыс. т азота), проекты по первичным огнеупорным материалам;

Дургапур (Западная Бенгалия): машиностроительный завод (30 тыс. т горнодобывающего оборудования), завод по производству легированной и инструментальной стали (48 тыс. т готовой продукции);

Бокаро (Бихар): черная металлургия (1,7 млн. т стали на первом этапе), дегтеперегонный завод (100 т дегтя в день, 650 тыс. т кокса в год), производства органических химических продуктов (600 т каустической соды, 6600 т фенола, 5800 т хлора, 6600 т фталиевого ангидрида, 5000 т формальдегида, 1000 т пентахлорфенола), проект стройки по производству стекла (300 т стекла);

Ранчи (Бихар): завод тяжелого машиностроения (15 тыс. т укомплектованных машин), заводы по производству отливок и поковок (94 тыс. т отливок и поковок), фабрика по производству изоляторов высокого напряжения (4800 т изоляторов), проект по тяжелому машинному оборудованию и инструментам.

Отметим два интересных аспекта миграции промышленности. Черная металлургия переместилась из традиционных районов концентрации в Западной Бенгалии и Бихаре в другие узлы. Некоторые из этих узлов имеют преимущества инфраструктуры и сырья, остальные же размещены в отсталых районах, что соответствует цели правительства — обеспечить сбалансированное развитие различных частей страны. Сталеплавильная промышленность мигрировала в три новых промышленных узла — в Виджаянагаре вблизи Хоспета в Карнатаке, в Вишкхапатнаме в Андхра Прадеше и в Салеме в Тамиль Наду. Медное и алюминиевое металлургические производства также мигрировали вслед за открытием залежей меди и бокситов в других частях страны. В некоторых случаях к миграции привело расширение производства, например индустриальных антибиотиков, индустриальных металлорежущих станков и завода тяжелого электромашиностроения.

Рост сахарной промышленности в Индии дает пример миграции отрасли из субтропического пояса. Сахарный тростник — культура субтропическая, поэтому и сахарная промышленность концентрировалась в субтропической части страны, в частности в Уттар Прадеше и Бихаре. Благоприятные факторы — температура, дождевые осадки и аллювиальные почвы — обеспечивали возможности для производства сахара в северной части страны. На юге же отсутствие достаточного водоснабжения наряду с другими факторами сильно ограничивало развитие сахарной промышленности. С развитием ирrigации в тропических районах страны появились лучшие условия для возделывания сахарного тростника и роста сахарной промышленности. При этом правительенная лицензионная политика стимулирования роста отрасли в южной части не приостановила развития сахарной промышленности в субтропиках.

Количество сахарных заводов в стране увеличилось до 215 в 1969/70 г., 216 в 1970/71 г. и 220 в 1971/72 г. В 1950/51 г. сахарные предприятия функционировали только в 30 пунктах в тропическом поясе и в 110 в субтропическом. В 1950—1972 гг. число таких предприятий выросло до 100 в тропическом поясе и только до 120 в субтропической части.

Таким образом, в тропической части страны прибавилось 70 сахарных заводов, в субтропической — только 10.

Сахарный тростник дает гораздо более высокую прибыль, чем любая другая культура. Министерство по производству пищи и сельскому хозяйству, утверждающее цены на сахарный тростник, гарантирует производителям минимальную на него цену. Это побудило последних к повышению объемов производства, отсюда возникли новые сахарные заводы. Программы развития производства, принятые в штатах, выращивающих тростник, побудили сахарозаводчиков к расширению производственных мощностей.

Указанные моменты миграции промышленности позволяют заключить, что перемещение основного предприятия в настоящее время — редкое явление в Индии; более распространена во многих частях страны миграция завода-филиала при расширении мощности основного завода; перемещение отраслей промышленности в результате правительенной промышленной и лицензионной политики — наиболее общее явление, изучение которого должно привлечь внимание промышленных географов. Представляет интерес также изучение всех названных аспектов миграции промышленности в районах высокой концентрации индустрии, особенно столичных (Калькутта, Бомбей, Канпур, Бангалор и Мадрас), или в промышленно важных макроединицах.

Б. ЯНГ (B. YOUNG)

Канада

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГЕОГРАФИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

В настоящей статье делается попытка рассмотреть развитие промышленности в Южной Африке, а также остановиться на исследований по географии промышленности в данной стране. Некоторое место отводится промышленным занятиям африканских народов, говорящих на языке банту, и предприятиям голландских и французских поселенцев в течение первых двух столетий колонизации европейцами Южной Африки. Первые плавали железо и изготавливали мотыги, ложки и оружие, вырезали изделия из слоновой кости и дерева, выделяли шкуры; вторые, как сообщают архивные записи, обрабатывали сельскохозяйственное сырье и деревья, производя продукты питания и вино, домашний инвентарь и обувь, рыболовецкие лодки. Ни одна из этих исторических производственных систем, насколько известно автору, не изучалась систематически с точки зрения размещения, хотя Марэ (1972 г.) коротко коснулся двух принципиальных размещеческих влияний на структуру промышленности и отраслей услуг в колонии, а именно: распределения и концентрации сельскохозяйственного населения и экспортно-импортной торговли через порты, особенно Кейптаун.

Вслед за открытием алмазов вблизи Кимберли и затем золота на побережье Витватер во второй половине XIX в. южноафриканская сельскохозяйственная экономика дополнилась горнодобывающей промышленностью. Эта «минеральная революция» вызвала необходимость строительства железной дороги, а также развития вторичных отраслей, связанных с горнодобывающей промышленностью, и дальнейшего расширения портов.

В течение прошедших десятилетий XX в. местные африканские племена и потомки белых колониального периода с участием более поздних иммигрантов из Европы и Азии создали современный промышленный сектор Южной Африки, ее «индустриальный ландшафт», став в ходе этого процесса взаимозависимыми частями системы, которая сейчас включает миллион с четвертью человек всех рас.

В ходе индустриализации первейшим было требование, чтобы государственные железные дороги с помощью дешевых тарифов содействовали расселению сельскохозяйственного и промышленного населения во внутренних частях всех четырех провинций Южно-Африканского Союза (влияние железнодорожной политики на размещение промышленности исследовал Фрэнкель).

Как показывают материалы ежегодных промышленных переписей, до второй мировой войны около 80% промышленности страны было размещено в трех прибрежных регионах и на Витватерсrande. Этот дисбаланс трактовался некоторыми исследователями как показатель того, что сельские территории не участвовали в экономическом росте и прогрессе, хотя и предпринимались попытки привлечения промышленности в сельские районы.

В первой половине XX в. в своих исследованиях экономисты, опираясь на теорию размещения промышленности Альфреда Вебера, предупреждали промышленников, что «неправильное размещение означает неэкономичное отвлечение производственных ресурсов», и рекомендовали правительству «оказывать противодействие опасностям излишней централизации отраслей промышленности».

К началу 50-х годов южноафриканская экономика была аграрно-индустриальной: промышленность производила примерно 18% валового национального продукта. В 1955 г. появилось первое солидное исследование обрабатывающей промышленности — монография Джона Веллингтона. Опираясь в основном на официальные отчеты, ученый обрисовал подъем черной металлургии и размещеческую ситуацию в отрасли, а также рассмотрел факторы, воздействующие на размещение вторичной промышленности. Однако Веллингтон не попытался провести анализ размещения в более широком плане, что объяснялось прежде всего бедностью статистической базы: вплоть до 1960 г. данные по промышленности в необходимом территориальном аспекте не публиковались.

В последующем количество публикаций статистических материалов и исследовательских работ намного возросло. Основные работы этого периода распределяются по пяти группам.

Во-первых, ведутся традиционные эмпирические исследования, изучаются факторы размещения на примерах того или иного региона или конкретной отрасли, анализируется существующее размещение производства (работы Берджерса, Уильямса, Коула, Баркера, Немфриса и Мак-Крисла, Марэ, Горвуда, Гриффита). Здесь следует, в частности, отметить статистический анализ Восточного Лондона Баркером. Во-вторых, исследуются города, в том числе столицы, на основе данных, собранных в ходе специальных интервью (Мак-Уиртер, Катцен, Уилкинсон, Янг, Эрвин, Филлипс и де Конинг). Сюда же можно отнести количественные исследования промышленности в южноафриканской системе городов (Дэвис и Янг), изучение потенциала роста городов (Пейдж), передвижений на работу в промышленности (Департамент экономики). В-третьих, четко выделяются работы, посвященные различным аспектам децентрализации промышленности. Однако нужно учесть, что с конца 50-х годов децентрализация в Южной Африке была тесно связана с попытками задержать приток рабочих черной расы в белые столичные районы [автор имеет в виду политику апартеида.— Ред.]. Этой теме посвятили свои работы Ниэвенхузен, ван дер Хорст,

Баркер, Фэр, Грин, Адендорфф, Мак-Крисл, Белл, Бичэм, Ратклифф, Роджерсон. Анализ опыта хозяйственного развития в отдельных пунктах также попадает в эту группу (Бест и Роджерсон), как и эмпирические статьи по миграции промышленности (Роджерсон).

Четвертую группу составляют «правительственные», или «институциональные» по происхождению работы: от ранней брошюры (вероятно, первого опыта регионального анализа) по неразвитым территориям (Кваас, 1954 г.) до официальной «Белой книги» о политике развития периферийской территории в 70-х годах. Сюда относятся также работа Фэра по Южному Трансваалю, аналитические отчеты подразделений университета по Витватерсrandu (по городским и региональным исследованиям), о деятельности правительской корпорации промышленного развития, официальные отчеты примерно 40 официальных «пунктов роста промышленности» (Департамент планирования, 1974 г.). Еще в 1967 г. правительство издало так называемый Акт по физическому планированию, где рассматривается роль корпораций развития, а недавно опубликовало план «физического развития».

К пятой группе следует отнести статью Кокхеда (1970 г.) о структурной экономической адаптации в Восточном Витватерсrande (это одна из первых южноафриканских территорий, которая должна была приспосабливаться к спаду золотодобычи) и поведенческие исследования Роджерсона по тематике, предложенной Гамильтоном.

Хотя Южная Африка «имеет гораздо более диверсифицированный и развитой промышленный сектор, чем любая другая африканская страна» (Гансе), здесь найдется лишь небольшое число географов и экономистов, профессионально работающих в области размещения промышленности. И все же за последние два десятилетия интерес к этим исследованиям повышается. По мнению автора, отдельные наиболее актуальные проблемы разработаны уже относительно хорошо. Так, Мэллоуз, например, четко связал будущее благосостояние Южной Африки с размерами, темпами и структурой ее индустриализации. Белл определил решающую проблему для политики децентрализации промышленности, когда заметил, что «требуется совокупность критериев, пронизывающая исходную, промежуточную, конечную классификацию и позволяющая отбирать наиболее подходящие отрасли промышленности (для децентрализации) во всех трех категориях». Ломбард (1971 г.) показал необходимость разработки системного подхода к принятию решений при региональном планировании. Фэр (1973 г.) ввел в науку теоретические понятия из области стратегии «пунктов роста», в частности, из американских источников. Янг проанализировал промышленную подсистему в «городском районе апартеида». Роджерсон осветил поведение иностранных фирм и многонациональных компаний и возбудил интерес к принятию решений о размещении предприятий в ЮАР. Дэвид Смит (1973 г.) подчеркнул факты расово-пространственного неравенства в социальном строе Южной Африки.

Представляется, что в дальнейшем ученыe будут более интенсивно разрабатывать теорию, принципы и процесс перестройки структуры пространственной экономики.

В. Н. ВЫСОЦКИЙ, А. Я. ЯКОБСОН
О ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ
ПОЛЯРИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ

В последнее время в зарубежной литературе, посвященной проблемам региональной политики, большое внимание уделяется концепциям и политике поляризованного развития. Редкая работа обходится без таких терминов, как «полюс роста», «центр роста», «поляризация», «поляризованное развитие», «пропульсивная деятельность» и т. п. Вопросы поляризованного развития постоянно обсуждаются в печати, им было посвящено два международных семинара (Женева, 1969; Мадрид, 1970). Указывается, что поляризованное развитие превращается в ведущее направление региональной политики большинства капиталистических, некоторых социалистических и развивающихся стран, что именно с политикой поляризованного развития многие государства связывают возможности быстрейшего и наиболее эффективного экономического, социального и культурного развития районов и страны в целом.

В основе концепции поляризованного развития лежит так называемая теория полюсов роста, выдвинутая французскими учеными Ф. Перру и Ж. Будвилем. Сам Перру формулирует ее сущность следующим образом: «Рост не появляется везде и сразу, он появляется в точках, или полюсах роста, с разной интенсивностью распространяется по различным каналам, вызывая в экономике разнообразные конечные эффекты»¹.

В формировании теории полюсов роста важную роль сыграли концепции буржуазных экономистов, географов, социологов: с одной стороны, концепции, объясняющие процессы экономического роста (теории мультиликатора, акселератора и др.), а с другой — теория центральных мест, описывающая структуру географического пространства.

Со времени появления первой статьи Перру о полюсах роста (1955 г.) теория полюсов роста разрабатывалась многими исследователями. Однако одной стройной теории, которая объединила и увязала бы то общее, что содержится в различных взглядах, которая показала бы различия и вместе с тем общие черты процессов поляризации в условиях разных социально-экономических систем, в неодинаковых экономико-географических условиях и позволила бы сделать из теоретических положений практические выводы, фактически пока нет.

Авторы настоящей статьи попытались проанализировать как общеизвестные, так и дискуссионные положения различных концепций поляризованного развития, их использование в региональной политике капиталистических государств и установить возможности приложения этих концепций к условиям советской экономики.

ПОЛЯРИЗОВАННОЕ РАЗВИТИЕ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На первом этапе исследования теория полюсов роста вводит понятие «экономического пространства». Именно в этом абстрактном пространстве описывал процессы концентрации и поляризации Ф. Перру, а заслуга Ж. Будвиля состоит в том, что он интерпретировал все эти процессы для реального географического пространства.

Экономическое пространство рассматривается как силовое поле вокруг центров экономической деятельности, характеризующееся неравномерной напряженностью и наличием центробежных и центростремительных сил. Понятие экономического пространства одновременно шире и уже, чем географического: шире, поскольку подразумевается, что географическое пространство — это частный случай экономического; уже, поскольку процессы в экономическом пространстве фактически рассматриваются как точечные (так как при таком подходе не учитываются пространственные характеристики и территории сводятся к точке).

Концентрация, а затем распространение экономического роста в экономическом пространстве связаны с «пропульсивной» фирмой (предприятием). Пропульсивность как раз и означает способность крупной и принадлежащей к быстроразвивающейся отрасли фирмы воздействовать на рост других предприятий (характер и механизм этого воздействия описываются теориями мультиликатора, акселератора, диффузии нововведений и др.).

В самом процессе распространения роста обычно различают четыре последовательные формы поляризации.

1. Поскольку любое пропульсивное предприятие имеет разнообразные производственные связи, его появление или расширение вызывает появление или расширение предприятий-поставщиков (обратный эффект) и предприятий-потребителей готовой продукции (прямой эффект). Иначе говоря, происходит техническая поляризация.

2. С ростом производства, усилением технической поляризации растут доходы населения и, следовательно, платежеспособный спрос на товары и услуги, а это порождает так называемую монетарную поляризацию, или поляризацию через доходы (расширяется производство в секторах, технологически не связанных с пропульсивной отраслью, идет процесс диверсификации производства).

3. В такой обстановке возникает своеобразный «климат успеха» и начинается психологическая поляризация: территория, которая растет, приобретает репутацию развивающейся и привлекает мигрантов и капиталовложения.

4. Каждое предприятие, появляющееся в ходе поляризации, в свою очередь, дает толчок новому циклу форм поляризации; происходит своеобразная «цепная реакция», процесс распространяется во времени и пространстве, причем в разных местах одновременно проявляются различные его формы; территория, охваченная поляризацией, растет — идет географическая поляризация.

Понятие пропульсивности связано с важной проблемой, на которую теория пока не дает однозначного ответа. Эта проблема — выбор пропульсивной деятельности для будущего полюса роста.

Собственно, сама постановка вопроса о предварительном выборе специализации не является общепринятой. Зачастую предполагается, что средства вкладываются в инфраструктуру полюса роста и эта инфраструктура привлекает частные инвестиции (все равно в какой сектор). Такая практика распространена в США, при строительстве новых городов в Англии и Франции и в других странах.

¹ F. Perroux. Note sur la notion du pôle de croissance.— "Economie appliquée", 1955, p. 309.

Однако интерес к конкретной структуре будущего полюса роста не празден. Естественно, что разные отрасли производят различный поляризующий эффект, это связано с наличием, характером и интенсивностью прямых и обратных производственных связей. Так, к пропульсивным отраслям относят энергетику, металлургию, химию, машиностроение и др. Уже давно ученые, занимающиеся изучением циклических колебаний экономики, отмечали, что отрасли, обладающие высоким мультилицирующим эффектом, а именно таковы пропульсивные отрасли, при кризисе могут парализовать экономику района. Следовательно, вполне реальная «отрицательная» поляризация («парализация»). В данном случае резонно вспомнить предостережение У. Изарда: «Политика развития района должна считаться с тем, к каким циклическим последствиям она приведет. Как правило, более желательно развивать совокупность таких отраслей, циклические колебания которых проявляют тенденцию к взаимопогашению или, по крайней мере, не усиливают друг друга»². Такую совокупность можно создать лишь при предварительном обосновании структуры промышленного комплекса. Именно это направление в последнее время стало ведущим в политике поляризованного развития большинства капиталистических стран³.

ПОЛЯРИЗОВАННОЕ РАЗВИТИЕ В ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Описанные выше процессы экономического пространства с географической точки зрения могут происходить в одной точке. С позиций теории размещения промышленности эта точка представляет собой промышленный пункт или узел, характеризующийся всеми видами агломерационной экономики; с урбанистической точки зрения это населенный пункт или конурбация; в плане экономического районирования — это его первичная (элементарная) таксономическая единица.

Реальное экономико-географическое пространство дискретно: оно все состоит из таких точек. Закономерности размещения и иерархии экономико-географических точек в соответствии с их экономическими функциями описываются теорией центральных мест. Но теория поляризованного развития придает этой старой, в общем статичной теории новый смысл: иерархическая сеть центральных мест рассматривается как канава, по которой распространяется развитие из полюса роста.

До поры до времени поляризованное развитие идет в пределах экономического пространства внутри экономико-географической точки. Это приводит к территориальному росту самой точки. Но наступает этап в развитии, когда его масштабы и сложность связей достигают уровня, при котором производственный комплекс не вмещается в рамки экономико-географической точки. Происходит «выплеск» развития вовне. По существу, это и есть географическая поляризация, при которой преодолевается дискретность пространства.

Предприятия-смежники (при технической поляризации, взятой здесь для примера) размещаются не в максимально возможной близости от первичного предприятия, а в другой экономико-географической точке. Ясно, что характер технологических связей в этом случае будет принципиально иным. То же и с другими формами поляризации.

² У. Изард. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М., «Прогресс», 1966, с. 152.

³ Довольно перспективным представляется, например, тип промышленного комплекса, сложившийся в Японии и получивший распространение в некоторых других странах: черная металлургия, нефтепереработка и нефтехимия, теплоэнергетика — все на привозном сырье. Названные отрасли имеют обширные производственные связи, и их поляризующий эффект довольно высок.

В экономическом пространстве роль полюса роста выполняет предприятие, в экономико-географическом — населенный (промышленный) пункт.

Однако концепция распространения развития в географическом пространстве вызывает у многих экономистов возражения. Их аргументация примерно такова. Конечно, с точки зрения межрегионального анализа рост экономической деятельности в центральном городе («центре роста»)⁴ может существенно повлиять на общие показатели, характеризующие экономику района развития. Казалось бы, налицо будет и рост, и улучшение структуры экономики, чего обычно добивается любой политика развития. Однако не исключено, что с точки зрения внутрирайонного анализа указанный процесс будет сопровождаться, с одной стороны, резкой дифференциацией территориальных различий внутри региона, а с другой — ухудшением экономического положения в отдельных его точках. Ведь нельзя забывать, что развитие центра будет осуществляться не только за счет собственных ресурсов и ресурсов помощи, выделяемых центральными органами, но в значительной мере и за счет ресурсов (особенно трудовых) других точек региона, а это означает, что концентрация роста в выбранном центре будет одновременно сопровождаться истощением ресурсов в других точках, что, по меньшей мере в течение какого-то определенного периода (временного лага), будет вызывать отток ресурсов из последних, и если это не приведет к полнейшему их экономическому упадку, то во всяком случае на этот период ни на какое развитие они не должны надеяться.

Эти соображения достаточно логичны, и их нельзя не принимать во внимание. Но и у сторонников поляризованного развития (в частности, сторонников географической поляризации) есть не менее логичные аргументы. Обычно считается, что географическая поляризация должна наиболее полно проявиться через какой-то промежуток времени — в момент, когда рост в центральном пункте станет самоподдерживающимся, т. е. когда этот центр превратится во всесторонний полюс роста. Действительно, как подтверждает практика, стихийная концентрация развития в отдельных центрах так же стихийно сопровождается развитием регионов, где эти центры расположены.

Простым примером может служить следующая ситуация. Как правило, у любого полюса роста ближайшая периферия представляет собой сельскохозяйственную территорию. Развитие центра будет сопровождаться увеличением населения прежде всего за счет населения депрессивных окрестностей (действие эффекта монетарной и психологической поляризации). Казалось бы, это приведет к ослаблению периферии, но, с другой стороны, рост населения в центре вызывает повышенный спрос на продукцию сельского хозяйства, а это дает импульс развитию отдельных видов сельскохозяйственного производства в районе. Дальнейший рост центра приведет к расширению зоны тяготения, что, в свою очередь, создаст предпосылки для формирования промежуточных центров.

Но поляризация связана не только с интенсификацией сельского хозяйства, но и с индустриализацией, точнее — с урбанизацией сельско-

⁴ В зарубежной литературе употребляются термины «полюс роста», «центр роста» и «полюс развития». Некоторые авторы их вообще не разграничивают; другие считают, что полюс роста — это пропульсивное предприятие, а центр роста — географическая точка, где оно расположено; по мнению третьих, полюс и центр роста — различные таксономические ступени одного и того же явления; четвертые рассматривают центр роста как пункт, где происходит рост, а полюс роста — как тот же пункт, если рост из него распространяется вовне. Мы в данном случае говорим о центре роста, имея в виду последнюю трактовку, хотя и не считаем ее единственной правильной. Термин «полюс развития» более точен, чем «полюс роста»: развитие подразумевает не только рост, но и другие явления. В настоящей статье, посвященной в основном разбору зарубежных концепций, мы пользуемся более употребительным термином «полюс роста».

хозяйственной местности. Крупные фирмы, сосредоточенные в больших конурбациях, начинают создавать свои производственные и научные филиалы вне этих конурбаций. Так формируются города-спутники. При этом их формирование может быть и не стихийным, а организованным, чем и в любом случае это проявление объективной необходимости. Чем больше размеры полюса роста и выше его ранг в иерархии центральных мест, тем шире зона его влияния: Миллионная конурбация развивает не только свой ближайший город-спутник, но и далеко расположенные центры следующего ранга⁵. Итогом такого развития может стать превращение всего региона в зону, или ось развития — своего рода гигантский полюс роста, распространяющий свое развитие на остальную территорию страны.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПОЛЯРИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ

Как уже говорилось, концепция поляризованного развития послужила базой, на которой в наши дни строится региональная политика многих капиталистических стран. В первую очередь это относится к политике развития отсталых и депрессивных районов⁶.

Некоторое время (а в ряде стран и до сих пор) в этой сфере преобладал принцип «рассейянного впрыскивания капиталов». Сущность его в следующем. Каждый выделенный по соответствующим признакам депрессивный район для своего развития нуждается в помощи со стороны государства, и государство более или менее равномерно распределяет по всем этим районам свои ограниченные «ресурсы помощи». Главная цель такой политики заключалась в создании предпосылок для внедрения частного капитала в экономику депрессивного района. Как правило, ресурсы помощи направлялись в развитие инфраструктуры районов, за подъем уровня образования, медицинского обслуживания и в слабой степени использовались для решения основных экономических проблем. Учитывая, что таких районов в каждой стране много, а ресурсы помощи весьма ограничены, равномерность распределения этих ресурсов приводила к весьма слабому эффекту.

Более эффективный подход, предусматривающий поляризованное развитие, когда государственная помощь концентрируется на тех районах, где она, как ожидается, может принести большую экономическую отдачу. Имеются в виду такие районы, в которых географическое положение, характер ресурсов благоприятны для развития пропульсивных видов деятельности.

В выбранном регионе определяется пункт, которому предстоит стать полюсом роста. Обычно это центр данного региона (в соответствии с положением в системе центральных мест) или пункт, обладающий уникальным локализованным ресурсом; в последнем случае этот пункт имеет все шансы оттеснить старый центр.

Далее помощь государства полюсу роста может осуществляться разными путями: участие в изыскательских и проектных работах, капиталовложения в инфраструктуру, льготы предпринимателям и др.

⁵ Примером может служить поляризованное развитие во Франции. «Региональные метрополии», создаваемые за периферию страны, задуманы для того, чтобы «разгрузить» Париж. Но, во стечении, сам факт их создания свидетельствует, что Париж как областно-центральный полюс роста достиг края, необходимого для передачи импульса развития конурбации с населением 6,3—1,1 млн. чел., расположенным на расстоянии 210—660 км от него.

⁶ Проблемы отсталых и депрессивных районов вообще занимают ведущее место в региональной политике капиталистических государств, что объясняется, с одной стороны, исключительной острустью (в том числе политической) этих проблем, а с другой — пребыванием во многих странах значительной доли отсталых районов.

Хотя теория полюсов роста возникла применительно к отсталым и депрессивным районам, проблемы районов других типов тоже могут решаться поляризованием. В гипертрофированно развитых районах это строительство городов-спутников, в осваиваемых — создание внешних баз освоения и добывающих комплексов.

Специфика политики поляризованного развития в различных капиталистических странах в большой степени определяется уровнем развития государственно-монополистического капитализма. В тех странах, где государство не вмешивается «активно» в экономику (прежде всего США), населенные пункты, претендующие на помощь, рассматриваются не как потенциальные полюса развития своих регионов, а изолированно: насколько данный конкретный пункт способен к «котчаде».

В странах же с развитым государственным программированием экономики политика поляризованного развития — важный элемент региональной политики. В таких странах обычно разработана иерархия полюсов роста. Полюсы высшего ранга решают задачи национального масштаба: во Франции это развитие периферии страны и «разгрузка» Парижа, в Японии — завершение формирования индустриального пояса и начало развития отсталых районов (причем сам индустриальный пояс выступает как гигантский полюс роста — ось развития), в Италии — развитие Юга. Конкретные формы политики поляризованного развития разнообразны.

СВЯЗЬ МЕЖДУ КОНЦЕПЦИЯМИ ПОЛЮСОВ РОСТА И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

В советской географической и экономической теории и практике многие идеи, принятые затем в концепции поляризованного развития (понимание роли центров в политическом, экономическом и социальном развитии регионов, упор на наиболее перспективные отрасли), сформировались задолго до появления первых работ Перру о полюсах роста. Особо следует отметить теорию и опыт формирования территориально-производственных комплексов (ТПК).

Как известно, понятие территориально-производственных (производственно-территориальных, промышленных) комплексов появилось в советской литературе еще в 20-е годы в работах И. Г. Александрова и Н. Н. Колосовского. В дальнейшем теория ТПК постоянно совершенствовалась. Особенно важную роль в ее развитии сыграли введение Н. Н. Колосовским понятия энергопроизводственных циклов (1947 г.); разработка моделей оптимизации ТПК в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, исследования А. Е. Пробста, Ю. Г. Саушкина, А. Т. Хрущева, Н. И. Шрага и др. Одновременно с разработкой теории накапливался большой практический опыт планирования и формирования ТПК, особенно в промышленно осваиваемых восточных районах СССР. Таким образом, приоритет советской науки и практики в этой области очевиден и не оспаривается даже буржуазными учеными.

Ф. Перру, Т. Хермансен, В. М. Гохман, Л. Н. Карпов, А. Куприянов и другие авторы отмечают, что между концепциями ТПК и полюсов роста есть много общего. Действительно, хотя они и не идентичны, у ТПК и полюсов роста есть сходные черты⁷. В обоих случаях речь идет о комплексном решении задач, которые не могут быть эффективно решены в ведомственных рамках, причем средства, направленные на ре-

⁷ При сравнении мы не рассматриваем, с одной стороны, территориально-производственные комплексы крупных экономических районов, а с другой — полюсы роста из-зах рангов.

шение этих задач концентрируются на ограниченной территории, упор делается на «пропульсивные» отрасли и достигается как экономический, так и социальный эффект.

Конечно, каноническая теория полюсов роста предусматривает стихийную поляризацию. Но в условиях государственно-монополистического регулирования размещение производительных сил является в какой-то мере управляемым процессом. Недаром во многих развитых капиталистических странах существует государственная система организации поляризованного развития, причем ряд зарубежных авторов «следование логике непланированного спонтанного размещения промышленности» при политике поляризованного развития считает основной причиной неудач⁸.

Полюсы роста — не специфически капиталистическое явление. В условиях социализма хозяйственный комплекс, который должен возникнуть в результате поляризации, планируется заранее. При этом одно из предприятий комплекса логически может рассматриваться как первоочередное, пропульсивное, остальные как привязанные к нему (хотя бы по времени они и были созданы одновременно или даже несколько раньше).

Создание ТПК, как правило, ставит своей целью оптимизацию размещения производства, которая в условиях социализма неотделима от повышения уровня благосостояния. Территориально-производственный комплекс неизбежно превращается в комплексный полюс социально-экономического развития. Официальная цель политики полюсов роста — региональное социальное развитие. При этом зарубежный опыт показал, что наиболее эффективная организационная форма поляризованного развития — именно территориально-производственный (промышленный) комплекс и что оно может быть успешным лишь постольку, поскольку капиталистическая экономика допускает ограниченную возможность регулируемого формирования ТПК.

Некоторые стороны поляризованного развития могут представлять интерес для советской теории и практики формирования ТПК. Это прежде всего французский опыт разработки общенациональной многоступенчатой сетки полюсов роста и итальянский опыт организации местных органов, руководящих созданием полюсов роста. Зарубежный опыт поляризованного развития может найти определенное применение и в таких областях советской экономики, как экономическое районирование, региональное прогнозирование.

Отдел региональной экономики и размещения производительных сил Института экономики и организации промышленного производства
СО АН СССР,
Прокурск

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 6, вып. 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

Н. В. БЛИНОВ

ВООРУЖЕННЫЕ ВОССТАНИЯ 1905 г. В СИБИРИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Революционные события 1905—1907 гг. в Сибири, среди которых вооруженные восстания были наиболее ярким явлением, давно привлекли к себе внимание историков. Уже в начальный период советской историографии осмысление мотивов и содержания вооруженных выступлений на восточной окраине развертывалось как составная часть в разработке концепции классовой борьбы пролетариата России. При таком подходе отдавалось предпочтение выяснению общего в событиях и действиях рабочих в центре и на окраине. Да и состояние конкретно-исторической базы проблемы в то время исключало углубленный анализ всей совокупности фактов собственно сибирской истории. Оценочные суждения в этих случаях формировались уже в процессе выявления их фактографической основы, а не столь редко и до обобщения источников данных. Разумеется, избежать тогда существенных издержек в аналитической работе было чрезвычайно трудно.

Вместе с тем в 20-е годы потребности общественной жизни, потребности становления нового, советского общества определили обращение к революционному прошлому, к наиболее ярким страницам истории борьбы пролетариата и его партии. В 20-е — начале 30-х годов по истории вооруженных восстаний в период Первой русской революции было издано монографий и статей больше, чем за последующие 25—30 лет. Восстания в Сибири нашли отражение в изданиях, посвященных обще-российскому пролетариату и собственно сибирскому.

В наиболее общем виде взгляд на борьбу в Сибири в 1905 г. был высказан тогда М. Н. Покровским, В. И. Невским, П. И. Гориным, Е. М. Ярославским, Е. П. Кривошеиной, А. А. Мильштейном, В. Д. Вегманом и другими исследователями¹. М. Н. Покровский считал, что «только контактом рабочей и солдатской массы объясняется яркая вспышка движения в Сибири, точнее, вдоль Сибирской железной дороги. Уже с октября дорога была в руках выборных железнодорожных комитетов, главной задачей которых была организация отправки демобилизованных запасных маньчжурской армии на родину... Опереться на них местному движению было трудно, но и это местное движение само представлено было приенным железнодорожным элементом; к ко-

¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923, ч. 3, вып. I; В. И. Невский. Очерки по истории РКП(б). М., 1924, т. I; О же. Советы и вооруженные восстания в 1905 году. М., 1932; Е. М. Ярославский. Декабристское восстание 1905 г.— В кн.: История революционного движения в отдельных очерках: М., 1925, т. III; П. И. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов. М., 1925; В. Д. Вегман, В. М. Ямин. Пятый год на Сибирской магистрали.— В кн.: 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925; Е. П. Кривошеина. Советы рабочих депутатов в революции 1905 года. Л., 1926; А. А. Мильштейн. Пролетариат в революционном движении в Сибири.— В кн.: Пролетариат в революции 1905—1907 гг. М.—Л., 1930.

⁸ R. Petrella. Some notes on growth poles.— "Growth Poles and Regional Policies". The Hague — Paris, 1972, p. 201.

торому сибирский мещанин и крестьянин относились враждебно». В Сибири «в 1905 г. революционной массы еще не было», поэтому восстания были очень легко подавлены: два поезда карателей «в две недели» водворили порядок по всей линии². Не имея ни корней, ни поддержки в массе местного населения, эти рабочие смогли проявить себя лишь при поддержке солдат местных гарнизонов. Но конкретно-историческая аргументация выдвинутых положений у всех названных авторов явно уступала логической конструкции, она нуждалась в дальнейшей разработке.

С середины 20-х годов стала складываться и другая точка зрения на вооруженную борьбу в Сибири. В обобщенном виде взгляды этой группы исследователей наиболее полно выразил В. И. Невский. «В Сибири,— писал он,— еще начиная с октября, победивший народ взял власть в свои руки, причем в таких городах, как Красноярск и Чита, формы Советской власти достигли высшего развития. Советы приступили к установлению новых форм хозяйственной жизни и к управлению городами и краем на новых началах»³. А несколько раньше А. А. Мильштейн в категорической форме выступил против утверждения М. Н. Покровского об отсутствии революционной массы в Сибири. «Была ли в 1905 г. революционная масса в Сибири? — спрашивает он.— Отрицательный ответ... не дает нам возможности понять те крупные бои, которые происходили в важнейших городах Сибири в течение октября и затем в декабре 1905 г. В Сибири, несомненно, имелось массовое движение...»⁴. Таким образом, утверждение о привнесенности и беспочвенности вооруженной борьбы в Сибири в 1905 г. было не только поставлено под сомнение, но и отвергнуто частью историков.

Однако и А. А. Мильштейн, и В. И. Невский, как и разделявшие в основном их позицию Б. Кругляков и Н. Ростов в обоснование ее приводили далеко не бесспорные факты. Мильштейн полагал, что уже в августе в Сибири развертывались «повсюду стачки», носившие политический характер, что руководил ими большевистский Союз РСДРП, а к октябрю вся масса городского и железнодорожного пролетариата Сибири была готова к открытой политической борьбе⁵. Фактическая история борьбы не могла тогда еще служить достаточным фундаментом для принципиально важных оценок. Не случайно и Мильштейн в поисках обоснования столь важного тезиса, как массовость движения, вынужден был обратиться больше к логике событий, чем к их историческому содержанию.

Немало научно-популярных работ, воспоминаний, документальных публикаций, где вооруженные восстания были центральным сюжетом, появилось и в Сибири в начальный период советской историографии. Среди них основательное исследование А. А. Ансона «1905 год в Красноярске»⁶, книга Я. Новогречнова под тем же названием⁷, статья В. Чаплинского «Революционное прошлое Забайкалья»⁸ с описанием восстания в Чите и другие, в которых авторы заметно расширили и углубили фактические знания по проблеме, обращая внимание преимущественно на развитие событий и их исход. Существенную помощь историкам оказали воспоминания Н. Бааранского, М. Ветошкина, А. Мельникова, Г. Мучника, И. Холщевникова, Ф. Березовского и других свидетелей прошлого. Благодаря этому накапливались знания, вырисовывалась картина борьбы в 1905—1906 гг. в разных местах Сибири, осо-

бенно в губернских городах и на крупных станциях железной дороги. Локальные рамки указанных сочинений обычно исключали для авторов постановку концепционных вопросов, но собранная ими информация, круг выявленных источников уже тогда давали немало материалов для уточнения отмеченных выше суждений.

А. А. Ансон, В. В. Максаков, А. Мельников и Н. Бааранский выявили характер связи октябрьской стачки с восстанием, начало которого все они отодвигали к концу ноября — началу декабря, показали проявление либерализма у руководителей солдат в Красноярске и Чите в период выступления, а вопрос о власти народа в некоторых сибирских городах и на всей Транссибирской магистрали рассматривали иначе, чем М. Н. Покровский и В. И. Невский, или сопровождали этот факт значительными оговорками⁹. Исследователи и мемуаристы показывали примиренческую по отношению к меньшевизму идеологию в комитетах РСДРП Сибири.

Однако накопление фактов далеко не всегда вело к совершенствованию имеющихся обобщений. Прежние выводы сохранялись еще и потому, что импонировали части местных историков и краеведов признаком за Сибирью особых заслуг в революции 1905—1907 гг. К началу 30-х годов в историографии определенно утвердились взгляды, высказанные Невским, Мильштейном, Кругляковым и др.

В 30—50-е годы вопросы истории вооруженных восстаний в Сибири получили освещение в трудах М. К. Ветошкина, И. Г. Зобачева, В. И. Дулова и Ф. А. Кудрявцева, Д. Б. Груша, С. А. Уродкова и других исследователей¹⁰. В центре внимания историков по-прежнему были действия восставших, перечень событий. Но теперь они рассматривались преимущественно в связи с деятельностью местных большевиков или организаций РСДРП, поэтому понадобились дополнительные данные о составе этих организаций, тактике восставших и факторах, влиявших на нее. Такой подход стимулировал изучение истории партийных организаций периода революции, что, безусловно, было важно. Но в нем была и некоторая опасность увлечения одной стороной проблемы.

Еще в 20-е годы часть историков Сибири рассматривала первую русскую революцию как пролетарскую не только по основным средствам борьбы, но и по составу участников. Эта тенденция заметно усилилась в 30—40-е годы. Представители мелкобуржуазной революционной демократии показывались в вооруженных восстаниях в Сибири или

⁹ Так Максаков ссылался на «Извещение II съезда Сибирского союза РСДРП», где говорилось: «Некоторые из наших организаций, например, Читинский и Красноярский комитеты, доходили в своем развитии до частичного захвата власти» (Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.— Сб. документов, М.—Л., 1932, с. 40). Он же вслед за Ансоном и Бааранским обращал внимание на то, что смешанные комитеты в ноябре—декабре 1905 г. в некоторых районах Сибири не захватывали власть, а брали в свои руки эвакуацию солдат по железной дороге. Максаков не считал, что железная дорога была в руках рабочих. Отмечая, что на некоторых станциях Забайкальской дороги всеми делами распоряжались смешанные комитеты, он ссылался на резолюцию съезда делегатов этих комитетов, состоявшегося в Чите в декабре 1905 г. В ней говорилось: «В настоящее время у нас нет достаточной силы и средств привести это (взять управление дорогой.— Н. Б.) в исполнение» (История пролетариата СССР. М., 1931, сб. 6, с. 212). Вопрос же о взятии в руки рабочих Сибирской железной дороги, по воспоминаниям Бааранского, Березовского, Мельникова, не был даже поставлен на аналогичном съезде в Томске.

¹⁰ М. К. Ветошкин. Сибирские большевики в период первой русской революции. М., 1939; Он же. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1953; Он же. Вооруженные восстания в Сибири в 1905 г.— «Сибирские огни», 1940, № 4—5; Он же. Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг. Чита, 1949; И. Г. Зобачев. 1905 год в Сибири. Новосибирск, 1940; В. И. Дулов и Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск, 1955; Д. Б. Груш. Большеевики Красноярска в годы первой русской революции. Красноярск, 1955; С. А. Уродков. Читинское вооруженное восстание 1905 г.— Вестник Ленингр. ун-та, 1956, № 8; и др.

² М. Н. Покровский. Указ. соч., с. 463, 467.

³ В. И. Невский. Советы и вооруженные восстания в 1905 году, с. 243.

⁴ А. Мильштейн. Указ. соч., с. 324.

⁵ Там же, с. 324, 341—342.

⁶ «Сибирские огни», 1923, № 4, 5—6; 1924, № 1.

⁷ Я. Новогречнов. 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1925.

⁸ В кн.: Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток, 1925.

только пособниками буржуазного либерализма, или основными виновниками слабых сторон пролетарского движения. В результате круг участников вооруженной борьбы суживался против действительного, в выборных руководящих органах (стачкомы, смешанные комитеты, Советы рабочих депутатов и др.) отмечались, как правило, лишь большевики и рабочие. А коль скоро неудачи и слабые места в движении счаще всего объяснялись действиями меньшевиков и эсеров, то тем самым их влияние на рабочее движение, вообще на восставшую массу, преувеличивалось во много раз.

В 30—50-е годы больше других историей революции 1905—1907 гг. в Сибири занимался М. К. Ветошкин. Изданные им монографии или полностью посвящались вооруженной борьбе в Сибири или содержали большие разделы о ней. Взгляды М. К. Ветошкина оказали большое влияние на дальнейшую разработку проблемы. В аналитических суждениях и выводах автор разделял основные мысли В. И. Невского и А. А. Мильштейна. Но по сравнению с ними он располагал гораздо большими знаниями местной истории (причем в масштабе всей Сибири) и уже имевшимся опытом советской историографии. То и другое позволило М. К. Ветошкину сделать большой шаг вперед в исследовании истории восстаний в Чите и Красноярске, действий организаций РСДРП в период открытой вооруженной борьбы. Он дал широкий исторический фон, на котором развертывались эти события. «Сибирь была в 1905 г. — писал Ветошкин, — одним из важных очагов революционного движения. Оно ознаменовалось здесь вооруженным восстанием, частичным захватом власти в отдельных районах и создало... угрозу вовлечения в восстание армии...»¹¹ Такова была общая оценка событий.

М. К. Ветошкин исходил из того, что инициаторы Октябрьской стачки в Сибири — железнодорожники — не могли тогда бросить работу из-за эвакуации Маньчжурской армии, остановка которой могла привести к столкновению солдат с рабочими. «Создалось странное на первый взгляд положение, — писал он, — рабочие «бастовали» на сибирских железных дорогах для того, чтобы усилить работу этих дорог! Очевидно, такая «забастовка» означала не что иное, как захват стачечниками в свои руки эксплуатации дороги. Уже в октябре 1905 г. сибирские стачечные комитеты стали фактическими хозяевами на железных дорогах». Следующая за октябрем «ноябрьская и декабрьская забастовочная волна уже переросла в вооруженное восстание»¹². Органами власти в период восстания в Забайкалье и Чите стали смешанные комитеты по перевозке войск, а в Красноярске — Совет рабочих и солдатских депутатов.¹³

Рассматривая деятельность созданных революционных органов и рабочей массы, М. К. Ветошкин показал их организаторскую, политическую, военную работу, парализацию учреждений царской администрации, а также некоторые слабые стороны движения. Он справедливо отмечал, что в борьбе за армию правительство и в Сибири опередило рабочих, что восставшим не хватало ни наступательности, ни решительности, ни организованности¹⁴. Немалую долю вины за неудачи восстания автор относил в адрес мелкобуржуазных революционеров, которые «пробрались» в Красноярский Совет, а в решительный момент неизбежно должны были стать «контрреволюционерами»¹⁵.

Подробнее, чем его предшественники, излагал М. К. Ветошкин и историю солдатских вооруженных выступлений. Правда, они его

¹¹ М. К. Ветошкин. Очерки по истории большевистских организаций..., с. 3.

¹² Там же, с. 201.

¹³ Там же, с. 207—216.

¹⁴ Там же, с. 300—301.

¹⁵ Там же, с. 211, 297.

интересовали не как проявления борьбы мелкобуржуазной массы населения, а преимущественно как результат революционной агитации большевиков¹⁶. Поэтому к оценке их поведения он подходил с критериями пролетарской революционности. Большевистское руководство историк считал основным условием перерастания стачки в восстание в Сибири. В связи с этим все комитеты РСДРП, кроме Красноярского и Читинского, оценивались как меньшевистские или как находившиеся долгое время под влиянием меньшевизма. За немногим исключением состав участников восстаний и их руководящих органов автор не рассматривал¹⁷. Таким образом, с одной стороны, М. К. Ветошкин фактически укреплял позицию В. И. Невского, А. А. Мильштейна и других своих предшественников, а с другой, не располагая достаточной источниковской базой по некоторым вопросам истории восстания, но высказываясь по ним категорически, он способствовал утверждению в литературе ряда ошибочных фактов и суждений.

В связи с 50-летием революции 1905—1907 гг. интерес к ее истории нашел отражение в большом количестве документальных и исследовательских публикаций¹⁸. Среди них работы Н. Н. Яковлева¹⁹, представляющие собой следующий шаг в изучении проблемы, предпринятый с гораздо более широким привлечением исторических источников и с более совершенной методикой их интерпретации, чем это было в других работах 50-х годов, посвященных той же теме. Н. Н. Яковлев в целом принял почти все основные положения М. К. Ветошкина относительно начального этапа восстания в Сибири, оценил его диалектики, действий руководителей. Но факты, на которые он при этом опирался, ставили его в сложные, часто противоречивые отношения с утверждениями своего предшественника.

Н. Н. Яковлев признавал, что именно необычность условий Октябрьской стачки в Сибири (эвакуация солдат из Маньчжурии) поставила перед ее инициаторами вопрос о «полном захвате дороги в руки рабочих», что и явилось началом «самочинных» действий рабочих организаций в Сибири²⁰. Но он писал и о том, что приказ об эвакуации армии из Маньчжурии был отдан лишь в начале ноября, что смешанные комитеты по перевозке войск, которые у Ветошкина и были органами захвата Сибирской дороги, стали возникать с 26 ноября, и именно они «сразу начали захватывать управление движением», что следующим толчком к восстанию был съезд 11 декабря в Чите делегатов от называемых комитетов Забайкальской дороги (на Сибирской о таких комитетах Яковлев не упоминал)²¹. Факты, таким образом, лишили Октябрьскую стачку в Сибири той особенности, которая за ней закрепи-

¹⁶ М. К. Ветошкин. Сибирские большевики в период первой русской революции, с. 188—189.

¹⁷ Не прослеживая, например, состав комитетов РСДРП в Сибири накануне и в период восстания, Ветошкин их позицию нередко объяснял периодической работой в них революционеров, ставших позже видными деятелями партии, но тогда лишь начинавших свою партийную биографию (В. В. Куйбышев, С. М. Киров и др.). Одновременно обвинение меньшевиков в срыве восстания в Томске, Иркутске и других местах Сибири — объективно явное преувеличение их силы в сибирских организациях.

¹⁸ В 1955—1958 гг. в Сибири вышло 8 сборников документов и материалов, свыше 10 монографий, 4 сборника научных статей, воспоминания и т. д.

¹⁹ Н. Н. Яковлев. Красноярское вооруженное восстание 1905 г.— Исторические записки. М., 1952, т. 40; Он же. Вооруженное восстание в декабре 1905 года. М., 1957; Он же. Вооруженные восстания в Чите и Владивостоке. 1905—1906.— Тр. МГИАИ, 1958, т. XI, Он же. Вооруженное восстание 1905 года на местах в советской исторической литературе.— Тр. МГИАИ, 1965, т. 22; и др.

²⁰ Н. Н. Яковлев. Вооруженное восстание в Чите и Владивостоке, с. 93.

²¹ Там же, с. 102, 106—107, 115.

лась в литературе, и отодвигали начало восстания к концу ноября — началу декабря 1905 г.²²

Далее Н. Н. Яковлев приводил факты сохранения на сибирских железных дорогах старого управленческого аппарата и в декабре, со-хранения на своих местах царской администрации в Красноярске и Чите, не говоря о других местах Сибири²³. Получалось, с одной стороны, что революционная инициатива трудящихся лишила всех чиновников и управленцев фактической власти, эта власть перешла к выборным органам рабочих. Но с другой — материально-технические функции на дорогах в большинстве случаев оставались в руках прежних служащих, в Красноярске и Чите — в руках губернаторов, а жандармско-полицейская служба сохраняла некоторые условия своей прежней деятельности.

Прямого ответа, почему «Читинский комитет РСДРП не считал, очевидно, необходимым в данных условиях полный захват власти», Н. Н. Яковлев не дал²⁴. Но такой ответ можно найти в его суждениях о тактике восставших и о действиях руководителей рабочих и солдат: Читинский комитет РСДРП не овладел гарнизоном и, по его мнению, должен был считаться с позицией солдат, которые (хотя и перешли на сторону рабочих) «сражаться с оружием в руках не хотели», смотрели на ситуацию глазами своих руководителей²⁵. Поэтому, отмечает автор, при двухтысячной вооруженной дружине рабочих в Чите, при власти Совета солдатских и казачьих депутатов и смешанного комитета приехавший 19 января лишь в сопровождении охраны новый губернатор, не встретив сопротивления, разоружил наиболее революционно настроенные части гарнизона, арестовал руководителей, а остальных привел к повиновению²⁶.

В Красноярском восстании, по словам Яковлева, комитет РСДРП, «боясь, очевидно, раскола объединенных революционных сил», после первых решительных шагов занялся (под давлением руководителей солдатского Совета) «эсеро-меньшевистской затеей» — выборами городской думы²⁷. На революционные же методы борьбы руководители солдат пошли лишь в момент подавления восстания.

В итоге вольно или невольно у Яковлева складывалась существенно иная, чем у Ветошкина, картина борьбы в Сибири в конце 1905 — начале 1906 гг.: фактически ставился под сомнение захват рабочими железной дороги; отодвигалось значительно начало восстания; комитеты РСДРП и Советы не представлялись полновластными хозяевами положения в период восстаний; колебания, постоянное стремление руководителей солдат оставаться на почве законности действий Яковлев считал одной из главных слабостей движения. Относительно наблюде-

²² Количество этих фактов Яковлев мог бы и увеличить. Есть телеграмма начальника Сибирской железной дороги от 16 октября о том, что движение на дороге остановлено полностью (ЦГАОР, ф. ДПОО, 1905, д. 4ч, 33, л. 18); донесение начальника Читинского отделения жандармско-политического Управления Забайкальской дороги о прекращении движения на дороге с 15—16 октября (там же, ф. 110, оп. 1, д. 438, л. 51); записка начальника управления военных сообщений Маньчжурской армии, откуда следует, что эвакуация запасных началась по приказу от 10 ноября 1905 г. (ЦГВИА, ф. 2200, оп. 1, д. 6622, л. 384). Непосредственной причиной появления смешанных комитетов явилась начавшаяся 26 ноября стачка солидарности читинских рабочих против смертного приговора руководителям восстания в крепости Кушка (Революционное движение в Забайкалье в 1905—1907 гг. Сб. документов. Чита, 1955, с. 191—193).

²³ Н. Н. Яковлев. Вооруженное восстание в декабре 1905 г., с. 470, 501.

²⁴ Там же, с. 501.

²⁵ Там же, с. 479, 521, 522. Смысл этой (либеральной в своей сущности) позиции сводился к следующему: армия не может быть орудием правительства для подавления воли народа, но она не может служить и интересам политических партий в их борьбе друг с другом.

²⁶ Н. Н. Яковлев. Вооруженное восстание в декабре 1905 г., с. 522.

²⁷ Там же, с. 470, 473, 475.

ний и выводов других историков, занимавшихся в 50-е годы вопросами восстания в Сибири и более последовательно придерживавшихся взгляда М. К. Ветошкина, эти утверждения несомненно стояли особняком. Но в основном они перекликались с теми выводами, которые были сделаны в научных работах и воспоминаниях А. А. Ансона, В. В. Максакова, Н. Н. Барабанского, А. А. Мельникова, Ф. Березовского и других авторов 20-х годов.

С конца 50-х годов специальных исследований истории вооруженных восстаний в Сибири в 1905 г. не предпринималось. Из современной литературы наиболее развернутую характеристику этим событиям дали авторы 3-го тома «Истории Сибири». Некоторые вопросы темы получили освещение в «Очерках» историй областных партийных организаций, в книгах И. Т. Белимова и А. А. Мухина, статьях Г. А. Терюшкова, А. Т. Коняева, Н. И. Брюханова и др.²⁸

Большинство исследователей продолжало поиск новых исторических фактов и средств их более объективного освещения. Так, Терюшков, Брюханов, Коняев убедительно показали, что движение на сибирских дорогах было остановлено в октябре 1905 г. Стачкомы, возникшие, по мнению авторов 3-го тома «Истории Сибири», лишь позже, «с ростом революции превращались в органы общереволюционной борьбы». Они отказались от ранее распространенной практики отождествлять стачкомы с Советами рабочих депутатов²⁹, тем самым подразделив этапы борьбы, на которых появились те и другие.

Более обоснованию звучало и следующее утверждение группы историков: «Подготовительной ступенью к Советам рабочих депутатов можно считать смешанные стачечные комитеты, выполнявшие некоторые функции революционной власти. В Сибири первые Советы возникли в ноябре — декабре 1905 г.»³⁰ К этому времени авторы относили и начало восстания здесь, подчеркивая в нем осуществление тактики блока левых сил (о чем ранее не упоминалось), а одновременно и непоследовательность, явный либерализм в этом блоке руководителей солдатских масс³¹. Иное освещение получил и вопрос о взятии рабочими в свои руки Транссибирской магистрали³². В целом авторы «Истории Сибири» проявили гораздо большую, чем это было принято в научно-популярной литературе 30—50-х годов,держанность в оценке степени зрелости условий для открытой классовой борьбы в Сибири, в оценке размаха этого борьбы в декабре 1905 г.

Позицию современной историографии вооруженного восстания в 1905 г. в Сибири характеризовать нелегко. По таким вопросам, как роль Октябрьской стачки в развитии восстания, размеры и характер власти рабочих на Транссибирской магистрали, влияние руководителей солдатских Советов на ход восстания, отношение восставших к революционному самоуправлению, взгляды историков не всегда совпадают.

²⁸ Г. А. Терюшков. Железнодорожные комитеты в Сибири — зачаточные органы новой революционной власти. — Уч. зап. Иркутского пед. ин-та. Иркутск, 1958, вып. XVI; Н. И. Брюханов, А. Т. Коняев. Всеобщая политическая стачка в Сибири и вовлечение солдатских масс в революционное движение. — В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970, вып. V; И. Т. Белимов. Железнодорожный пролетариат Сибири в революции 1905—1907 гг. Новосибирск, 1967; А. А. Мухин. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972; Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Иркутск, 1966, т. I; Очерки истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1967, т. I; Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск — Чита, 1975; История Сибири. Л., 1968, т. 3.

²⁹ История Сибири, т. 3, с. 267, 269.

³⁰ Там же, с. 276. Однако позиция авторов этого раздела «Истории Сибири» очень противоречива. Если на с. 276 проводится четко грань между смешанными комитетами и Советами рабочих депутатов, то на с. 285 столь же твердо отстаивается противоположное.

³¹ Там же, с. 267, 280.

³² «Фактически комитеты рабочих и служащих стали, хотя и на короткое время, хозяевами Великого сибирского пути...» (там же, с. 274).

Отрицание одних положений и сомнение в других не привели еще к обще принятым, более аргументированным решениям по этим и другим вопросам³³. Но уже сейчас степень и методы обоснований необходимо учитывать при изложении концепции вооруженного восстания в Сибири.

В конечном итоге историография вооруженного восстания в 1905 г. в Сибири наиболее полно раскрывает период Октябрьской политической стачки, но недостаточно показывает ее влияние на последующие события. В литературе довольно подробно освещены события конца ноября — начала декабря в гарнизонах и рабочей массе Красноярска, Иркутска и Читы, но о различии в политической платформе рабочих и солдат упоминается мало. Говорится лишь об эсеро-меньшевистской или эсеро-кадетской позиции руководителей Совета солдатских депутатов в Красноярске и руководителей солдатской стачки в Иркутске.

Выдвинутый историками тезис о том, что большевики были наиболее решительной и руководящей силой в восстании, в основном получил обоснование; довольно полно раскрыты действия комитетов РСДРП Читы и Красноярска. Однако неясно, почему руководящие органы восстания (в том числе комитеты РСДРП) оставили на местах царскую администрацию, занялись выборами городских самоуправлений (на место Советов), почему большевики Красноярска и Читы никак не выразили своего отношения к этой эсеро-меньшевистской практике.

В современной литературе отмечается, что во время восстаний в Сибири наиболее ярко проявил себя блок левых сил (единственный в России объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов был в Красноярске). Но исследователи до сих пор не затронули вопрос, как строились и развивались в процессе восстания взаимоотношения внутри этого блока, как изменялись состав участников, функции и сущность руководящих органов. Не изучалась специально тактика восставших.

Такой перечень (неполный, конечно) обнаруживает, как много сделано по конкретно-историческому изучению проблемы в советской историографии, начиная от М. Н. Покровского, В. И. Невского и кончая авторами «Истории Сибири», «Очерков» истории областных партийных организаций. Этот перечень показывает и настоятельную необходимость продолжения аналитической работы по широкому кругу вопросов, необходимость преодоления субъективных оценок в одних случаях и дополнительных обоснований сложившихся взглядов — в других. Разумеется, на базе дальнейшего обогащения фактами конкретной истории борьбы.

В. И. Ленин, анализируя опыт борьбы пролетариата в 1905 г., пришел к выводу, что «пролетариат может развить энергию борьбы во столько раз большую, чем в обычное спокойное время»³⁴. Силу этой энергии, направленность ее В. И. Ленин прямо обусловливал классовой созиательностью пролетариата³⁵. Выступления немногочисленных сибирских рабочих в 1905 г. были частью того исторического опыта, на котором В. И. Ленин строил свой выводы. Но условия рабочего движения в Сибири существенно отличались от общероссийских, и проанализировать этот опыт с учетом взаимодействия тех и других — еще одна задача историков вооруженного восстания в Сибири.

Томский государственный университет

³³ Более того, даже общее представление о ситуации в Сибири в конце 1905 г. у разных авторов неодинаковое. Например, во втором томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» говорится: «Наибольшего размаха, декабрьские события достигли в Сибири, где крупную роль сыграли рабочие-железнодорожники и солдаты, возвращающиеся на родину из Маньчжурии» (с. 159). Далее приводятся факты восстаний в Красноярске, Иркутске, Чите, Маньчжурской армии. Авторы «Истории Сибири» не упоминают о восстании в Иркутске и Маньчжурской армии и гораздо сдержаннее оценивают общее развитие событий, особенно роль солдат Маньчжурской армии («История Сибири», т. 3, с. 297 и др.).

³⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, с. 312.

³⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, с. 268.

Л. Т. АНДРЕЕВА

СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
В ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ СИБИРИ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1905—1907 гг., «генеральная репетиция», по определению В. И. Ленина, победоносной пролетарской революции 1917 года, потрясла до основания помещичье-буржуазную монархию. Несмотря на ее поражение, «в самодержавном строе была пробита новая брешь»¹.

Революционные события охватили всю страну, до самых дальних ее окраин. Бурный характер принял они и в Сибири, где в предшествующие годы значительно возросла численность пролетариата и под влиянием социал-демократических организаций, под воздействием большевистской пропаганды шел процесс его революционирования. Массовые выступления в ходе революции в Красноярске, Чите, других городах и на крупных железнодорожных станциях, создание Советов и боевых дружин показали зрелость рабочих Сибири. В движение включилось и сибирское крестьянство, революция вызвала резкий подъем крестьянских выступлений.

С 1905 г. новые формы принимает общественное движение. С кратковременным падением цензурных оков, когда печать вышла из «плена крепостной цензуры»², появляются много новых газет и журналов. Лишь немногие из этих легальных журналов выражали пролетарскую идеологию, в большинстве своем они стояли на демократических позициях. Выходили они по всей России, и общее их число превышало, по самым осторожным подсчетам, 250 названий. В этот поток влилась и сатирическая журналистика Сибири. Журналы появились во всех крупных сибирских городах: в Томске — «Бич», «Рабочий юморист», «Красный смех», «Негативы», «Осы», «Ерш», «Бубенцы»; в Омске — «Сибирская язва»; в Иркутске — «Жало», «Паут», «Овод», «Балагур»; в Красноярске — «Фонарь»; во Владивостоке — «Брызги», «Владивостокский бес», а позднее в Чите, Якутске, Благовещенске³.

С общедемократических позиций журналы выступали против прогнившего самодержавного строя и его местных сатрапов. Классовый анализ позиций рассматриваемых органов сатирической печати дан Б. Жеребцовым в работе «Старая сибирская сатирическая поэзия». Сама по себе попытка определить политическое лицо каждого журнала заслуживает одобрения. Однако стремление прямолинейно соотнести сатирические журналы, часто аморфные по своему облику, с программами политических партий вряд ли правомерно⁴.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 109.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, с. 102.

³ Общая характеристика сибирской журналистики рассматриваемого периода дана Б. Жеребцовым (Старая сибирская сатирическая поэзия. Новосибирск, 1938) и В. П. Трушкиным (Пути и судьбы. Иркутск, 1972).

⁴ Об этом см. вводную статью А. А. Нинова к сборнику: «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)». Л., 1969, с. 24—25.

Из всех сатирических изданий Сибири более четкой политической линией выделялся томский журнал «Рабочий юморист», в котором чувствовалось влияние социал-демократов, марксистов. Об этом можно судить хотя бы по поэме «Отчего беспокоился его степенство купец Надулин», справедливо названной Б. Жеребцовым «характерным образом рабочей революционной сатиры 1905 г.»⁵. В этом произведении была выражена идея ведущей роли рабочего класса в революции:

Нужно всем в одно сплотиться.
В каждом видеть друга, брата.
Взять орудья производства
В руки пролетариата!⁶

Поэма отражает периоды подъема и спада революции. В первой ее части мы застаем купца Надулина в самом мрачном настроении: рушатся коренные устои жизни. Рабочего уже не страшат ужасы преисподней, перестала привлекать «выпиволка», он не терпит издевательств и мордбоя.

Бедь теперь рабочий каждый
Держится с особой мишой.
Чуть задень его по морде,
Возразит: «бить гражданина?!

Не таковский — не позволь!»
Платит тою же монетой...
Ляпнет в харю кулачищем,
И не взведешь даже света?...

Как тут не затосковать купчине? Но в конце поэмы революция подавлена, все становится на прежнее место: «крикунов поразослали, и к тому же есть казаки, чтоб опять не бунтовали». Однако несмотря на такой финал, в поэме звучат революционные мотивы: «и из груди у рабочих вырывается крик страстный. Крик сознанья мощной силы воинов труда святого!»

Сатирическая поэзия не могла не коснуться одного из центральных вопросов революции 1905—1907 гг.— аграрного. «Рабочий юморист» констатировал, что мужик поднялся на борьбу: «Был крестьянин тих и кроток. Вдруг он рубит барский лес и в расправе стал короток»⁸. И в других журналах появлялись произведения, посвященные тяжелой доле крестьянина, его выступлениям и обрушившимся на деревню репрессиям.

И вот на лихую расправу
В голодный, «бунтующий» край
Спешит усмиритель суровый,
Веревку с собой захватив⁹...

Отношение властей к крестьянскому движению выражено афоризмом: «гуляли редко в рощах мужики, зато по мужикам гуляли часто роши»¹⁰.

После разгрома Декабрьского восстания и разгона I Государственной думы острье сатиры обращается против репрессий, которыми царизм пытался задушить народное движение. Поэты пишут о поруганной свободе, романтизируя ее черты. Вместо провозглашенных «четырех сво-

⁵ Б. Жеребцов. Указ. соч., с. 107.

⁶ «Рабочий юморист», 1906, № 2, с. 2.

⁷ Там же, № 1, с. 6.

⁸ Там же, № 2, с. 2.

⁹ «Красный смех», 1906, № 1, с. 6.

¹⁰ «Фонарь», 1906, № 1, с. 7.

бод» — кругом аресты, погромы, кровавые расправы, насилия. На страну опустился глубокий мрак.

От «политической погоды»
Жить очень скверно, как во тьме.
Увы, не только нет свободы —
Свободных нету мест в тюрьме¹¹.

В стихах сибирских сатириков обычны традиционные для вольной русской поэзии образы-символы, олицетворявшие в XIX в. деспотизм власти, — образы кнута, трехвостой плетки, розог. К ним добавляются новые — казачья нагайка, пулуметы.

Пулумет, надежда наша,
Он крамолу разобьет!
Говорили патриоты
С твердой верой в пулумет¹².

Сатирики клеймят не только расправы, но и попустительство благодушествующих либералов.

Полны все тюремы. Казаки
Гостят в деревнях безотлучно,
Волят под розгой мужики.
«Все обстоит благополучно».
Что день, казнят бунтовщиков,
О ссылках слушать стало скучно.
Все трупы, кровь да звон оков.
«Все обстоит благополучно»¹³.

Эти строки принадлежат перу известного сибирского сатирика П. А. Казанского, печатавшегося во многих журналах под псевдонимом Премудрая крыса Онуфрий. Еще в 60-е годы XIX в. «Будильник», иронизируя над восторгами либералов по поводу реформы, приписывал им лозунг «Все обстоит благополучно»¹⁴. Эта деталь еще раз свидетельствует о преемственной связи сатирической поэзии периода первой русской революции с политической сатирой 60-х годов XIX в.

Выступления сатирической печати вызывали у властей негодование. Появление стихов или рассказов «особо предосудительного содержания» служило поводом для запрещения изданий¹⁵. Многие сибирские сатирические журналы заканчивали свой век, не успев прожить и нескольких недель¹⁶. Чинились препятствия и к распространению петербургских и московских сатирических журналов¹⁷. Поэтому тема попранья свободы печати так волнует сибирских сатириков. Общий характер эпохи исследований и террора отражен в перепеве известного стихотворения А. Фета, подписанном инициалами М. Г. (размер и форма этого стихотворения широко использовались и в общерусских, и в местных сатирических изданиях).

Топот, выстрелы... стенанья...
Черная орда.
По застенкам истязанья,
Казни без суда...

¹¹ «Овод», 1906, № 4, с. 7.

¹² Здравствуй, славный пулумет.— «Осы», 1906, № 22, с. 5; см. также «Паут», 1906, № 2, с. 4.

¹³ «Ерш», 1906, № 7, с. 4.

¹⁴ См. И. Г. Ямпольский. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973, с. 112.

¹⁵ Мотивировка запрещения была стандартной: «приостановить издание... ввиду вредного направления». ЦГИА, ф. 776, оп. 21, ч. 11, 1906, д. 413, л. 3; д. 403, л. 2.

¹⁶ См. В. П. Трушкин. Указ. соч., с. 35—37.

¹⁷ Командующий округом генерал Сухотин в телеграмме от 19 января 1906 г. просил генерал-губернатора «принять все меры к недопуску в край, объявленный на военном положении, никаких юмористических изданий Петербурга и Москвы». ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 107, л. 36.

Мрак глухой... убитых тени...
Хохот палачей...
Ряд измен и преступлений
И шинеевые змей.
В небе зарево пожара...
Кровь и смерть кругом...
Хмель кровавого угары...
И погром, погром¹⁶.

Мишенью для сатиры стала Государственная дума. Словоблудие с думской трибуны, игра в народное представительство, заявления и запросы, которыми кадетские лидеры маскировали свое бессилие и пресмыкатели перед царизмом, — все это не могло ввести в заблуждение демократическую общественность, которая видела, что вместо долгожданных и торжественно декларированных свобод народ получил побромы и расстрелы. В остром стихотворении «Модное словечко» журнал «Осы» осмеивает демагогию кадетов, сопровождая сообщения о беззакониях рефреном: «а кадеты отзываются: внесена интерpellация»¹⁹. Запиграванию кадетов с левыми при проведении правой политики журналь посвятил сатирическое стихотворение «На качелях», включенное как и предыдущее, в сборник лучших произведений русской политической сатиры 1905—1907 гг.²⁰ На разгон Думы «Осы» отклинулись на стихотворением «Перевод с Некрасова», в котором крестьянам на просьбы о лесе, земле и луге следует трафаретный ответ: «Вот сберегли Дума, Дума вас рассудит». Но рассуждения и дебаты ничего не дали деревне.

Думу разогнали
Манифестом в шею,
И мужик увидел в ней одну затею²¹.

Лаконичную характеристику Думе дал журнал «Рабочий юморист»: «Дума наша, буду краток: бюрократический придаток»²².

Язвительной атаке сатириков подвергались столпы монархического режима. Правда, в отличие от центральных юмористических журналов, в сибирских не встречаются произведения, направленные непосредственно против царя и содержащие намеки на августейшую особу или членов царствующего дома. По-видимому, это связано с повышенной бдительностью цензуры на периферии, где она действовала с большей бесцеремонностью. Впрочем, и в центре появление стихов, высмеивающих самого императора, обычно эзоповским языком (стихотворения К. И. Чуковского, Н. И. Фалеева, С. А. Басова-Верхоянцева, О. Н. Чюминой), влекло за собой немедленное запрещение журнала.

Но ближайшие сподвижники Николая II, его министры, генералы и царедворцы, беспощадно осмеиваемые всей прогрессивной сатирической печатью, находились под огнем и сибирской сатиры. Портреты ведущих деятелей самодержавного строя давали полное представление о их политическом и моральном банкротстве. Более всего доставалось главе правительства Витте — «графу Полусахалинскому», как его иронически называли журналы, или «министру-клоуну», как отзывался о нем В. И. Ленин²³. Весьма популярным было изображение Витте в образе лисы²⁴. Сибирские сатирические журналы то рисовали его в гротескно-карикатурном обличье, то клеймили в строках, полных гнева и презрения. Его демагогия осмеивается в «драматической» сценке

«Перед сфинксом». В пустыне появляются три путника. Один из них, граф, произносит монолог, написанный как перепев известного монолога Бориса Годунова. Форма избрана не случайно: комический эффект достигается сопоставлением трагедийной фигуры Бориса с жалким политическим банкротом. В уста графа, похваляющегося, что он «зажег на Руси факел свободы», вложены такие речи:

И думал я, что громкой, яркой славой
Меня народ свободный увенчает...
Жила она, заветная свобода!
Едва блеснув, погасла, как свеча.
Кровь полилась, стоустая молва
Меня, меня жестоко обвиняет.
Народ стонал в темницах и оковах,
И вновь меня клянут за эти стоны,
Твердят, что я велел распять свободу,
Что посыпал свирепых палачей...
И слушал я, как слева, так и справа
Суровый крик: «ты нам не друг, а враг».
А близок час расплаты роковой.
Да, жалок тот, в'ком совесть нечиста...²⁵

Владивостокский журнал «Брызги» посвятил Витте острое стихотворение — перепев лермонтовского «Спора»²⁶, а «Осы» в эпиграмме-отклике на отставку премьера поставили все точки над i:

Граф недавний, Витте славный,
Заправила у нас главный,
Государственный делец.
А для нас он был...²⁷

«Подлец» — рифма, которую мог подобрать самый неискушенный читатель, прозвучала как звонкая пощечина, достойно подводившая итог государственной деятельности графа.

Заклеймили поэты-сатирики и непосредственных исполнителей монаршей воли — карателей, заливших Россию кровью простых людей, поднявшихся на борьбу с самодержавием.

В холодных равнинах Российской земли
Три славных героя красою цвели.
То Риман, и Мин, и Дубасов могучий...

Эти «герои» чинили кровавые расправы. «По улицам пушки часами палили, виновных и правых без счета губили». Но палачи не остались безнаказанными. Первым «Дубасов был бомбой контужен», затем последовал черед Мина: «пять пуль получил из бульдога он в спину». Прослышав о казни палача, Риман «в эту же ночь за границу удрал»²⁸. Это произведение П. Казанского перекликается с гневными строками, опубликованными в большевистской печати. Но в отличие от сибирского поэта, воспевшего лишь справедливость кары, автор стихотворения «К убийству генерала Мина»²⁹ зовет к борьбе за освобождение. Немало сатирических ударов было нанесено и сибирским карателям генералам Ренненкампфу и Меллер-Закомельскому³⁰.

В борьбе с революцией царизм использовал черносотенное движение. В. И. Ленин считал необходимой самую решительную борьбу с этим архиреакционным движением и его вдохновителями³¹. Погромы, особенно жестокие на юге и западе империи, не миновали и Сибири. Сибирские журналы клеймили черную сотню и ее духовных вождей —

¹⁶ «Паут», 1906, № 7, с. 8.

¹⁹ «Осы», 1906, № 20, с. 2.

²⁰ Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907), с. 273, 553.

²¹ «Осы», 1906, № 25, с. 4.

²² «Рабочий юморист», № 2, с. 3.

²³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, с. 3.

²⁴ «Я свой век загубил за рисунок — лису, что была на премьере похожа точь в точь», — писал В. Курицын в журнале «Бубенцы» (1906, № 40, с. 7).

²⁵ «Овод», 1906, № 4, с. 1.

²⁶ «Брызги», 1906, № 4, с. 4.

²⁷ «Осы», 1906, № 15, с. 5.

²⁸ «Ерш», 1906, № 15, с. 5.

²⁹ Поэзия в большевистских изданиях. 1905—1917. Л., 1967, с. 133.

³⁰ См. «Ерш», 1906, № 8, с. 6; «Осы», 1906, № 13, с. 5.

³¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, с. 343.

Пуришкевича, Крушевана, Гингмута. Отношение к черносотенцам хорошо передает анонимная «Марсельеза» «истинно-русских людей».

Мы «Марсельезы» гимн старинный
На новый лад теперь споем!
Вставайте, черные дружины,
Мы на погром вас поведем.³²

Среди откликов на темы местной жизни приковывают к себе внимание произведения, посвященные трагическим событиям, произошедшим в Томске 20 октября 1905 г., — расправе с рабочими и студентами. В. П. Трушкин характеризует три сатирических произведения на эту тему³³. К ним можно добавить и многие другие, опубликованные в сибирских сатирических журналах, в том числе поэму и стихотворную драму. П. Казанский в поэме «Томскиада», написанной в стиле героического эпоса, прослеживает весь ход событий, рисуя яркими сатирическими красками губернатора Азанчеева-Азанчевского, закулисного вдохновителя кровавого погрома.

Гнев, богия, воспой Азанчая, правителя Томска,
Грозный, который крамольникам тысячи бедствий содеял,
Многие души смутьянов в подземное царство низринул...

Автор воссоздал жуткие картины расправы с рабочими и студентами, которым манифест дал «свободу» «не для преступной защиты себя от верных казаков, а чтоб начальству законному повиноваться свободно»³⁴. Торжественно звучащий текзаметр, архаическая лексика и фразеология усиливают обличительное звучание поэмы. Произведение можно рассматривать и как стихотворную хронику, с почти протокольной точностью регистрирующую ход трагедии, равной которой еще никогда не переживал этот сибирский город.

Только заря розовоперстая пурпуром небо одела.
Дружно сошлися к полиции истинно-русские люди.

«С портретом царя», «с флагом трехцветным», вооружившись ломами, дубинами, топорами, ножами и другим сподручным снаряжением, двинулись они, с благословления самого «епископа», на штурм твердыни, где засели возмутители спокойствия.

Тут же зажгли и театр, чтоб самая память исчезла
О нечестивых собраниях, нелепой свободы хотевших.³⁵

Томским же событиям посвящена анонимная стихотворная драма «Авто-да-фе». Хотя в подзаголовке стоит «картины из истории испанской конституции», а действующие лица «истинные испанцы», «рыцари из Лиссабона и Севильи», автор не прибегает к сатирическому камуфляжу, так как имена главного героя — дон Азанчо и его пособника — Санчо-Камчо³⁶ прямо указывают, о чём и о ком идет речь. Политическая направленность этого произведения не вызывает сомнений. На митинге оратор призывает: «Еще одно последнее усилие, и стены рабства векового упадут»³⁷. По своему духу эта драма близка к листовкам, в которых томский комитет РСДРП заклеймил гнусное преступление³⁸.

Обличительное стихотворение против местных реакционеров было

³² «Жало», 1906, № 1, с. 2.

³³ См. В. П. Трушкин. Указ. соч., с. 42.

³⁴ «Ерш», 1906, № 2, с. 2.

³⁵ «Ерш», 1906, № 3, с. 3.

³⁶ Имеется в виду один из вдохновителей погромов томский мещанский староста Самгин-Косицын. См. С. В. Александровский. Октябрьские дни в 1905 г. в Томске. — «Сибирские огни», 1925, № 4—5, с. 157.

³⁷ «Осы», 1906, № 29, с. 4.

³⁸ См. А. Пугачев. Чудовищное преступление. — Альманах «Томск», 1956, вып. 9, с. 80.

опубликовано во Владивостоке³⁹. Стихотворение на эту тему напечатал в 1906 г. иркутский журнал «Овод». Наиболее интересное среди них «Истинно-русские люди (Иркутская былина)»⁴⁰, автор которого (псевдоним — Овод), используя приемы былинного повествования, достиг большого сатирического эффекта. Аналогичного содержания стихи помещали и другие журналы.

В 1906—1907 гг. в сибирских юмористических журналах, особенно в поэтической их части, доминировала общероссийская тема, что было связано с бурным подъемом общественного движения. На местные же темы сибирские поэты-сатирики, в отличие от последующих лет, откликались сравнительно мало. Но все же эти темы находили некоторое отражение на страницах журналов. П. Казанский, сопоставляя Сибирь и центральную часть страны, иронически утверждает, что «в этом столе превратном мире теперь счастливей всех она», что «для Сибири свобода вовсе не нужна». В Сибири нет голода, она «людьми разбогатела»: «к Нарыму гонят целый свет. И скоро там (я верю смело) откроют университет». Сатирическое изображение сибирской действительности завершается вопросом: «Зачем же нам свободы ждать?»⁴¹

Сатира обличала застарелое зло — казнокрадство и самодурство, сонное прозябанье обывателя, местные непорядки. Иногда в стихах, высмеивающих пороки «отцов города», прорываются ноты политического протesta. В лучших своих образцах сатирическая поэзия 1905—1907 гг. возвысилась до общерусской темы, вырвавшись из местного мелкотемья, в котором она прозябала со временем своего возникновения, на что обращали внимание М. К. Азадовский и другие ее исследователи. Это и было тем новым, что характеризовало сибирскую стихотворную сатиру периода первой русской революции.

Поэты-сатирики первой русской революции, развивая традиции боевой сатиры 60-х годов XIX в., использовали разные жанровые формы⁴². Это характерно и для сибирских сатириков: наряду с басней, эпиграммой, фельетоном, ими пародийно использовались почти все поэтические жанры — ода, гимн, баллада, элегия, эпитафия. Сатирическим содержанием наполнялись и народно-поэтические жанры: загадка, частушка, стихотворная сказка, песня. Особенно широко был распространен так называемый перепев. Диапазон его в сибирских журналах очень широк. Тут Гомер, Шекспир, Гейне, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Фет, Бальмонт и многие др. Отличительная черта сатирической поэзии этого периода — ее открытая публичность. Эзопов язык, если не исчезает совсем, то становится столь прозрачным, что не оставляет и тени сомнения в мишени для сатирических стрел. Сатира злободневна, порой почти документальна, она откликается на все важные события. Не замыкаясь в узко локальных рамках, она ставит большие проблемы текущей жизни. В этом ее большое общественное значение.

Государственный
педагогический институт,
Улан-Удэ

³⁹ «Владивостокский чертёжник», 1907, № 4, с. 18.

⁴⁰ «Овод», 1906, № 9, с. 6.

⁴¹ «Бубенцы», 1906, № 40, с. 7.

⁴² См.: Русская стихотворная сатира 1908—1917 годов. Л., 1974, с. 49—50.

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 6, вып. 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

Г. И. АНДРЕЕВ

1905 ГОД НА КВЖД

В героическую летопись борьбы русского пролетариата в годы буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов немало ярких страниц вписали трудящиеся далеких окраин Российской империи. «Непоколебимую стойкость, готовность идти на жертвы во имя свободы, социальной справедливости и прогресса проявил рабочий класс в борьбе с царским самодержавием. Немеркнущим примером его мужества и героизма являются Всероссийская октябрьская политическая стачка, классовые битвы в Петербурге и других городах, в центре и на окраинах России¹. Эти слова Постановления ЦК КПСС «О 70-летии революции 1905—1907 годов в России» по праву можно отнести и к рабочим и служащим Китайской Восточной железной дороги, проложенной царским правительством в Маньчжурии на средства русского народа. Их революционные выступления в 1905—1907 гг.— одна из малоисследованных страниц истории первой русской буржуазно-демократической революции.

Строительство КВЖД было завершено в основном к маю 1905 г. Ее обслуживали рабочие и служащие, в основной своей массе ранее работавшие на железных дорогах России. К 1905 г. число обслуживающих КВЖД достигло свыше 17 тыс. чел.² Это был молодой отряд рабочего класса, тесно связанный узами пролетарской солидарности с железнодорожными рабочими страны. Несмотря на молодость, уже в 1905 г. он имел свои социал-демократические организации. В конце этого года в г. Харбине работала небольшая типография рабочих³.

К началу революции 1905—1907 гг. рабочие КВЖД находились в очень сложной обстановке. Россия вела империалистическую войну с Японией, защищая чуждые русскому народу интересы. Разоблачая дальневосточную политику русского царизма, В. И. Ленин писал: «Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах...»⁴

Война между Россией и Японией началась 9 февраля 1904 г., т. е. когда строительство КВЖД еще не было завершено. А ведь дорога была единственным путем, по которому перевозились войска. Железнодорожники работали с большим перенапряжением сил. Они стали свидетелями тяжелых поражений царского самодержавия, видели десятки тысяч искалеченных русских солдат, воочию могли убедиться, в чьих интересах ведется эта кровавая империалистическая войня. Знали они и о том разложении, которое охватило верхушку русской армии в Маньчжурии. Все это, естественно, не могло не ускорить процесс со-

зревания революционного сознания трудящихся масс КВЖД. Большое влияние на этот процесс оказывали и революционно настроенные солдаты, которых после поражения России вывозили по КВЖД на родину. Настроение солдатских масс было ярко выражено в записке «Союза социал-демократов в армии», переданной в декабре 1905 г. по телеграфу «по всем дорогам и в российские газеты». «Мы только здесь все узнали и все поняли,— говорилось в записке.— Мы своей кровью и народными деньгами защищали чужую дорогу и чужую собственность, не государственную и не народную, а дорогу и интересы нескольких негодяев-миллионеров аристократов, которые на народные деньги содержали разбойников и воров Алексеевых и Стесселей с их прихлебателями». Далее подчеркивалось: «Наши честные товарищи, забастовщики железных дорог, обещают нам по 15 поездов в сутки для перевозки нас в Россию, а генералы с главнокомандующим задерживают нас, чтобы им можно было дольше получать больше денег за счет наших животов и набивать себе карманы. Терпению нашему скоро приходит конец...»⁵ Не случайно В. И. Ленин, касаясь вопроса о выборе момента вооруженного восстания, писал в середине октября 1905 г., что охотно бы «оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии»⁶.

Таким образом, пролетариат КВЖД оказался в водовороте событий, которые послужили мощным ускорителем формирования его классового сознания и борьбы за социальное освобождение.

Начало революционной борьбы рабочих КВЖД относится к 20-м числам октября 1905 г. Об этом говорится в одном из докладов администрации дороги правлению Общества КВЖД: «21 или 22 октября в харбинских газетах появился Манифест 17 октября. После этого события город значительно изменил свою физиономию: часто стали происходить уличные шествия с красными флагами; по газетам можно было отмечать ежедневные митинги то в собраниях, то в цирке и прочих местах; появились, говорили, специальные ораторы и агитаторы крайней (большевистской). — Г. А.) партии, приехавшие нарочно из России»⁷.

Первое серьезное выступление рабочих КВЖД состоялось после Всероссийской октябрьской стачки 1905 г., когда они откликнулись на призыв Самарского комитета РСДРП, содержащийся в листовке «Ко всем рабочим и работницам» от 11 октября 1905 г.: «Вставай, рабочий, час борьбы настал! Бросай работу, пусть станут мастерские, пусть не дымятся трубы фабрик, пусть не ходят поезда, пусть смолкнет станок, пусть станут типографии, пусть швея бросит иглу и грузчик свою многоголовую ношу!»⁸

Забастовка на КВЖД началась в 10 часов утра 26 ноября 1905 г. Ее объявил стачечный комитет, избранный 24 ноября общим собранием служащих всех служб и отделов в Харбине, который постановил: «1) Примкнуть к забастовке железнодорожных служащих и рабочих в России, причем организовать ее так, чтобы не прекращалась эвакуация войск и снабжение продовольствием и топливом.... 6) Сообщить Самарскому комитету и всем дорогам о принятом решении, прося в случае несогласия с общим планом забастовки железнодорожных дорог дать указания.... 10) Забастовкой рабочих в Харбине руководит особый рабочий и стачечный комитет»⁹.

Поскольку забастовка началась в условиях эвакуации маньчжурской армии, для передачи воинских сообщений был создан специальный комитет из выборных служащих¹⁰. Большевистская группа местной со-

¹ «Коммунист», 1975, № 2, с. 4.

² ЦГИА, ф. 323, оп. 5, д. 164, л. 48.

³ См.: Революция 1905—1907 годов в национальных районах России.— Сб. статей. М., 1949, с. 725.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, с. 381.

⁵ Революция 1905—1907 годов в национальных районах России, с. 725.

⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 47, с. 100.

⁷ ЦГИА, ф. 323, оп. 1, д. 886, л. 32.

⁸ Революция 1905—1907 годов. Документы и материалы. М., 1975, с. 193.

⁹ ЦГА РСФСР. ДВ, ф. 31, оп. 1, д. 30, л. 23, 24.

¹⁰ Там же, л. 21.

циал-демократической организации разработала специальный план революционного захвата власти на всех линиях железных дорог Дальнего Востока и Сибири с целью быстрой отправки вооруженных войск в центральные районы Европейской России на помощь рабочим, боровшимся с самодержавием. Для достижения этой цели имелись реальные возможности. В октябрьские дни в Харбине возникло несколько солдатских организаций, в том числе Солдатский комитет, который прислал в местный социал-демократический комитет депутатию с заявлением, что весь Харбинский гарнизон присоединяется к социал-демократии и ждет инструкций¹¹. К этому следует добавить организованность выступления рабочих и служащих в начавшейся забастовке по всей линии КВЖД. Во главе забастовки стояли рабочие харбинских железнодорожных мастерских — наиболее сплоченный отряд рабочего класса на КВЖД.

Однако благоприятные возможности не были должным образом использованы. Это объясняется некоторыми причинами, главная из которых — преобладание в Харбинском социал-демократическом комитете, а также в избранном стачечном комитете меньшевиков. Меньшевики встали на путь соглашательства с администрацией дороги. Своими действиями они и здесь разоблачили себя как проводники интересов буржуазии в рабочем движении. Не случайно в докладе председателя комиссии по расследованию забастовочного движения на КВЖД в конце 1905 г., члена Правления Общества КВЖД С. И. Кази указывалось, что благодаря деятельности администрации «...забастовка на дороге ограничилась продолжительностью лишь пяти дней, носила платонический характер демонстративного сочувствия забастовкам на русских железных дорогах, при исполнении всех воинских перевозок по вывозу на родину запасных нижних чинов»¹². Далее Кази подчеркивал: «Харбинский стачечный комитет, сдерживая на себе волну стачечного движения, в сущности представлял из себя ширму, за которыми действовала настоящая административная власть дороги, которой на разрешение стачечный комитет направлял все текущие дела»¹³.

Подобные действия администрации дороги вызвали неодобрение даже со стороны министра финансов, который написал на докладе Кази следующее: «Все это может быть и так, но тем не менее печально, что понадобились такие ширмы там, где нужен был открытый протест и честная борьба»¹⁴.

Анализируя причины забастовки на КВЖД, Кази пришел к выводу о том, что впредь рабочие дороги никогда не будут бастовать. В частности, он отмечал в докладе: «Принимая во внимание слабое течение забастовки, установленной горяча по сочувствию к аналогичному движению на русских железных дорогах и выяснившей на практике для каждого служащего на дороге, что забастовка в будущем может вызвать стачку китайского населения по снабжению служащих продовольствием, можно с уверенностью сказать, что забастовка на Кит. Вост. ж. д. в будущем не повторится ни при каких обстоятельствах политического движения в России, причин же местных, которые могли бы вызвать забастовку, нет, так как материальное обеспечение служащих на Кит. В. ж. д. вполне удовлетворительно и при изменяющихся в неблагоприятную для служащих сторону обстоятельствах соответственно улучшается попечением Управляющего дорогой и Правлением Общества с разрешения г. Министра финансов»¹⁵.

Кази не мог понять силы и мощи классовой солидарности пролетариата. Несколько ошибочным был его вывод; свидетельствует последующая борьба рабочего класса КВЖД. Уже в 1907 г. 24 ноября рабочие харбинских железнодорожных мастерских, депо и некоторых частных предприятий провели однодневную забастовку в знак протesta по случаю суда над бывшими членами Второй Думы¹⁶. В журнале заседания Особого Комитета КВЖД от 26 ноября 1907 г. отмечалось: «За 25 и 26 ноября удалось выяснить причины и ход забастовки: 2 месяца тому назад местный Социал-Демократический Комитет получил от Центрального Комитета письмо о предстоящем суде над 55 членами социал-демократов фракции 2-й Гос-й Думы и о желательности им демонстративного сочувствия путем однодневной забастовки. Таким образом, с самого начала была решена однодневная забастовка. В настоящее время все забастовки прекратились. Изложенное доказывает легкость осуществления забастовки по сигналу извне. Является неотложная задача во что бы то ни стало найти ядро Социал-Демократической организации на КВЖД»¹⁷.

1 мая 1908 г. харбинские рабочие провели первомайские митинги. В телеграмме управляющего КВЖД на имя Правления Общества сообщалось: «Первого мая в мастерских и депо большая часть рабочих не вышла на работы. Так как понтонный мост не был еще наведен, то рабочие переправились в лодках на левый берег Сунгари, где вблизи границы, но на полосе отчуждения устроили несколько митингов, где произносили ярко революционные речи против Правительства. Личности большинства говоривших речи трудами тайных агентов выяснены. Производятся аресты. В настоящее время арестовано 8 человек»¹⁸. «Революционные речи против правительства» — это уже не платоническое сочувствие, а серьезная политическая борьба рабочих КВЖД вместе со всем российским пролетариатом за социальное освобождение.

Таким образом, первые революционные выступления пролетариата КВЖД в революции 1905—1907 годов закончились поражением. Забастовка в конце ноября 1905 г. была подавлена отрядами генерала Иванова. Администрация дороги обрушила на рабочих репрессии. Тот же Кази в своем докладе называет количество рабочих и служащих, уволенных с дороги за участие в забастовке. Так, из харбинских железнодорожных мастерских и депо были уволены 34 чел., из депо ст. Пограничная — 51 чел. и из депо ст. Маньчжурия — 252 чел.¹⁹ Хотя рабочие и потерпели поражение, понеся большие потери, это вовсе не означало, что их выступления закончились безрезультатно²⁰. Мужая и закаляясь в классовой борьбе, пролетариат КВЖД шел к Октябрю 1917 года.

Новосибирское
высшее военно-политическое
общевойсковое училище

¹⁶ Там же, д. 889, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 41.

¹⁸ Там же, л. 91.

¹⁹ Там же, д. 886, л. 56.

²⁰ Подобное утверждение находим в статье В. П. Гирченко «Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке» (см.: Революция 1905—1907 годов в национальных районах России, с. 761).

¹¹ Революция 1905—1907 годов в национальных районах России, с. 761.

¹² ЦГИА, ф. 323, оп. 1, д. 886, л. 49.

¹³ Там же, л. 53.

¹⁴ Там же, л. 49.

¹⁵ Там же, л. 54, 55.

В. Е. ЛАРИЧЕВ, И. П. ЛАРИЧЕВА
**ПАЛЕОИНДЕЙСКАЯ ГРАВЮРА МАМОНТА
НА ПЛАСТИНЕ ИЗ ДЕЛАВЭРА
(СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА)**

Палеолит Нового Света со временем открытия полвека назад его первых памятников вызывает неослабевающий интерес историков культуры. Такое внимание объясняется не только тем, что перед исследователями предстала неожиданно ранняя страница истории коренных обитателей Западного полушария, но также уникальными возможностями, которые открывал анализ материалов по древнекаменному веку Северной Америки для разработок общих проблем палеолита мира. К ним, в частности, относятся вопросы определяющих тенденций эволюции древнейших культур человечества, закономерностей развития первобытного общества, мышления и мировоззрения охотников и собирателей каменного века. Палеоиндейцы с особой наглядностью продемонстрировали величие достижений палеолитических обитателей Земли, которые, успешно освоив суровые территории северо-востока Азии, десятки тысячелетий назад проникли в Северную, а затем в Центральную и Южную Америку и положили начало развитию своеобразных местных культур. Итак, теперь со всей очевидностью стало ясно, что глубинную основу блестящих цивилизаций Америки со всеми их компонентами, поразившими в свое время испанских конкистадоров, образуют культурные пласти эпохи палеолита.

Среди интригующих сюжетов, связанных с палеолитом Северной Америки, пожалуй, самой привлекательной до сих пор остается тема сопоставления частных и основополагающих элементов материальной и духовной сторон культуры древнекаменного века Старого и Нового Света. За нею, с одной стороны, скрыты усилия выявить истоки происхождения палеоиндейцев, а с другой — попытки разобраться в сложном механизме явлений конвергенции в культурной истории раннего человека. При кажущейся очевидности решения вопроса, когда ясна определяющая роль севера Азии как базового района в первоначальном освоении Америки, многое вместе с тем осталось дискуссионным. Такое положение отражает в первую очередь недостаточное обилие материалов по палеолиту Сибири и Северной Америки. В самом деле, чем иным, как не скучностью фактической базы, можно объяснить недавние попытки Г. Мюллер-Бека всерьез искать истоки резко своеобразных культур метательных наконечников Нового Света в Западной Европе, отстоящей от него на десятки тысяч километров? Разумеется, не следует исключать возможности появления в эпоху верхнего палеолита трансконтинентальных «культурных импульсов», опосредствованных связей и, может быть, даже дальних миграций небольших групп охотников. Так, появление на раннем этапе верхнего палеолита лёссовых районов Китая серии специфических инструментов ориентика трудно объ-

яснить, апеллируя лишь к явлениям конвергенции. И все-таки, учитывая характер древних культур Северной Азии, непременного связующего звена с самыми отдаленными территориями Евразии, нельзя признать убедительной попытку найти ключ к проблемам американского палеолита в Европе. Что касается роли собственно Сибири, то открытия последних лет позволяют проследить контакты с палеоиндейскими культурами по существу лишь на финальном этапе верхнего палеолита, причем сходство сибирских стоянок устанавливается преимущественно с памятниками северо-запада континента, в первую очередь Аляски.

Культуры юга Северной Америки — сандия, кловис и фолсом — остаются на палеолитической карте мира неповторимыми в их очевидном своеобразии вещественных материалов, что особенно справедливо в отношении ведущих инструментов охотничьего снаряжения палеоиндейцев — метательных наконечников с продольными желобками. Правда, при постановке общих вопросов, связанных с анализом истоков палеоиндейских культур Америки, особое внимание обращается на использование при обработке камня техники двусторонней обивки и появление так называемых бифасов. Но, во-первых, весьма проблематично связывать развитие техники в пределах южной половины Северной Америки с переселением палеолитических охотников Сибири в Новый Свет. Во-вторых, несправедливо рассматривать технику обработки орудий в отрыве от конечного итога ее использования — типологии изделий. А именно она остается до сих пор камнем преткновения при самых изощренных, но безуспешных попытках «стыковать» палеолит Сибири и юга Северной Америки. Поэтому, принимая во внимание всю сумму фактов по археологии палеолита Северной Америки и не в последнюю очередь сведения по палеогеографии и палеоклиматологии ее южных районов, свидетельствующих о длительных периодах изоляции их ледниками барьерами от северных областей континента, можно утверждать, что отдельные, исключительно важные явления в материальной и духовной сферах культур наконечников юга обязаны своим зарождением конвергенции, т. е. неотвратимости действия на палеолитического охотника и первобытное общество в целом сходных обстоятельств, вызывающих в итоге строго определенный результат.

Подобная тема при изучении проблемы общих закономерностей развития ранних культур Евразии и Америки, выявлении их специфики и своеобразия рассматривалась до сих пор главным образом в плане анализа объектов материальной культуры, прежде всего каменных и костяных орудий, а также форм первобытной экономики. Оставалось в стороне не менее важное: сопоставление сфер духовной жизни палеолитического населения Старого и Нового Света, что, впрочем, объясняется малочисленностью и маловыразительностью находок, которые позволили бы раскрыть эту сторону деятельности палеоиндейцев, или сомнительностью объектов, неопределенностью их датировки, а то и подозрениями в подделке. Между тем первая же попытка собрать воедино материалы, связанные с палеоиндейским искусством, показала, насколько интересные перспективы открывает тщательное изучение их¹. Можно вновь подчеркнуть, что анализ древнейших образцов палеолитического искусства населения Северной Америки представляет важную задачу, выходящую далеко за рамки локального интереса. Решение ее поможет раскрыть общие тенденции развития мышления, религиозных представлений и эстетических наклонностей древнейшего человека независимо от места обитания, культурных заимствований, связей и контактов.

¹ И. П. Ларичева. К вопросу о палеолитическом искусстве Америки (Мексика, США). — В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 1. Методология истории. Всеобщая история. Археология. Новосибирск, 1968, с. 186—202.

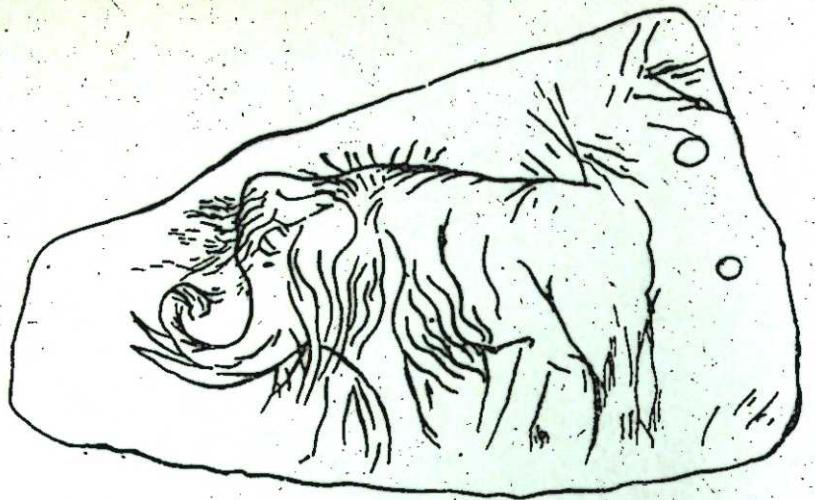

Рис. 1. Изображение мамонта на пластине из раковины. Делавэр, США (из книги Б. Д. Мэггерс "Prehistoric America". Публикация разрешена автором книги и Олдингским издательством. Рисунок выполнен Дж. Р. Луисом).

Среди известных до недавнего времени образцов искусства палеоиндейцев наибольшее внимание привлекали два: схематический рисунок, интерпретированный некоторыми исследователями как изображение слона или мамонта, выгравированный на обломке плечевой кости крупного жвачного животного, открытого в пещере Джекобс около г. Пайнвилля (штат Миссури), и недавно обнаруженные Ж. А. Камачо и С. Ирвином на стоянке Вэлсеквилло (штат Пуэбло) рисунки тапира, лошади, бизона и процессии из трех или четырех слонов, вырезанные на обломке кости крупного плейстоценового слона. На рисунках из Вэлсеквилло тела двух первых животных, занимающих верхнюю часть композиции, перечеркнуты прямыми линиями, которые представляли собой, очевидно, древки копий, символизировавших охоту и умерщвление животных².

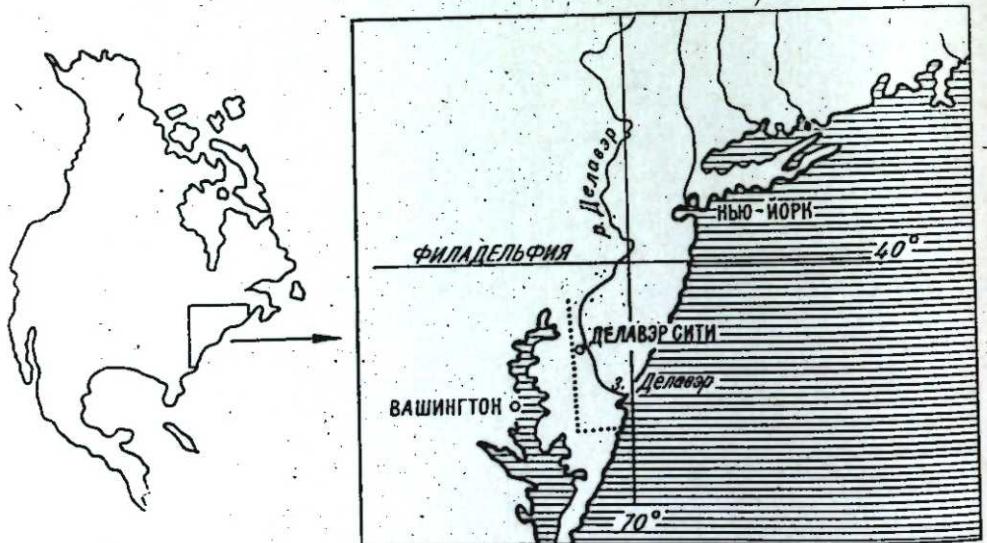

Рис. 2. Район открытия пластины с гравюрой мамонта.

² См. И. П. Ларичева. Указ. соч., с. 196—198.

О том, что гравюры на кости из пещеры Джекобс и со стоянки Вэлсеквилло, действительно, заслуживают серьезного к ним отношения и детального анализа, со всей очевидностью свидетельствует новый, несомненно, самый поразительный по совершенству, живости и глубокий в его первобытной реалистичности образец палеоиндейского искусства, опубликованный Бетти Д. Мэггерс³. Речь идет о выполненном в стиле самых лучших традиций палеолитических художественных миниатюр Европы изображении мамонта, выгравированном на одной из сторон пластины, изготовленной из крупной раковины (рис. 1). Обстоятельства открытия удивительной миниатюры изложены в краткой заметке, опубликованной в 1896 г. в «Ежегодном докладе Смитсоновского института»⁴: Раковина с гравюрой мамонта обнаружена в 1891 г. доктором Х. Т. Крессоном и Соуролтом в окрестностях станции Холли Оук Виллингтон-Балтиморской железной дороги штата Делавэр (рис. 2). Ее нашли на поверхности вспаханного поля, покрытого в щелях удобрения торфом, который доставили из прилегающего эстуария р. Делавэр. Раковины такого типа встречаются всюду на побережье от Делавэра до Флориды. К тому времени, когда готовилось к печати первое сообщение о находке, Х. Т. Крессон и Соуролт уже умерли. Добавить что-либо к сказанному выше не представлялось возможным. Автор заметки отметил, что «подлинность этого резного изображения подвергалась сомнению», однако, по его мнению, «не прекращая спора об истинно местном характере изображения, справедливо отметить, что облик мамонта и гравировка свидетельствуют о том, что этот предмет искусства сделан в древности и нет признаков изготовления его в современном стиле». Далее еще раз подчеркивалось, что нет намеков на фальсификацию или подделку рисунка, а само изображение, по заключению автора, напоминает «до некоторой степени» гравюру мамонта, открытую в Ла Мадлен, и «возможно сделано такими же типами кремневых резцов».

Раковина с изображением мамонта из Делавэра долгое время хранилась в фондах музея и была забыта, пока ее не извлекли из хранилища. Она привлекла внимание доктора Бетти Д. Мэггерс, которая после специального изучения опубликовала новую, в значительной мере уточненную по сравнению с рисунком, изданным в 1896 г., копию гравюры на раковине (рис. 1). В Смитсоновском институте находку Х. Т. Крессона и Соуролта тщательно исследовали. Б. Д. Мэггерс в связи с этим написала в письме В. Е. Ларичеву следующее: «Этот рисунок сделан при тщательном осмотре раковины под микроскопом, которая, как Вы можете увидеть на фотографиях, испещрена многочисленными трещинками, мешающими осмотру рисунка... Допуская возможность подделки, мы показали этот предмет искусства нескольким специалистам. Сотрудники нашей Лаборатории консервации и аналитики считают гравюру подлинной. Увеличенные детали снимка (их я тоже высыпаю Вам) показывают, что линии изображения мамонта и трещины на раковине сходны по степени патинизации, что свидетельствует об их одинаковом возрасте...»⁵ Фото раковины с гравюры и микрофото ее детали, щедро предоставленные Б. Д. Мэггерс в распоряжение авторов статьи с правом публикации, за что мы глубоко признательны ей, подтверждают справедливость такого заключения (рис. 3, 4). Нет сомнения в том, что с общекультурной точки зрения этот уникальный образец первобытного искусства коренного населения Северной Америки эпохи палеолита вызывает исключительный интерес и заслуживает скрупулезного изучения, всесторонней оценки и широких сопоставлений.

³ Betty J. Meggers. Prehistoric America. Chicago—New-York, 1972.

⁴ Prehistoric Art.—"Annual Report of the Smithsonian Institution report of the U. S. National Museum for the year ending", 1896, June 30, p. 381.

⁵ Письмо доктора Б. Д. Мэггерс В. Е. Ларичеву от 3 марта 1976 г.—Архив секции истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО АН СССР.

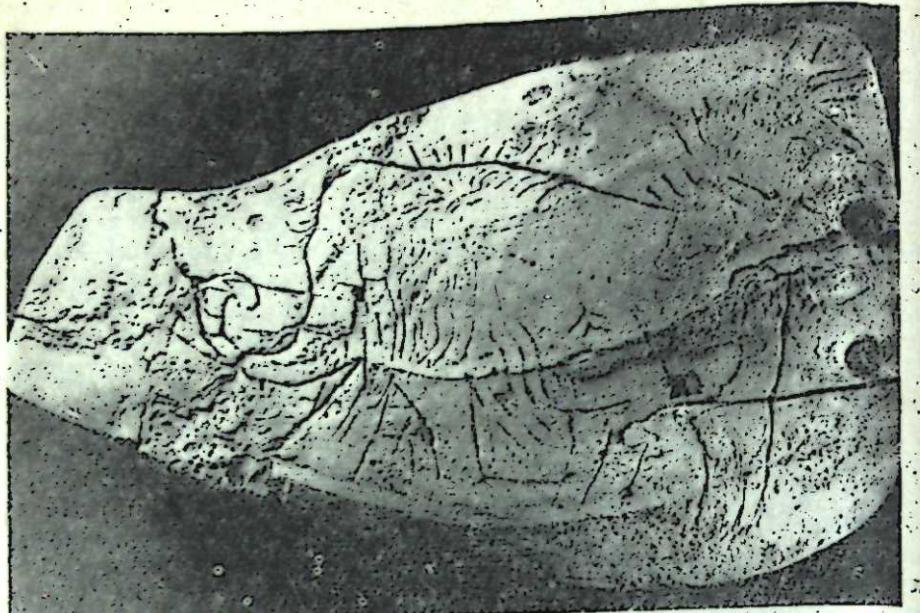

Рис. 3. Фото раковины с гравюрой мамонта (публикуется с разрешения Смитсоновского института Национального музея естественной истории, Вашингтон).

Рис. 4. Микрофото детали гравюры мамонта (фото доктора П. Кира. Публикуется с разрешения Смитсоновского института Национального музея естественной истории, Вашингтон).

Пластина из Делавэра, очевидно подвеска или амулет, сильно вытянутая, трапециевидная в плане, с закругленными углами и слегка выпуклыми неровными краями. На широком конце ее просверлены два округлых, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии отверстия. Одно из них, меньшего диаметра, расположено почти на линии центральной продольной оси пластины, а второе, большего диаметра, просверлено ближе к краю в непосредственной близости от группы линий, прочерченных в ее верхнем правом углу.

В нижнем правом углу пластины также видна серия коротких и длинных штриховых линий. Всю центральную часть свободного пространства занимает изображение мамонта. Гравюра выполнена талантливым мастером: искусной и отчетливой, изящно-плавной линией переданы верхние контуры громоздкого и тяжелого туловища животного. Линия эта, очерчивающая грузную, со сложным рельефом голову, загнутый над бивнями хобот, впадину между горбом холки, а также слегка покатую назад спину гиганта, кажется, наесена резцом «на одном дыхании», без отрыва от поверхности раковины. Во всяком случае, на копии не заметны перерывы или следы подправок рисунка. Уверенной и твердой рукой художник выполнил то, что ему, видимо, приходилось делать неоднократно. Линия спины, однако, постепенно становится тоньше и на крае виден участок, где художник остановил бег резца и отделил его от поверхности раковины. В этом месте круп так и остался неоконтуренным.

Такими же глубокими изящными линиями выписываются главные детали остальных участков туловища мамонта — задняя его часть, очертания ног, живот, бивни и хобот. Трудно сказать, в каком порядке художник наносил линии; однако представляются бесспорными два этапа выполнения гравюры: сначала отчетливыми бороздками прочерчивались основные части фигуры животного, а затем начиналась отделка рисунка и дополнение его важными деталями. То широкими, то тонкими, волнистыми линиями, пересекающими слегка наискось туловище животного, художник скрупульно передал ниспадающие, длинные космы шерсти. Они как раз и позволяют утверждать, что на гравюре изображен не слон, а мамонт. Длинные пряди волос свисают также с холки, падая до левой передней ноги животного и на его шею, маскируя нижние контуры огромного уха. Как и на боку, они переданы волнистыми линиями, но выполнены в большинстве случаев более тонкими штрихами. Волосистой покров на теле мамонта изображен художником с усердием и старательностью: короткие вертикальные или наклонные линии над поднимающейся плавным горбом холкой показывают целую копну волос, которая возвышалась за головой и, судя по штрихам, свисала вниз до верхнего контура уха.

Над глазами тоже опускаются пряди волос — тончайшие, перекрывающие друг друга штрихи от бугристого со впадинами лба изображают густую челку тонких перепутанных прядей, эффектно развевающихся на ветру. Плавно загнутые, но короткие, в виде вытянутых треугольников нарезки, прочерченные от линии спины, очевидно, изображают густой волосистой покров, защищающий от холода тело мамонта. Но не исключено, что так показаны складки кожи. Три штрихи над седалищной частью, похожие на штрихи над холкой, свидетельствуют о том, что здесь пучки волос особенно густые, стоящие торчком. Тонкие продольные линии на левой задней ноге также изображают волосы, но, видимо, менее густые, чем на туловище животного.

Палеонидейский художник, стремясь ограничиться при исполнении гравюры по возможности меньшим количеством деталей для того, чтобы подчеркнуть самое существенное, не скучится, тем не менее, на изображение отдельных характерных частей тела животного. Своебразная экономность,держанность проявляются, правда, и здесь,

но такая манера не наносит ущерба художественности всего рисунка в целом. Так, ступни ног мамонта не выписаны полностью: возможно, художник хотел подчеркнуть, что животное движется по земле, покрытой рыхлым снегом, в котором «тонут» нижние части «конечностей». Однако при этом он показал специфическое для слонов («в виде перевернутого гриба») расширение ступней. У хвоста отчетливо выделены три обособленных части — короткое массивное основание, тонкая длинная средняя часть и конец в виде метелки — волосяная бахрома. Художник изобразил также маленький, характерно миндалевидной формы глаз, одним росчерком резца выписал главную дугу огромного уха. Столь же уверенно нанесены предельно скрупные контуры тонких и острых, выставленных вперед и слегка поднятых вверх бивней. С относительно большой детализацией прорисован эффективно загнутый кольцом хобот: штрихи от верхней контурной линии и по центру от основания хобота отражают, очевидно, морщинистость кожи. Старательно и с явным желанием выписать детали нарисован конец хобота с входным отверстием и характерной конфигурацией клапана. Отдельные штрихи показывают, что хобот тоже покрыт волосами. Верность натуре прослеживается в сложном с выпуклостями и впадинами рельефе лба мамонта, примечательна треугольно-приостренная конфигурация верхней части головы, начисто лишенной волосяного покрова. Интересно отметить, что край пластины оказался слегка выпуклым как раз в том месте, где размещается верхушка головы животного.

Рассматривая гравюру в целом, следует подчеркнуть высокое мастерство и глубоко реалистический стиль ее. Художник создал не плоскостной статичный рисунок, а объемное изображение мамонта, полное динамики, монументальности и величавого спокойствия. Мастер гравюры отлично владел искусством передачи перспективы — расположенные ближе к зрителю левые передняя и задняя ноги выглядят массивнее, чем правые, а объемность тела передана скрупными за круглыми и волнистыми штрихами. Возможности графики выразить перспективу и объемность рисунка, пожалуй, не столь многообразны, как в живописи, и к тому же они требуют исключительно тонкого мастерства и четкости в выполнении замысла. Безымянный автор гравюры сумел с помощью немногих стремительных, импрессионистских по духу росчерков резца воссоздать на поверхности раковины полный трепета жизни облик мамонта. Его неодолимое движение вперед подчеркнуто не только переступающими ногами, но и как бы слегка отброшенными назад космами щерсти.

К сказанному необходимо добавить: мамонт — не единственное, что выгравировано на поверхности раковины, и, следовательно, можно говорить о композиции, заранее продуманной художником. Несколько штрихов в правом нижнем углу пластины можно интерпретировать как намек на травянистый покров, заваленный снегом, из-под которого торчат лишь отдельные былинки. Сложнее для понимания серия параллельных и пересекающихся линий разной толщины и четкости, прочерченных в правом верхнем углу пластины и над крупом мамонта. Возможно, это причудливо переплетающиеся ветки кустарников или деревьев, но не исключено, если учесть магическое назначение амулета, что линии изображают град копий, брошенных вслед мамонту.

Сравнение гравюры из Делавэра с многочисленными и разнообразными по технике исполнения рисунками мамонтов из верхнепалеолитических местонахождений Европы и Азии свидетельствует о глубоком своеобразии художественного творчества палеоиндейцев. Действительно, гиганты ледниковой эпохи изображались европейскими мастерами в совершенно определенной манере, позволяющей предполагать существование единой палеолитической «школы» изобразительного искусства. Разумеется, дать исчерпывающую характеристику особенностей

рисунков мамонтов Евразии — задача специальная и вряд ли ее решение здесь уместно. Однако наиболее броские черты можно отметить, основываясь даже на сравнительно ограниченном материале. В подавляющем большинстве случаев мамонты рисовали в виде примитивного силуэта в профиль, в позе стоящих по одному или в процессии с головами, повернутыми влево, значительно реже вправо (рис. 5 и 6)⁶. В Каповой пещере на Южном Урале мамонты нарисованы в позе идущих (рис. 6, 2—6)⁷. Среди западноевропейских гравюр можно выделить несколько образцов, когда художник стремился показать животных в движении, но они выглядят полными ярости и стремительного порыва вперед, а не спокойно шагающими по земле (рис. 5, 10; 6, 9). В таком случае художник рисовал не четыре, а две ноги, причем заднюю отставлял назад и выписывал хвост поднятым вверх. Возможно, та же «поза атаки» представлена на рисунке, обнаруженному на пластине из Мальты (рис. 7)⁸. Кроме того, обращает на себя внимание почти канонически устойчивая манера изображения линии спины европейских мамонтов. Как отметил В. Е. Гаррут, контур ее чрезвычайно своеобразен — обычно очень высокая в передней части, где от головы спина отделяется глубокой седловиной, впадиной шеи, она затем круто опускается вниз по направлению к хвосту (рис. 5, 1, 2, 5, 6, 8, 9, 11; 6, 2—9). На отдельных рисунках мамонтов контур спины опускается не так круто (рис. 5, 3, 4; 6, 1), но они не характерны для евразийского искусства. Хобот у мамонтов художник рисовал обычно опущенным вниз, и загнувшим к ногам (рис. 5, 1 и др.) и лишь в редчайших случаях поднятым вверх на тело (рис. 5, 7, 11). Не менее характерны контуры головы мамонтов. Она крупная, округлая или слегка приостренная, эффектно возвышающаяся над линией спины. В любой части обычно прослеживается заметная впадина. Глаза имеют вид кружков, иногда вписанных друг в друга, но порой художник ограничивался незначительными штрихами. Ухо, как правило, не рисовалось. Хвост свисает вниз как тонкая пlett или в виде короткого подтреугольного выступа. Пучки волос на конце хвоста чаще оформлялись на скульптурах, чем на рисунках (рис. 6, 7, 9). Волосяной покров — одна из примечательных особенностей мамонтов и на рисунках непременно подчеркивалась такая деталь. Обычно художник показывал густую шерстистость животного вертикально направленными линиями, падающими, как бахрома, в самой нижней части туловища. В редких случаях волосяной покров виден на голове (рис. 5, 11), хоботе (рис. 5, 2, 6; 6, 8), спине (рис. 5, 7), груди (рис. 5, 9, 11; 6, 1, 8, 9), хвосте (рис. 6, 8) и конечностях (рис. 5, 7). Бока животного, как правило, не вырисовывались — как бы предлагалось зрителю «домыслить» картину. Лишь на одном из мамонтов Фон де Гом и у мамонта из Пеш-Мерля волнистые и прямые линии пересекают среднюю часть туловища (рис. 6, 1).

Отмеченные особенности рисунков мамонта, представленные в образцах искусства палеолитических художников Евразии, позволяют выявить специфические черты стиля гравюры из Делавэра. Первое, что сразу же бросается в глаза и вследствие чего палеоиндейский мамонт заметно выделяется среди серии известных на Западе и в Азии рисунков, заключается в том, что верхний контур его тела необычен — нет знакомой по множеству изображений подчеркнуто высокой перед-

⁶ В. Е. Гаррут. Мамонт в изображении человека верхнего палеолита. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. М. — Л., 1960, № 79.

⁷ О. Н. Бадер. Каповая пещера. М., 1965.

⁸ М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. — «Изв. Гос. академии истории материальной культуры», 1935, вып. 118.

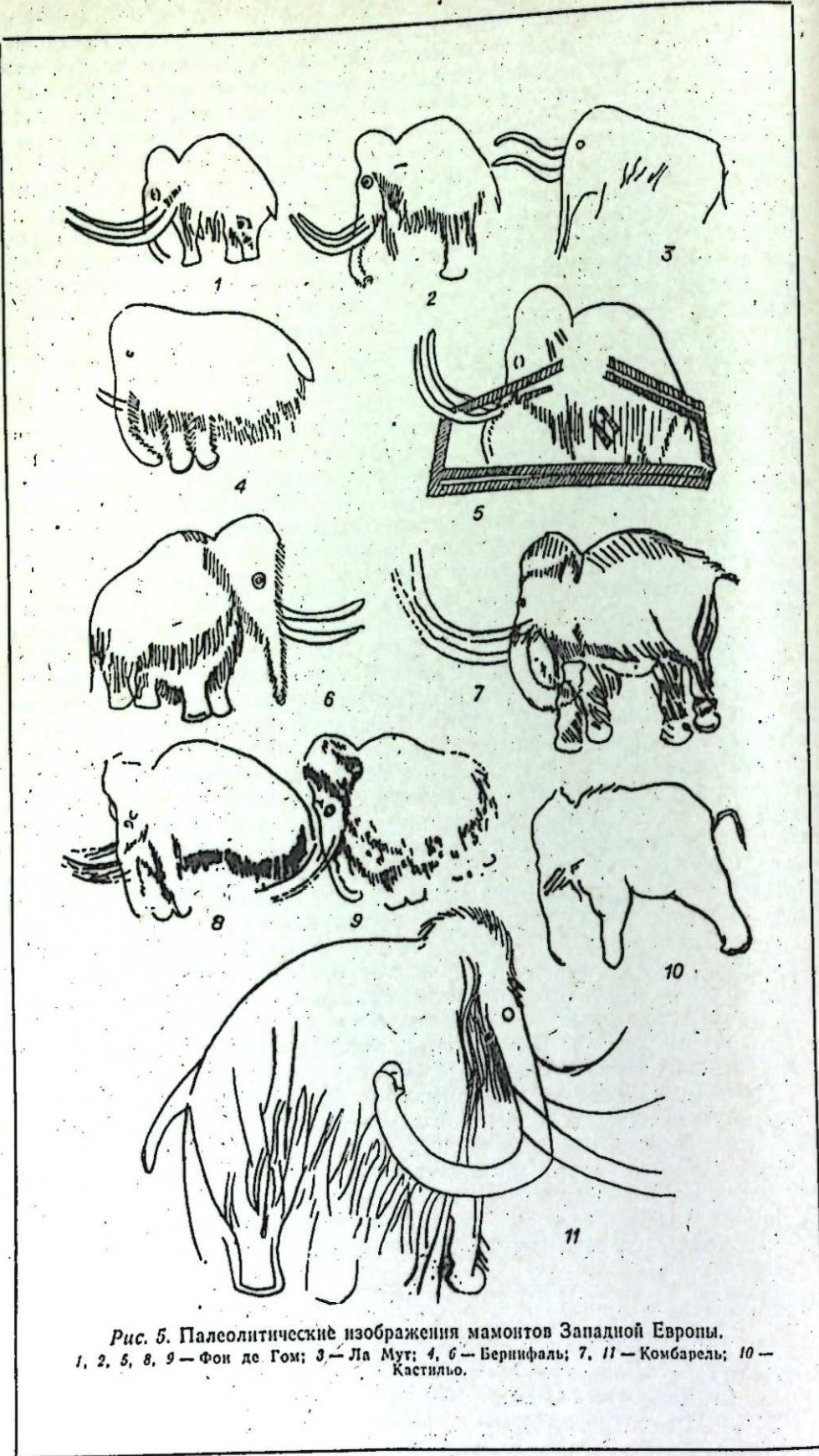

Рис. 5. Палеолитические изображения мамонтов Западной Европы.
1, 2, 5, 8, 9 — Фон де Гом; 3 — Ла Мут; 4, 6 — Бернифаль; 7, 11 — Комбарель; 10 — Кастильо.

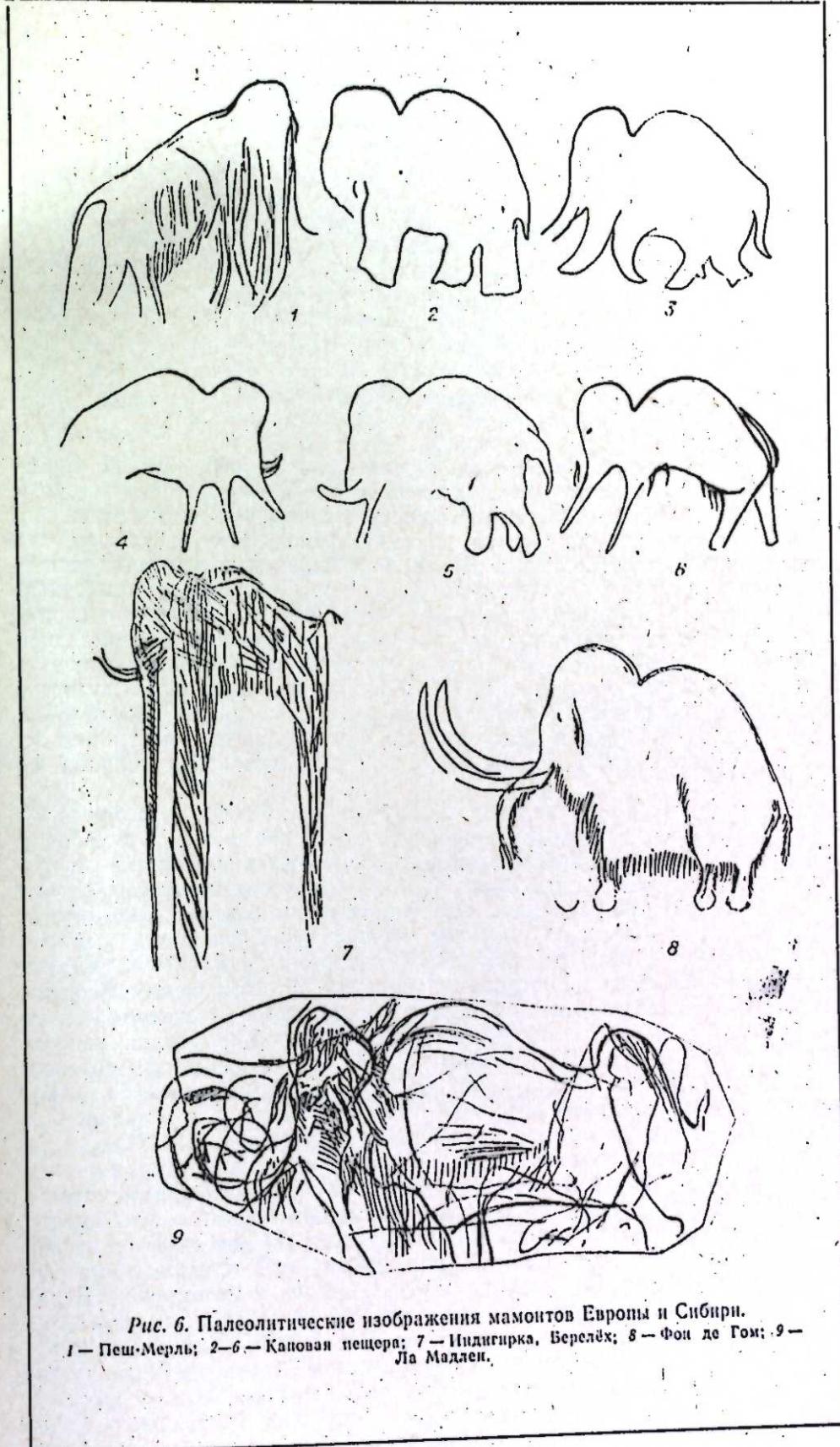

Рис. 6. Палеолитические изображения мамонтов Европы и Сибири.
1 — Пеш-Мерль; 2—6 — Кановая пещера; 7 — Индигирка, Берелх; 8 — Фон де Гом; 9 —
Ла Мадлен.

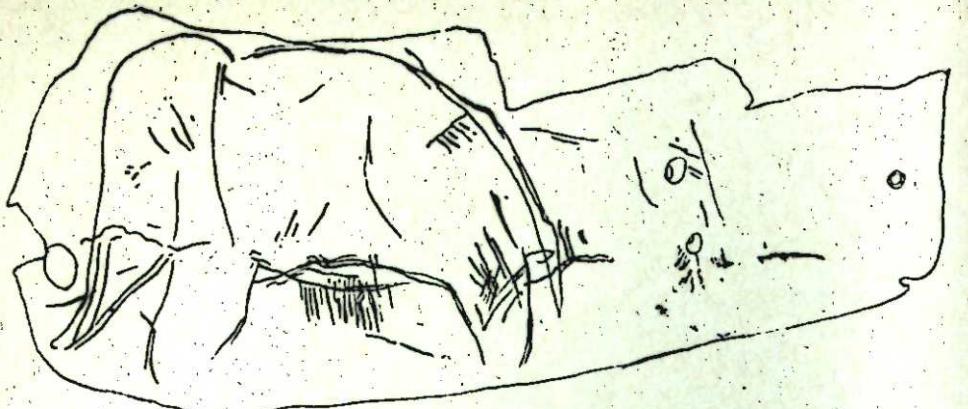

Рис. 7. Гравюра мамонта на пластине из бивня (Мальта, Прибайкалье).

ней части спины и глубокой седловидной впадины шеи. Линия спины по направлению к хвосту не спускается круто, а понижается плавно и едва заметно. Такая особенность в рисунке настолько неожиданна, что, если бы не так живо выписанные космы волос на теле животного, его следовало бы назвать слоном. Пожалуй, именно так выглядит спина у «слона, не покрытого шерстью» из пещеры Кастильо (рис. 5, 10). Правда, среди мамонтов из Фон де Гом у двух животных нет характерного горба на спине и едва намечена седловидная впадина шеи (рис. 5, 4). Почти в том же стиле прорисован контур спины и шеи у мамонта из Пеш-Мерля (рис. 6, 1). И все же крутизна линии спины у них гораздо значительнее и определенее по сравнению с рисунком из Делавэра. Отклонения в изображении контура спины у мамонта из Фон де Гом не выходят тем не менее из рамок строгих традиций и не нарушают их.

Если далее обратиться к другим наиболее существенным деталям рисунка, то нельзя не обратить внимания на то, что хобот у мамонта из Делавэра занимает необычное положение — он не опущен вниз, как у европейских мамонтов, и не поднят вверх на тело, а загнут впереди по ходу движения над острыми концами бивней. Кроме того, пожалуй, ни на одном из рисунков мамонтов в Евразии не выписан столь детально и эффектно волоссяной покров: художник-палеоиндейец не ограничился скучными штрихами условной «бахромы» или небрежной путаницей пересекающихся линий, а с помощью симметрично расположенных волнистых линий живо передал густой волоссяной покров, окутывающий всю переднюю часть туловища животного. В связи с этим следует по достоинству оценить художественные приемы, с помощью которых показаны развеивающиеся волосы на лбу делавэрского мамонта и на слегка выпуклой передней части спины его. Волосы на голове и спине мамонтов из Европы изредка изображались (рис. 5, 7, 11), однако стилистика рисунка там явно иная. Примечательно также, что художник из Делавэра нарисовал огромное ухо вместе с частично маскирующими его космами волос. На рисунках евразийских мамонтов уха, как правило, или совсем нет, или оно намечено слишком схематично. Миндалевидный разрез глаз у мамонта из Делавэра в большей степени отражает реальную форму глаза, чем неровные кружки, преобладающие на рисунках из Европы. Необычна для европейских изображений и форма крупы и задней части животного на пластине из Делавэра. В связи с этим непривычно низким кажется положение хвоста, на конце у которого отчетливо нарисован пучок волос — слишком характерная деталь, чтобы оставить ее без внимания.

Итак, выразительность оригинальных деталей гравюры североамериканского мамонта не вызывает сомнений. Помимо важности их для общих заключений необходимо подчеркнуть, что они полностью исключают возможные подозрения в подделке рисунка на амулете, ибо художник явно не следовал классическим образцам европейского палеолитического искусства, известным к началу последнего десятилетия XIX в. Разумеется, взятые в отдельности многие отмеченные выше черты рисунка из Делавэра можно при желании объяснить не устойчивыми традициями в культуре одной из оригинальных верхнепалеолитических провинций мира, а фактором относительно случайным, например индивидуальными наклонностями художника-исполнителя, его субъективным видением окружающей действительности. И все же, если рассматривать необычные детали гравюры в совокупности, то трудно избежать вывода, что палеоиндейцы Северной Америки создали свою собственную художественную школу, мастера которой, при общем сходстве в творчестве с их современниками в Евразии, сумели настроиться на особую тональность. Можно поэтому со значительной долей вероятности надеяться, что последующие открытия образцов палеоиндейского искусства подтвердят такое заключение, основанное пока на уникальном по художественной выразительности гравированном изображении мамонта и общих логических посылках.

Что касается последних, то основополагающее значение для их подкрепления приобретает своеобразие верхнепалеолитической культуры того района, где удалось обнаружить гравюру мамонта. Американские археологи, опубликовав этот выдающийся образец древнего искусства, не только воздержались пока от исчерпывающего анализа его и сравнения с результатами творчества палеолитических обитателей Евразии, но и не связали находку с определенным кругом поселений и конкретной культурой древнекаменного века Северной Америки. Между тем, если суммировать результаты исследований на востоке США памятников, датированных эпохой, предшествующей мезолиту, то удастся установить чрезвычайно важные обстоятельства⁹. Прежде всего, материалы таких поселений, как Барнес (район Великих Озер), Пернш (Кентукки), Вильямс (Виргиния, округ Динвидди), Шуп (Пенсильвания), Квод (Алабама), Хардвэй и Дэорит (Северная Каролина), Риган (Вермонт), Хавэй и Дэнн (Висконсин), Дебелар и Эн Арбор (Мичиган), Говинда (Нью-Йорк), Булл Брук (Массачусетс) и множество других в штатах Огайо, Теннеси, Джорджия, Индиана и Южная Каролина свидетельствуют о том, что к югу от Великих Озер на плато Камберленд и Алеган, в горах Аппалачи и Нотр-Дам, а также в прибрежных низменностях на юго-востоке США палеолитический человек появился достаточно рано. Во всяком случае здесь нередки открытия древнейших двусторонне обработанных наконечников типа сандия, а позже в тех же районах на базе клювов возникла своеобраз-

⁹ H. G. Wright, W. B. Roosa. The Barnes site... — "American Antiquity", 1966, vol. 31, № 6, 850—860; W. B. Roosa. Some Michigan fluted points types and sites. — "Michigan Archaeologist", Ann Arbor, 1963, vol. 9, № 3, 44—48; W. S. Webb. The Parish village site... — "University of Kentucky Reports in Anthropology", Lexington, 1951, vol. 7, № 6; J. Witthoft. A paleo-indian site in eastern Pennsylvania... — "Proceedings of the American Philosophical Society", Philadelphia, 1952, vol. 96, 464—465; R. J. Mason. The paleo-indian tradition in Eastern North America. — "Current Anthropology", 1962, vol. 3, № 3, 267—270; C. V. Haynes. Fluted projectile points: Their age and dispersion. — "Science", Washington, 1964, vol. 145, № 3629, 1408—1413; G. F. McDonald. A review of research on paleo-indian in Eastern North America. — "Arctic Anthropology", 1971, vol. 8, № 2, 27—42.

ная локальная верхнепалеолитическая провинция энтерлайн. Этот культурный комплекс предшествует фолсом (он древнее 12 тыс. лет) и для фауны его, как и для сандия и кловис, характерен мамонт, а не бизон, который, после того как вымерли гигантские толстокожие, стал главным объектом охоты на финальных стадиях позднего плейстоцена.

Одним из представителей восточноамериканской верхнепалеолитической культуры энтерлайн как раз и был, по всей вероятности, тот художник, который в районе Делавэра выполнил на раковине гравюру мамонта. Сандия и кловис считаются своеобразными культурами на фоне локальных подразделений древнекаменного века, в том числе севера Азии и американского континента. Комплекс энтерлайн к тому же представляет локальный ареал второго порядка в зоне распространения племен собственно кловис, что еще раз подчеркивает исключительную важность его своеобразия, отсутствие сколько-нибудь заметного влияния со стороны тех культур северо-запада континента, от которых могли исходить «импульсы», передающие идеи из сфер материальной и духовной жизни культур соседей палеоиндейцев и палеолитического населения Северной Азии.

Каменный инвентарь энтерлайн оригинален и выразителен (рис. 8). Его составляют, прежде всего, метательные наконечники типа кловис классических типов с желобками на обеих поверхностях и иногда с пришлифовкой сторон у основания и самого основания. Обнаружены также своеобразные пятиугольные и треугольные наконечники с массивными средней частью и основанием и специфические массивные острия камберленд с основанием в форме рыбьего хвоста, что свидетельствует об использовании их, как и острий кловис, при охоте на крупных толстокожих животных вроде мамонтов. В инструментарий энтерлайн входят двусторонне обработанные ножи, иногда с желобками, закреплявшиеся в рукоятках, крупные скребла и скребки, порой с выемками на конце, противоположном рабочему краю, множество проколов с небольшими тщательно ретушированными, клювовидными и проколковидными выступами, игловидные проколки и орудия многофункционального назначения (проколка — скребок — нож). Особого внимания заслуживают широко распространенные краевые резцы, которые часто изготавливались из обломков средних секций и оснований изделий с желобками. У части скребков энтерлайн отмечаются по сторонам характерные проколковидные выступы-шипсы. Ретушь высокосовершенна, тонка и изящна, но иногда крутяя, почти вертикальная. В качестве заготовок ведущих орудий использовались правильные ножевидные пластины и пластинчатые отщепы, сколотые с прямоугольных и линзовидных в поперечном сечении нуклеусов. В качестве рубящих орудий использовались реутилизированные «остаточные нуклеусы» и чопперы. Найдены, связанные с искусством, немногочисленны, поскольку исследования большинства стоянок комплекса энтерлайн ограничивались подъемными сборами на поверхности выдувов. К ним относятся кусочки графита, который использовался как красящее вещество, и подвески из агальматолита со сквозными отверстиями и вышлифованными в виде желобков углублениями, напоминающими желобки на метательных остриях типа кловис.

Такова в самом сжатом изложении характеристика локальной провинции культуры кловис на востоке США, с которой следует связывать палеоиндейскую гравюру мамонта из Делавэра. Комплекс энтерлайн — своеобразная и высокоразвитая верхнепалеолитическая культура Северной Америки. Не вызывает сомнения самостоятельное зарождение в ее недрах достижений, связанных со сферой материальной и духовной деятельности тех, кто оставил многочисленные памятники древнекаменного века к востоку от Великих равнин. Высокосовершенное искусство, к выдающимся образцам которого относится гравюра

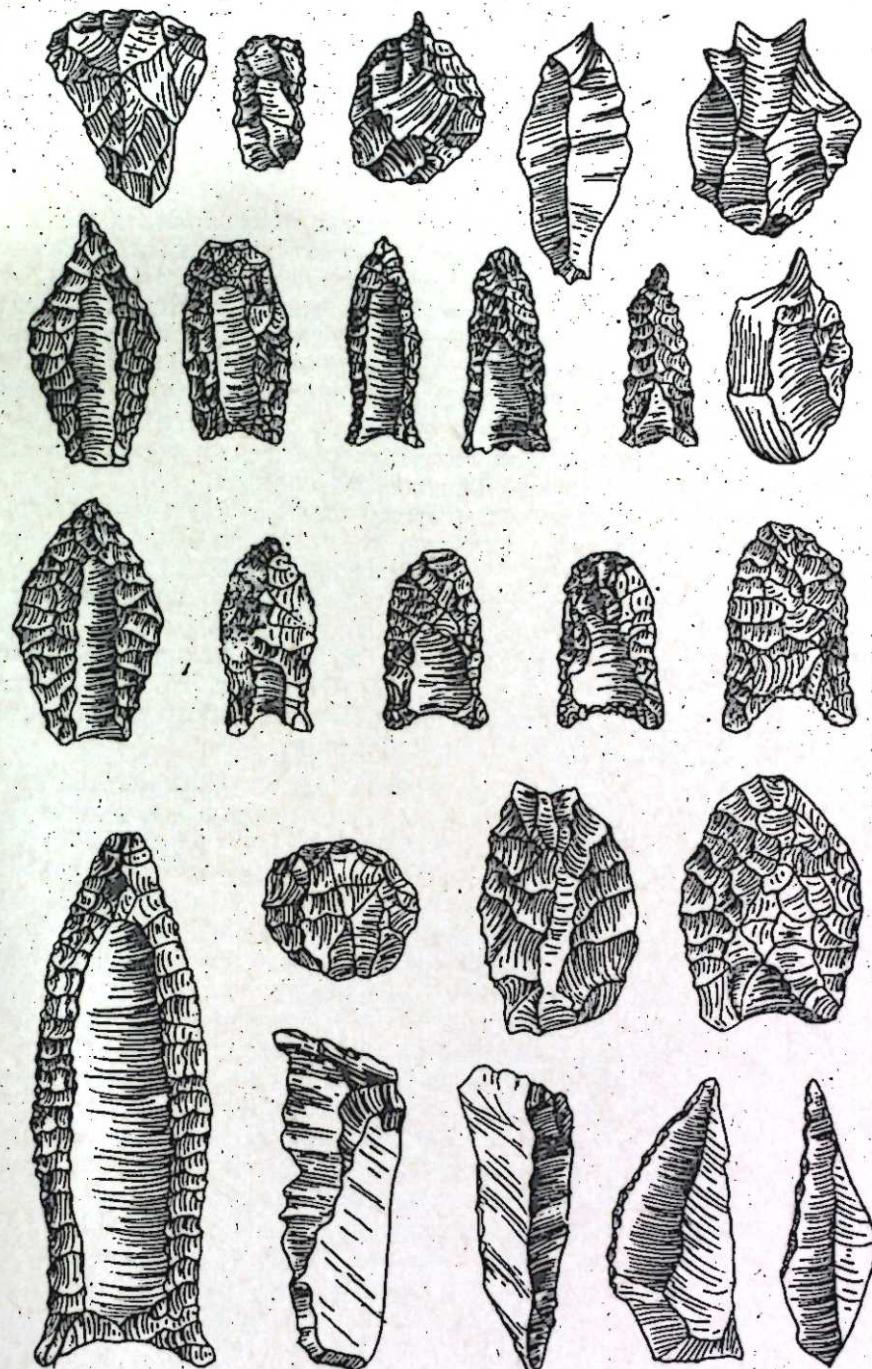

Рис. 8. Каменные изделия комплекса энтерлайн (вариант культуры кловис востока Северной Америки).

на раковине из Делавэра, представляет собой один из таких основополагающих элементов творчества палеоиндейцев, коренных обитателей юга североамериканского континента. Разумеется, при желании можно сконструировать головокружительную концепцию о трансконтинентальной миграции «художественно одаренного населения» Западной Европы через Сибирь в Америку или о загадочной «передаче идей» по сказочной эстафете через тысячекилометровые пространства. Такие взгляды

могут показаться правдоподобными, если признать за промежуточные звенья пункты открытия памятников с образцами палеолитического искусства — Каповую пещеру на Южном Урале, Мальту в Прибайкалье и, наконец, устье Индигирки (Берелёх) на крайнем северо-востоке Сибири, где недавно обнаружен бивень с выгравированным на его поверхности рисунком необычайно длинного и с длинным хоботом мамонта (рис. 6, 7)¹⁰.

Вряд ли, однако, будет оправдана такая искусственная реконструкция. Изолированность и своеобразие культуры кловис и не вызывающая сомнений, многократно подтвержденная идея о том, что единые природно-экономические условия формируют сходные черты первобытного общества и определяют одинаковые результаты деятельности его членов в материальной и духовной сферах жизни, позволяют рассматривать искусство палеоиндейцев юга Северной Америки как явление чисто конвергентное, появившееся без какого-либо влияния извне. Именно под таким углом зрения и следует анализировать гравюру мамонта на раковине из Делавэра.

В заключение необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Как уже отмечалось вначале, пластина из Делавэра представляет собой, по всей вероятности, амулет, который, судя по отверстиям на широком его конце, охотники или шаман прикрепляли к одежде. Любопытно, что такая же пара отверстий видна позади фигуры мамонта, выгравированной на обломке бивня, найденном в одном из жилищ Мальты (см. рис. 7). Очевидно, М. М. Герасимову посчастливилось обнаружить в Прибайкалье заготовку сходного по назначению амулета — подвески или браслета.

Институт истории,
филологии и философии
СО АН СССР,
Новосибирск

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 6, вып. 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

Е. А. ОКЛАДНИКОВА

ИСКУССТВО ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЧЕЛОВЕКА

(О работе П. Буш-Гимперы
«Происхождение охотников Америки
в свете новых аспектов палеолита Евразии»)

Благодаря открытым в последние десятилетия замечательным сокровищам наскального искусства в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке по-новому встает и проблема возникновения искусства древних американских охотников. Рассматривая вопрос о происхождении монументального искусства Франции или Африки, исследователи единогласно сходятся на том, что оно выросло на родине его создателей. В то же время, когда заходит речь о происхождении искусства древних американских охотников, обычно говорят о связи культуры первобытных обитателей Нового Света с культурами других областей мира, о заимствовании культурного опыта древним населением из Старого Света. Этим вопросам и посвящена статья латиноамериканского исследователя, большого знатока древностей Южной Америки П. Буш-Гимперы.

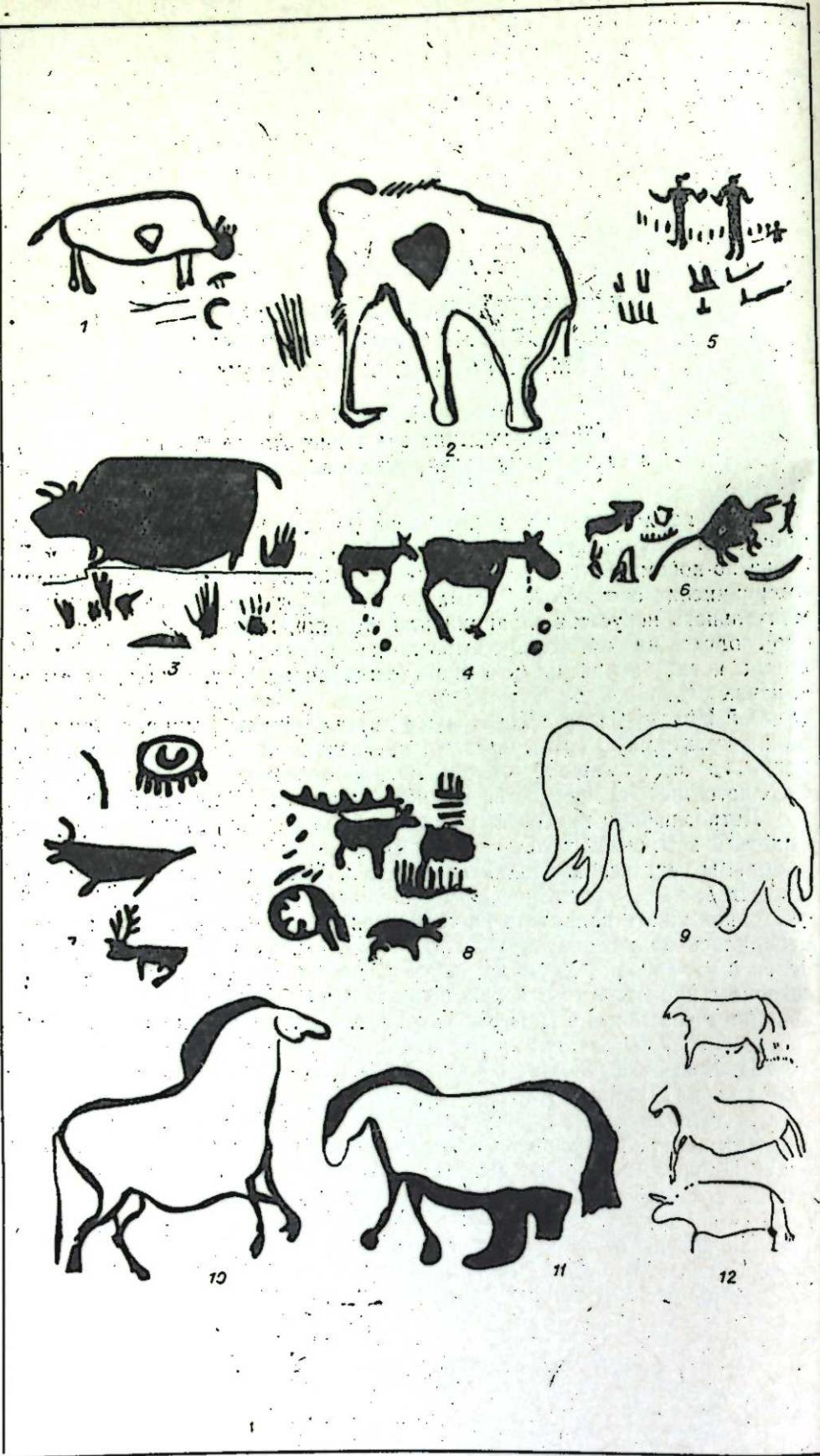
Петроглифы и пиктограммы, по мнению П. Буш-Гимперы, — неотъемлемый компонент культуры, особый ее аспект, важный для решения проблемы генезиса американских племен. Исследователь полагает, что искусство наскальных росписей появилось у древних американских охотников уже в палеолите на территории Северной Америки и распространялось на юг, в Южную Патагонию. Петроглифы связаны с толденской культурой Южной Патагонии, которая, как пишет автор, «явно северного происхождения». Они появились на той же стадии, что и наконечники с черешком в виде рыбьего хвоста и типа плэйнью.

Некоторым памятникам наскального искусства Патагонии, по мнению П. Буш-Гимперы, нет параллелей в Северной Америке. Изображения рук на скалах этого района могут быть соотнесены разве что с палеолитическими рисунками пещер Франции. Далее П. Буш-Гимпера рассматривает ход развития и проникновения наскального искусства в другие районы Америки: «Появившись в Патагонии, традиции его развились в натуралистических изображениях животных, в частности, найденных на скалах Калифорнии и Южной Америки¹. Особый интерес, с точки зрения исследователя, представляют рисунки и гравировки, обнаруженные в районе Великих Озер и опубликованные С. Дьюдини и К. Киддом². Эти авторы действительно собрали большое количество

¹ Pedro Bosch-Gimpera. Nuevos aspectos del paleolítico eurasiano en relación con el origen de los cazadores Americanos. Sobreíro de "Anales de Antropología". Mexico, 1968, vol. V, p. 175.

² S. Dewdney, K. E. Kidd. Indian rock paintings of Great Lakes.— Quidos foundation. University of Toronto Press, 2 ed. Toronto, 1967.

¹⁰ В. Е. Флинт. Уникальная находка в Берелёхе. Древность или современность? «Природа», 1972, № 8; О. Н. Бадер. Палеолитическая гравировка из Индигирского Заполярья. Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

рисунков, среди которых изображения оленей, лосей и других животных, солярные диски, лодки, антропоморфные изображения.

Из многих рисунков П. Бош-Гимпера выделил несколько изображений животных, нарисованных красной краской на светлом фоне скалы. В числе наиболее интересных рисунков бизон (рис., 1), найденный на р. Владвии, в Канаде. Один из авторов книги С. Дьюдни, тонкий наблюдатель, художник по профессии, увидев это изображение в природе, описывает его так: «Пункт, где найдено изображение бизона, находится в сотнях миль к северу от земель Национального парка, где обитали эти стада в древности. Но художник ясно показал свое знание облика животного, что предполагает либо то, что он часто охотился южнее реки Владвии, или был сам родом с юга. Видно сразу, что у бизона ясно обозначено сердце, что все еще остается для меня неразрешимой загадкой. Фотография передает это впечатление от рисунка, хотя и не совсем убедительно. Одной из особенностей этого рисунка является также то, что копыта бизона изображены овальными. Как-то несколько месяцев назад, перелистывая книгу о наскальных рисунках в Ляско, я встретил совершенно ту же манеру исполнения ног бизонов»³.

П. Бош-Гимпера тоже уделил внимание именно этим двум существенным моментам, характеризующим изображения как несравненно более древние, чем окружающие их рисунки: копытам бизона и сердцу животного.

В памяти и в самом деле сразу же возникает известное изображение слона во Франции (рис., 2). Могучее тело животного кажется незначительным, второстепенным при первом же взгляде на огромное, как будто плавающее, красное сердце, которое занимает чуть ли не одну шестую часть всего изображения. Рядом с фигурой слона сохранились пять вертикальных полос, выполненных той же краской. Магическое число пять, возможно, символизирующее пять пальцев руки, «действие», «владение», сопровождает это одно из самых выразительных произведений палеолитического искусства Франции.

Изображения человеческих рук, подчеркивает П. Бош-Гимпера — наиболее распространенный сюжет среди петроглифов Великих Озер. Но они встречаются и рядом с другими рисунками на скалах Патагонии⁴.

Руки сопровождают рисунок бизона с залива Вайтфиш в Канаде (рис., 3). Под ногами этого животного изображены три ладони с четко обрисованными пятью пальцами, а также две трехпалые руки и одна с двумя пальцами. С. Дьюдни и К. Кидд обнаружили это изображение южнее залива Девилз. С. Дьюдни описывает его так: «Первым рисунком, безошибочно определенным нами как изображение бизона, был рисунок, который я встретил далеко к северу, на реке Владвии. Здесь же, в заливе Вайтфиш, расположенному в сотнях миль от места, где распространены бизоны (т. е. от р. Владвии — Е. О.), рисунок был другим. Это уже не тот аккуратный рисунок владвийского бизона, а более живой. Рядом с первым животным был, кажется, нарисован еще один зверь, слева от него... Изображения бизона сопровождаются отпечатками рук и другими знаками. Под рисунками лежало очень красивое жертвоприношение из молитвенных палочек»⁵. Той же живописной манерой исполнения, которая присуща изображению бизона с р. Вайтфиш, придерживались создатели рисунков лосей с озера Кадл⁶ (рис., 4), а также композиции с заливом Каши, где представлены две антропоморф-

³ S. Dewdney, K. E. Kidd. Op. cit., p. 170.

⁴ Pedro Bosch-Gimpfer. Op. cit., p. 170.

⁵ S. Dewdney, K. E. Kidd. Op. cit., p. 55.

⁶ Ibid., p. 35.

ные фигуры, сопровождаемые рядами изображений (рис. 5)⁷. Известна фигура бизона, атакующего охотника с копьем (рис. 6)⁸.

Видимо, в более позднее время, когда на скалах появлялись росписи, теряет реалистические черты, характеризующие самому древнему стилю росписей, найденных на берегах Великих Озер. Прежним мастерам с Великих Озер свойственны живые и яркие оттенки от увиденного в природе, умение передать это впечатление, состоящее в изображении чутко-массы, формы, объема, блестящих отражений и кончиков объемом «слепой» силуэт.

Однако дышащее правдой живое искусство охотников палеолита неизбежно сменяется искусством более схематичным.

Смена этих двух художественных стилей может быть прослежена и в искусстве Америки. Рисунки из книги С. Тьамани и К. Килда (рис. 7, 8) принадлежат второму стилю более схематичному, оканчивающемуся от первого скопостью живописного замка, то есть не сохранившему художественную выразительность. П. Буш-Гимпера справедливо считает, что часть рисунков, найденных на скалах Великих Озер и более схематичных, создавалась в более позднее время. Рассматривая рисунки кораблей, П. Буш-Гимпера утверждает, что они рассказывают нам о колонизации белых людей⁹. С этим трудно согласиться: древние художники оставили изображения не европейских кораблей, а туземных лодок, иногда длинных, со многими гребцами, показанными простыми вертикальными линиями; есть и байдарки с двумя сидящими в них людьми. Изображений больших парусных судов, какие сохранились, например, на скалах Норвегии, здесь нет. Лодки — не случайный элемент петроглифов Великих Озер. Их появление может быть связано со знаменитыми «ладьями в страну предков», солнечным культом, широко известным по находкам на скалах Белого моря, Онежского святилища, среди петроглифов Шишкинских скал, на Томи, на берегах Амура.

Внимание П. Буш-Гимпера привлекает вопрос о преемственности и традиционности в наскальном искусстве Америки. Многое в прикладном искусстве XIX в., где особенно большое место занимают изделия из кожи, идет от художественной манеры исполнения древних мастеров. Переходят и сюжеты. Существование подобного рода традиций, считает П. Буш-Гимпера, доказывает, что Северная Америка должна была иметь свое палеолитическое искусство. Именно это начальное искусство наскальных росписей с севера распространилось на юг, в Патагонию. Отсутствие образцов палеолитической наскальной живописи в промежуточной области Америки может быть объяснено либо тем, что их пока еще не открыли, либо плохими климатическими условиями для их сохранности¹⁰.

П. Буш-Гимпера указывает на то, что между рисунками Патагонии и пещерным искусством Франции имеется немалое сходство. Благодаря открытиям палеолитической живописи на Урале (Каповая пещера, рис. 9), рисункам эпохи мезолита и неолита на Байкале (в Прибайкалье), а также на Амуре можно указать путь распространения наскального искусства франко-кантабрийского типа на восток, т. е. из Франции сначала в Восточную Европу, конкретно на юг России. В этой связи П. Буш-Гимпера ссылается на сводку немецкого ученого Хауслера¹¹. Он упоминает и о гравировках Каменной могилы, соглашаясь

⁷ Ibid., p. 34.

⁸ Ibid., p. 125.

⁹ Pedro Bosch-Gimpera. Op. cit., p. 171.

¹⁰ Ibid., p. 176.

¹¹ A. Häusler. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg. Ges. Sprachw. Halle, 1963, XII S. 889—922.

с мнением советских ученых, которые видят в одном из рисунков изображение мамонта, и считают гравировку интересным памятником наскального искусства.

По мнению П. Буш-Гимпера, существует еще один путь, по которому искусство палеолитической Франции проникло из Европы в страны Средиземного моря и на юг России. На этот путь указывают недавно открытые и опубликованные проф. Эвансоном де Лондерсом материалы по древнему искусству Греции. Среди них фигуры животных, изображения мамонтов, скульптура малых форм, палеолитические «Венеры».

Прослеживая возможные связи палеолитического искусства Западной Европы с востоком, П. Буш-Гимпера сопоставляет далее наскальные росписи Ляско и Каповой пещеры. Он находит сходство удивительным: из-за этого сходства рисунки Каповой пещеры можно спутать с рисунками Ляско¹².

С этим трудно полностью согласиться хотя бы потому, что в деталях облик животных во французских пещерах (Ляско, рис., 10) отличен от росписей Каповой пещеры (рис., 9).

Далее, монохромная силуэтная живопись пещер Франции датируется ориентиром, что же касается Каповой пещеры, то О. Н. Бадер считает, что можно предварительно датировать рисунки верхнего этажа Каповой пещеры мадленским или даже несколько более поздним временем¹³. Он же отмечает отличие французских и североиспанских рисунков от изображений Каповой пещеры. В последней более широко представлен мамонт, который играл особую роль в охотниччьем быту верхнепалеолитического населения Восточной Европы.

И все же общее сходство палеолитических росписей пещер Франции и Каповой пещеры бесспорно. Кроме того, среди рисунков Каповой пещеры есть великолепные изображения носорога и приземистой лошади (рис., 11). Изображение лошади особенно близко к рисункам этих же животных в Ляско (рис., 10).

Изображения низкорослой лошади, сохранившие все пропорции тела животного, но воспроизведенные несколько более схематично, обнаружены и на Шишкинских скалах, и еще далее на восток, на Лене (рис., 12). И пусть сопоставление покажется вольным, но бизон с берегов р. Владивостока художественно повторяет черты сохранившегося рядом с лошадью быка Шишкинских скал. Черты сходства выражаются в следующем: вытянутая, чуть наклоненная шея; закругленная морда; массивное туловище, где спина обозначена прямой линией; длинный свисающий хвост. Это стилистическое сходство сибирских изображений может подтвердить гипотезу П. Буш-Гимпера о проникновении искусства наскальных росписей и гравировок из Европы и с Урала в Сибирь, а оттуда через Берингов пролив в Северную Америку. Затем, как пишет автор, «возможно, что вместе с древними охотниками наскальное искусство проникло через всю Америку в Патагонию».

Исследователь отмечает и другое: охотники Северной Америки и Азии в древности были близки друг другу по роду своих занятий. Это относится в Сибири к обитателям оз. Байкал и их современникам, жившим южнее, а в Америке — к охотникам Великих Озер¹⁴.

Отсюда напрашивается вывод, который не был сделан четко автором рассматриваемой книги, о возможном параллелизме развития культур и в том числе наскального искусства двух областей мира — Старого и Нового Света. Иначе говоря, в эволюции наскального искусства Старого и Нового Света в сходных природных и экономических условиях имела место конвергенция.

¹² Pedro Bosch-Gimpera. Op. cit., p. 173.

¹³ О. Н. Бадер. Каповая пещера. Л., 1960, с. 20.

¹⁴ Pedro Bosch-Gimpera. Op. cit., p. 176.

П. Биш-Гимпера, однако, поддерживает теорию о зависимости культуры американских охотников на мамонтов и полагает, что она находится в зависимости от культуры тех же охотников ледникового времени в районе оз. Байкал. Этот взгляд кажется исследователю более верным. Во всяком случае при современном уровне наших знаний он столь же вероятен, как и мысль о самостоятельном развитии искусства первобытных охотников американского континента.

Конечно, пока еще недостаточно фактов для установления палеолитического возраста известных наскальных изображений американского континента, не разработаны их хронология и стратиграфия. Но привлечение такого своеобразного источника, как наскальные изображения, для выяснения генезиса древнейших культур Америки, и Северной, и Южной, расширяет поле поисков и может дать новые данные для освещения этой проблемы, волнующей ученых с момента открытия европейцами Нового Света. В этом плане инициатива П. Биш-Гимперы, несомненно, заслуживает внимания.

Ленинградское отделение
Института археологии
АН СССР

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 6, вып. 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

В. Н. КАРПОВИЧ

ОСТЕНСИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Обсуждая вопрос об альтернативных теориях, одинаково хорошо объясняющих данные опыта, но противоречащих друг другу, некоторые авторы опираются на допущение, что нам даны все возможные предположения наблюдения, фиксирующие данные опыта¹. Такое предположение нереально в том смысле, что в нем потенциальная бесконечность общественной и научной практики берется как актуализированная бесконечность. В настоящей статье мы попытаемся показать, что есть и другой, менее очевидный смысл, в котором предположение о данными всех предложений наблюдения является весьма сильной абстракцией от действительного положения вещей.

В работе польского логика М. Пшеленцкого «Логика эмпирических теорий» доказывается, что всякий язык наблюдения с необходимостью содержит термины, пронтерпретированные с помощью так называемых оstenсивных определений, т. е. посредством указания на объекты, представляющие собой значения определяемого термина². Сама по себе эта мысль не нова. Уже в работе Д. Кемени «Новый подход к семантике» отмечалось, что при интерпретации языка наблюдения область определения переменных, или, иначе, универсум рассуждения, действительно, задается оstenсивно³. Пшеленцкому удалось показать, что не только универсум рассуждения, но и значения некоторых предикатов тоже должны быть заданы оstenсивно.

Действительно, кроме формального доказательства, приводимого Пшеленцким, в качестве обоснования этой точки зрения можно сослаться еще и на следующее рассуждение. Как известно, косвенный способ обоснования предложения состоит в дедуктивном выведении его из других, уже обоснованных предложений. Следовательно, дедуктивный метод обоснования предложения предполагает существование недедуктивного, прямого метода обоснования. Ученый должен иметь возможность устанавливать истинность какого-то предложения без ссылки на другие предложения. Наблюдение и есть основной метод обоснования предложений в эмпирических науках; предложения наблюдения — это те, истинность которых устанавливается прямым наблюдением. Таким образом, утверждения о наблюдаемых объектах лежат в основе всего научного знания, и любое положение в эмпирических науках либо является предложением наблюдения, либо выведено из таковых с помощью правил логики.

Сказанное позволяет утверждать, что в том случае, когда некоторый язык является языком наблюдения, вопрос о применимости преди-

¹ J. English. Underdetermination: Craig and Ramsey. — "Journal of Philosophy", 1974, vol. 72, p. 453—462; W. V. Quine. Word and object. Cambridge Mass., 1960, § 6.

² M. Rzelecki. The logic of empirical theories. London, 1969, Ch. 4.

³ G. Кемени. A new approach to semantics.— "Journal of Symbolic Logic", 1956, vol. 21.

ката P к некоторому объекту x должен быть разрешим, по крайней мере для некоторых предикатов и объектов, с помощью прямого наблюдения, без обращения к анализу каких-либо вербальных определений этого предикатного знака. Это же и означает, что смысл и значение предикатного знака P были установлены посредством неверbalного, оstenсивного определения.

Если предполагать, что нам даны все истинные предложения наблюдения, то в основе этого предположения непременно лежит другое, гласящее: всякий предикат наблюдения разрешим с помощью имеющихся у нас методов наблюдения. Действительно, предположение о данности всех истинных предложений наблюдения основано на убежденности в отсутствии «сомнительных» случаев, когда невозможно решить, присущ или не присущ предикат P некоторому объекту x . Однако оправдано ли такое предположение для предикатов наблюдения, значение которых устанавливается оstenсивным определением? Думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Оstenсивное определение некоторого термина считается обычно процедурой, устанавливающей то, к чему относится знаковое выражение, но не путем верbalного описания этого объекта, а путем непосредственного ознакомления с некоторыми предметами⁴. Непосредственность ознакомления в данном случае предполагает, что те предметы, с которыми мы знакомимся, суть объекты конкретные, чувственно воспринимаемые, так как для восприятия человеком объекта x последний должен оказывать воздействие на его органы чувств. Ясно, что абстрактные объекты, например множества или отношения, таковыми не являются. Тем не менее значением предикатного знака являются именно множества или отношения. Отсюда следует, что само по себе значение предикатного знака не может быть объектом непосредственного ознакомления. Однако неверно было бы на этом основании считать, что предикатный знак нельзя определить оstenсивно. Исследовательская практика показывает, что это постоянно делалось и делается в различных эмпирических науках. Объективную основу возможности оstenсивного определения в этом случае составляет то обстоятельство, что значение предикатного знака, будучи абстрактным объектом, в то же время образовано совокупностью конкретных объектов, вполне доступных для непосредственного ознакомления.

Определяя значение предикатного знака P оstenсивно, мы указываем на некоторые конкретные объекты, принадлежащие области истинности этого предиката, и некоторые другие конкретные объекты, которые не входят в эту область. Иначе говоря, мы приводим примеры разрешимых атомарных предложений, образованных из имен некоторых объектов и определяемого предикатного знака. Те из указанных объектов, для которых верно P , — типичные положительные примеры, те же, для которых имеет место $\neg P$, — типичные отрицательные примеры. Эффективность такого способа интерпретации предикатного знака P существенно зависит от возможности указать все объекты, обладающие свойством P или $\neg P$. Как правило, такой возможности нет по двум причинам. Во-первых, множества объектов, обладающих свойством P или свойством $\neg P$, могут оказаться бесконечными, обычно они таковыми и являются. Во-вторых, даже если одно из этих множеств окажется конечным, не все объекты, принадлежащие ему, могут быть доступны при осуществлении процедуры оstenсивного определения.

Для того чтобы пояснить сказанное выше, рассмотрим, как осуществляется оstenсивное определение какого-нибудь предиката, обозна-

чающего цвет, скажем, предиката «красный». Выявление для обучаемого того инварианта, к которому относится данное слово, обычно происходит путем перебора некоторых красных и некрасных предметов с одновременным произнесением слов «красный», и «некрасный». Очевидно, что таким способом мы не сможем исчерпать ни множества всех красных вещей, ни множества всех некрасных вещей. Более того, это и не входит в нашу задачу. Мы отнюдь не преследуем цели найти все красные предметы, поскольку знаем, что их множество постоянно обновляется: одни красные предметы появляются, другие перестают существовать. Примеры перечисляются не для того, чтобы указать все объекты, к которым применяется рассматриваемый предикат, а лишь для того, чтобы указать некоторые типичные случаи применения предиката «красный» к наблюдаемым объектам.

Следствие подобной установки — такая характерная черта оstenсивно определяемых предикатов, как их неполнота, наличие у них некоторой области неопределенности⁵. Всегда найдутся объекты, в результате приписывания которым оstenсивно определяемого предиката возникает предложение, истинность которого невозможно предвидеть из определения. В этой ситуации не остается иного выхода, как принимать некоторое соглашение, дополняющее оstenсивное определение таким образом, чтобы все предложения с предикатом наблюдения были разрешимыми. (Можно, конечно, обойтись и без принятия такого соглашения, если использовать логику с третьим, кроме истинности и ложности, значением «неопределенно». Однако в настоящей статье мы предполагаем, что логикой эмпирических теорий является классическое исчисление предикатов с равенством.) При ограничении области определенности оstenсивно заданного предиката лишь приведенными при его определении типичными положительными и отрицательными примерами их неполнота становится очевидной. Однако и в том случае, когда разрешимыми оказываются не только предложения, заданные при оstenсивном определении, область определенности предиката наблюдения все-таки не совпадает со всем универсумом рассуждения.

Попытаемся обосновать это положение. Рассмотрим некоторый язык наблюдения L . Естественно предположить, что универсум рассуждения при его интерпретации состоит только из наблюдаемых объектов т. е. из чувственно воспринимаемых конкретных предметов. Обозначим этот универсум символом V . Очевидно, что существуют такие элементы универсума V , которые совершенно определенно принадлежат области истинности предиката P , равно как и такие, которые столь же определенно не принадлежат множеству, являющемуся значением этого предиката. Каждое подмножество универсума рассуждения, которое может быть значением предикатного знака P , должно включать первые объекты и исключать вторые. Объединение этих двух множеств объектов образует то, что мы выше называли областью определенности предиката P . Мы видели, что в эту область определенности могут входить не только положительные и отрицательные типичные примеры, но и некоторые другие объекты, которые схожи с данными примерами. Все, что схоже по внешнему облику с приведенными положительными примерами, квалифицируется как P , все, что схоже с отрицательными, — как $\neg P$. Трудность заключается в том, что всегда найдутся такие предметы, для которых вопрос о их схожести с положительными или отрицательными примерами неразрешим. Сходство по внешнему облику, являющееся единственным критерием принадлежности к значению предикатного знака P , задано с помощью лишь немногих примеров. Качества же предметов изменяются не дискретно, а континуально. Это значит,

⁴ Д. П. Горский. Определение (логико-методологические проблемы). М., 1974, с. 84.

⁵ Д. П. Горский. Указ. соч., с. 37.

что рано или поздно мы столкнемся с вещами, относительно которых трудно сказать, обладают они рассматриваемым свойством или нет. Эти объекты столь же схожи с положительными примерами, сколь и с отрицательными. Следовательно, их можно включать, а можно и не включать в значение предикатного знака *P*. Оба решения будут одинаково произвольными. Такие предметы принадлежат к области неопределенности знака *P*. Допущение непустоты этой области — фундаментальная черта любого языка наблюдения.

Следствием существования области неопределенности для предикатов наблюдения является то, что совокупность всех предложений не может быть задана вполне однозначно. Даже если рассматривать универсум рассуждения для языка наблюдения как актуально наличный, то и в этом случае вследствие постепенности переходов одного качества в другое найдутся такие объекты, для которых приписывание или не-приписывание им некоторого предиката наблюдения остается делом конвенции. Значит, предположение о данности всех предложений наблюдения — абстракция не только от потенциально бесконечного прогресса знания, но и от элементов конвенции в результатах наблюдения.

Не следует интерпретировать этот вывод как упрек в чрезмерном огрублении действительного положения дел тем исследователям, которые пользуются в своих рассуждениях абстракцией «совокупность всех возможных предложений наблюдения». Без огрубления реальных ситуаций вообще никакое познание невозможно, в том числе и рефлексия над самим процессом познания. «Изображение движения» мыслью есть всегда огрубление... и не только движения, но и всякого понятия» — писал В. И. Ленин⁶.

Ни в малейшей степени не претендую на безусловно верное описание процесса познания, мы ставили перед собой более скромную задачу: показать, где и как происходит упрощение реальной ситуации, когда рассуждение ведется в предположении данности всех возможных предложений наблюдения. Действительно, абстракция правомерна лишь в том случае, когда она не закрывает путь к воспроизведению в мышлении объекта исследования во всей его конкретности, а это, в свою очередь, предполагает знание того, от чего и как абстрагируются.

Институт истории, филологии
и философии СО АН ССР,
Новосибирск

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК ССР

№ 6, вып 2

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1976

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Я. Гущин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушкин. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941 гг.). Новосибирск, «Наука», 1975. 287 с.

«Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»¹. Изучение истории становления и развития колхозного строя — одна из важнейших задач советской исторической науки. Теоретическое обобщение опыта социалистического преобразования сельского хозяйства в нашей стране необходимо как для решения современных задач дальнейшего развития сельского хозяйства, так и для творческого его использования другими странами, строящими социализм.

Из всех периодов колхозного строительства вторая половина 30-х годов остается пока наименее изученной, хотя именно в эти годы «социалистические производственные отношения в советской деревне окончательно утвердились и были оформлены в законодательстве и на практике, колхозный строй полностью сложился»². Рецензируемая монография Н. Я. Гущина, Э. В. Кошелевой и В. Г. Чарушкина «Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941)» явилась заметным вкладом в научную разработку проблем колхозного строительства этих лет. Если не считать научно-популярной книги М. А. Вылицана, написанной на общесоюзном материале, то эта работа — первое монографическое издание, рассматривающее проблемы довоенной деревни на материалах такого крупного региона, как Западная Сибирь.

Монография написана на основе богатейшей источниковой базы. Во введении дана общая характеристика двух периодов второй половины 30-х годов (1935—1937 и 1938—июнь 1941 гг.), поставлены цели исследования и кратко проанализирована литература по рассматриваемой теме. Авторы совершенно правы, делая вывод о том, что «многие вопросы социально-экономического и общественно-политического развития колхозного крестьянства Западной Сибири в предвоенные годы либо совсем не изучены, либо освещены в публикациях преимущественно иллюстративно» (с. 10). Недостаточно исследован сам процесс колхозного строительства в 1935—1941 гг., не разработаны глубоко такие важные вопросы, как научная обоснованность путей упрочения колхозного строя, социально-экономическое положение колхозного крестьянства, степень технической реконструкции производственных процессов, подготовка и движение кадров, формы и методы работы партийных организаций по развитию общественно-политической активности колхозников и др.

Правда, на эти темы написаны отдельные статьи. Заслуга авторов монографии состоит в том, что они предприняли попытку, на наш взгляд, удачную, провести комплексное исследование истории колхозного крестьянства Западной Сибири в довоенные годы.

В первой главе исследуются вопросы, связанные с завершением колективизации крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственным укреплением колхозов. Ноябрьский (1934 г.) Пленум ЦК ВКП(б) подвел итоги колхозного строительства в предшествующие годы и поставил в этой области новые задачи, подчеркнув, что «важнейшей задачей партии» по-прежнему остается «борьба за дальнейший подъем сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства»³. К концу второй пятилетки уровень колективизации крестьянских хозяйств Западной Сибири достиг 94%, превысив тем самым общесоюзные показатели. Авторы указали на одну из особенностей колективизации во второй пятилетке, которая была обусловлена общими закономерностями социалистического строительства и связана с быстрыми темпами индустриального развития Западной Сибири: уровень колективизации «новышался не только за счет вновь вовлеченных в колхозы крестьянских хозяйств, но и в результате сокращения сельского населения, происходившего вследствие массового оттока колхозников и единоличников в быстро растущую индустрию» (с. 25).

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 328.

² Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971, с. 245.

³ КПСС в «резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1971, т. 5, с. 203.

Известно, какую большую работу проделала наша партия в предвоенные годы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. В рецензируемой книге показаны конкретные формы и конечные результаты этой работы.

Особый интерес представляет вторая глава: «Численность и состав колхозного крестьянства». Известно, что колхозное строительство в 30-е годы сопровождалось большими изменениями в численности и структуре колхозного крестьянства. Авторы монографии приходят к совершенноциальному выводу: «Одна из основных закономерностей миграционных процессов в рассматриваемый период заключалась в возрастании роли Коммунистической партии и Советского государства в регулировании социального развития деревни» (с. 71).

Развитию производительных сил и производства колхозной деревни посвящена третья глава монографии. Машиноооруженность колхозов Западной Сибири была значительно выше, чем в среднем по стране, и лишь по некоторым показателям уступала членам зерновым районам. В монографии представлены обобщенные данные, касающиеся различных аспектов производства и заготовок в колхозах Западной Сибири. Их подача в динамике позволяет выявить закономерности процессов, которые происходили в этой области в рассматриваемые годы. Сложная международная обстановка тех лет требовала «максимальной мобилизации ресурсов страны на создание современной индустрии и обороны» (с. 165).

Несомненный интерес представляет и четвертая глава монографии, где речь идет о повышении материального и культурного уровня колхозного крестьянства. В этой главе подчеркивается мысль, что основой социально-экономического развития колхозного крестьянства и его материального благосостояния является общественное хозяйство, ведущую роль в их жизни играло общественное хозяйство. Много внимания удалено вопросам развития социалистического соревнования тружеников села. Совершенно правильно указывают авторы на воспитательное воздействие социалистического соревнования, на его большую роль в деле «воспитания социалистического сознания у крестьянства» (с. 224).

И последняя, пятая глава монографии посвящена общественно-политической жизни колхозного крестьянства. Вначале рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью на селе партийных и комсомольских организаций, а также органов государственной власти — Советов. Последние три года предвоенного периода характеризовались значительным ростом первичных партийных организаций: в Западной Сибири за это время количество партийных организаций, кандидатских и партийно-комсомольских групп в колхозах увеличилось примерно в 3, а коммунистов в них — в 2,7 раза (с. 230). Быстро росли и комсомольские организации.

Те изменения, количественные и качественные, которые произошли в колхозном крестьянстве, привели к заметному росту его общественно-политической активности. Это проявлялось во все возрастающем участии колхозников в политической жизни страны, в посвящении ими различных проблем внутренней и внешней политики нашей партии.

В заключении монографии делается правильный вывод: «Основные закономерности процесса формирования и развития колхозного крестьянства в Западной Сибири были те же, что и в целом по стране, и определялись общностью основных тенденций социально-экономического развития в социалистическом строительстве» (с. 284).

Анализ содержания и структуры монографии показывает, что в ней дано систематизированное и комплексное освещение основных проблем колхозного строительства во второй половине 30-х годов. Усиливает аргументированность выдвигаемых авторами положений материал, представленный в таблицах (их всего 94). Следует отметить также высокую культуру оформления научного аппарата монографии.

В качестве пожеланий авторам этой интересной книги следует высказать следующее. Прежде всего не лишним было бы несколько расширить историографический обзор литературы по тем проблемам, которые выделены во введении в качестве главных целей исследования (с. 5). Поскольку изложение вопросов, касающихся двух периодов (1935—1937 и 1938—июнь 1941 гг.), в каждой главе монографии, за исключением первой, ведется в рамках общих параграфов, то не всегда четко прослеживается качественное своеобразие рассматриваемых периодов: переходного периода от капитализма к социализму и периода завершения строительства социализма.

В целом монография Н. Я. Гущина, Э. В. Кошелевой и В. Г. Чарушкина представляет собой серьезное, многогранное исследование, внесшее весомый вклад в научную разработку аграрной политики Советского государства. Можно только пожелать, чтобы подобное монографическое освещение получила история колхозного крестьянства и других периодов, например послевоенного (1946—1958 гг.), глубокая научная разработка которого пока еще отстает от того, что сделано по предшествующим периодам.

С. Ф. Орлинский

Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, изд-во Томского ун-та, 1975.

Издательство Томского государственного университета выпустило в свет сборник статей «Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР», посвященный 70-летию со дня рождения видного советского историка, лауреата Государственной премии, заведующего кафедрой истории СССР советского периода ТГУ Израиля Менделевича Разгона.

Сборник открывается статьей М. Е. Плотниковой, в которой дана обстоятельная характеристика творческого пути И. М. Разгона, отмечен широкий диапазон его исследований по истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР, показана роль, которую сыграл историк в постановке изучения борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, а также по достоинству оценена его большая работа в области подготовки квалифицированных кадров историков Сибири и Дальнего Востока. Остальные статьи сборника посвящены актуальным вопросам истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР и условно могут быть подразделены следующим образом: проблемно-методологические и историографические работы; статьи, освещающие предыдущие Октябрьской революции и конкретный ход борьбы за установление и упрочение Советской власти; статьи, затрагивающие разнообразные сюжеты истории гражданской войны и интервенции (в первую очередь в Сибири).

Статья Ю. А. Полякова «Некоторые вопросы расстановки классовых сил в гражданской войне» представляет собой раздумья автора о некоторых мало изученных вопросах теоретического анализа объективного процесса перегруппировки социально-классовых сил в ходе гражданской войны, которая определила в конечном счете ее победоносный исход в пользу Советской власти. В статье М. Б. Шенфельда «Ленинская концепция истории Сибири» содержится заслуживающие внимания соображения по ряду вопросов, особенно по живо обсуждавшемуся в исторической литературе вопросу о характере буржуазной аграрной эволюции в Сибири.

Среди работ историографического характера статья Е. Г. Гимпельсона «Литература о Советах первого года социалистической революции (ноябрь 1917—1918 гг.)». Освещая сложные пути изучения в нашей исторической литературе первых шагов государственной деятельности Советов, автор обоснованно формулирует проблемы, над исследованием которых предстоит еще немало трудиться советским историкам. Это история большевистских фракций во всех звеньях системы Советов, процесс складывания советской формы диктатуры пролетариата и др.

Новые объективно проанализированные данные о научной деятельности историка Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе Н. Л. Яичевского содержатся в статье К. А. Хмелевского. Некоторые аспекты новейшей англо-американской буржуазной литературы по гражданской войне и иностранной интервенции в СССР критически рассматриваются в статье С. Ф. Фоминых.

Статья Д. М. Зольникова «Влияние состава населения на формирование рабочих Сибири накануне Октябрьской революции» расширяет наши представления о конкретных источниках пополнения и формирования сибирского отряда рабочего класса, дает возможность составить более точные количественные его характеристики в канун Октября. Статьи В. А. Соловьевой «Революционизация трудящихся масс томской деревни (август—октябрь 1917 гг.)» и Л. И. Боженко «О продовольственном положении Западной Сибири накануне социалистической революции» раскрывают еще недостаточно изученные грани созревавшего в стране осенью 1917 г. общенационального кризиса.

Важные стороны сложного процесса борьбы за победу Октября в различных районах страны, диалектика общего и особенного в нем освещаются в статьях А. Я. Грунта «К вопросу о составе Московского военно-революционного комитета», А. А. Говоркова «К истории установления Советской власти в уездных центрах и волостях Курской губернии в 1917—1918 гг.», Е. И. Медведева «Партийное строительство в Среднем, Поволжье в период установления и упрочения Советской власти», Н. В. Березнякова «В. И. Ленин — организатор и вдохновитель трудящихся Молдавии на борьбу за власть Советов», Н. П. Трофимова, В. П. Шишко «В. И. Ленин и большевистская печать Дальнего Востока в период установления и укрепления Советской власти (март 1917—июнь 1918 г.)», Г. А. Кордонского «Установление Советской власти в сельской местности Западной Сибири (декабрь 1917—июнь 1918 г.)».

Существенные проблемы в освещении некоторых моментов деятельности советской дипломатии в первые годы пролетарской диктатуры восполняются в статьях И. И. Минца «Срыв Антанты переговоров Советского правительства о всеобщем мире» и Г. Е. Рейхберга «Ленинская политика мира и США (1918—1921 гг.)». И. И. Минц обратил внимание на некоторые сложные и еще недостаточно изученные в нашей исторической литературе маневры империалистов США и Англии, направленные на втягивание Советской России в неравную схватку с кайзеровской Германией. Г. Е. Рейхберг приводит новые материалы о диверсиях американских правящих кругов в 1918—1920 гг. против внешней политики страны Советов и борьбе с ними прогрессивных сил США.

Новизна фактического материала, плодотворные соображения отличают статью Л. М. Горюшкина «Деятельность Советов Сибири по организации сельскохозяйственного производства в первой половине 1918 г.», раскрывающую административно-хозяйствен-

ную деятельность Советов Сибири в деревне в первый период существования Советской власти.

Вопросы истории гражданской войны и интервенции в СССР нашли отражение в статьях П. Б. Мосесова «Из истории совместной борьбы и боевого содружества народов Кавказа (1917—1921 гг.)», А. И. Мельнина «В боях за Симбирск (страницы биографии Н. М. Шверника)», Н. П. Эмирова «Участие горцев Дагестана в обороне Астрахани в 1918—1920 гг.», Л. М. Зак «Из истории борьбы советского народа против интервенции Антанты в 1919 г.», В. А. Кадейкина «Из истории борьбы Коммунистической партии против анархистских тенденций в партизанском движении», В. С. Познанского «Белый террор «демократической» контрреволюции» в борьбе с Советской властью в Сибири, И. Д. Эйгорна «Контрреволюционная деятельность церковников Сибири в годы гражданской войны».

В статье Н. П. Эмирова приведен свежий фактический материал, раскрывающий яркие страницы героической обороны Астрахани в годы гражданской войны. Малоизвестные стороны истории «демократической контрреволюции» в Сибири затрагиваются В. С. Познанским. Обобщенный им материал убедительно свидетельствует о том, что «демократическая контрреволюция» в Сибири явилась прологом колчаковщины по всей линии политического фронта борьбы, в том числе и в области организации целенаправленного белого террора против трудящихся масс и их революционного авангарда.

Сборник не лишен недостатков. В частности, нельзя в полной мере согласиться с высказанными М. Е. Плотниковой соображениями относительно некоторых недостатков монографии И. М. Разгона «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе, 1917—1920 гг.». Отдельные недочеты этой монографии связаны с общим уровнем изучения гражданской войны на Северном Кавказе в конце 30-х годов, когда некоторые важные стороны борьбы за власть Советов в этом районе рассматривались без должной связи с событиями в центре страны.

Вызывают возражения отдельные положения в целом содержательной и посвященной исключительно острой теме статьи В. А. Кадейкина. Трудно, например, согласиться с утверждением автора о том, что «отзвуки анархистских проповедей (в ряде буржуазных стран.—Б. Ш.) проникают и в нашу литературу» (с. 309). Тем более, что В. А. Кадейкин не приводит никаких конкретных данных в подтверждение выдвинутого положения.

Однако отдельные просчеты не могут изменить в целом благоприятного впечатления от сборника, который не только представляет собой заслуженную дань уважения профессору И. М. Разгону, но и вносит много нового в освещение тех проблем истории Октября и гражданской войны в СССР, исследование которых так много сил и энергии отдал учений.

Б. М. Шерешевский

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ФИНЛЯНДИИ

Финская школа логики и методологии в настоящее время одна из ведущих в применении новых идей логической семантики к анализу философских проблем. Я. Хинтикка, Г. фон Рихт, Э. Стениус, Р. Хилпинен, Р. Туомела, И. Нининикуто внесли значительный вклад в решение философских проблем математической логики и естественных наук. Сегодняшний уровень логико-методологических исследований в Финляндии отражает ежегодник Финского философского общества «Ajatus» («Мысль», гл. ред.—Ю. Мянинен). Рецензируемый тематический выпуск ежегодника за 1975 г. посвящен проблемам восприятия. Значительное число статей представлено зарубежными авторами.

В статье Г. Анскомб «Субъективность ощущения» анализируется понятие «цвета» с целью выявления степени его субъективности. Автор выделяет пять различных смыслов слова «субъективность», которые постоянно смешиваются друг с другом в литературе о познании и восприятии. В связи с этим вводится понятие «устойчивого цвета», которое является элементом концепции видимости, хотя здесь речь идет о суждениях, доступных проверке. Поэтому «существовать» не значит «быть воспринимаемым». Этот результат свидетельствует о возможности концептуальных опровержений ряда версий субъективного идеализма.

М. Вартовский в статье «Восприятие, представление и формы действия: к исторической эпистемологии» пытается показать, что почти все распространенные теории восприятия ошибочны в принципе, поскольку они антиисторичны. Его аргумент заключается в том, что восприятие само по себе является такой формой действия человека, которая изменяется в ходе истории. Автор критикует традиционную антиисторическую философию восприятия, идущую от Платона, контекстуальные и ситуационные теории восприятия, а также натуралистические эволюционные теории (Дьюи, Ницше, Куайи, Поппер, Тулмин), которые остаются в рамках биологической модели эволюции. Эти последние теории наиболее близки к его собственной, хотя в них еще не сделан решительный шаг к утверждению историчности восприятия и не установлено соотношение его с другими формами социо-исторического действия или практики.

И. Нарский в статье «Вопрос об объективном содержании ощущений», анализируя историю философских споров о «первичных» и «вторичных» качествах, пришел к выводу, что в этих спорах кроме собственно философских заблуждений возникли и многие семантические неточности. Автор подчеркивает, что верное решение проблемы объективности «вторичных» качеств дал В. И. Ленин, выступивший как против отождествления ощущений со свойствами внешних объектов, так и против противопоставления их этим свойствам и развивший концепцию диалектико-материалистического и — в данном случае — диспозиционного отражения. Ощущениям присуща особая неизобразительная (в отличие от восприятий) объективность, что и вытекает из указанного понимания отражения.

В основе статьи Я. Хинтика «Информация, причинность и логика восприятия» лежит семантический анализ перцептуальных понятий, намеченный в общих чертах в предыдущей работе автора — «О логике восприятия». Этот анализ довольно хорошо согласуется с общими идеями, выдвинутыми недавно некоторыми ведущими психологами восприятия, и может быть рассмотрен как определенное следствие тезиса об информационном характере непосредственного восприятия.

В статье Д. Фоллесдаля «Теория восприятия Гуссерля» дается обзор основных аспектов названной теории. Согласно Брентано и Гуссерлю, все сознательные акты, в том числе и восприятие, являются направленными или интенциональными. Предполагается, что основные понятия феноменологической теории восприятия — иозма и иозис — интенциональные понятия.

Некоторые основные черты феноменологии восприятия Гуссерля освещаются в статье Э. Стрекера «О феноменологической теории восприятия». Из представленного материала становятся ясными как достижения, так и ограниченность феноменологического метода. Автор исследует иозму и иозис восприятия, их взаимоотношения.

А. Кивинен в статье «Наиболее простой и распространенный аспект опыта» представляет интерпретацию взглядов Рассела на «знание — знакомство». Автор показывает, что большинство замечаний, которые основываются на случайных фактах употребления в английском языке слов «знакомство» и «знает», не имеет отношения к расселовской концепции, в которой термин «знакомство» является техническим философским термином.

Кроме того, в ежегоднике опубликованы статьи М. Дюфрене «Об эстетическом восприятии», С. Маравского «Мимезис», К. Апеля «Проблема окончательного подтверждения в свете трансцендентальной прагматики языка», К. Фиана «Постоянные и меняющиеся направления среди современных перцептуальных теорий», Л. Раутилы «Восприятие и интерпретация», Р. Халлера «Восприятие и выводы».

Рецензируемый выпуск «Ajatus» дает целостное представление о состоянии зарубежных исследований по проблеме логических реконструкций концепции восприятия.

В. В. Петров, В. В. Целищев

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

Главный редактор журнала чл.-корр. **М. Ф. Жуков**

Заместитель главного редактора д-р техн. наук **В. Г. Дулов**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ответственный редактор серии акад. **А. П. Окладников**

Д-р эконом. наук **К. А. Багриновский**, канд. филос. наук **В. И. Бойко**,
канд. ист. наук **Л. М. Горюшкин**, д-р ист. наук **Н. Я. Гущин**, д-р ист. наук
А. П. Деревянко, д-р ист. наук **В. Е. Ларичев** (отв. секретарь серии),
канд. эконом. наук **Е. Д. Малинин**, д-р ист. наук **А. С. Московский**, д-р
эконом. наук **Б. П. Орлов** (зам. ответственного редактора), канд. филол.
наук **Ю. С. Постнов**, канд. филос. наук **О. С. Разумовский**, канд. ист.
наук **Р. С. Русаков** (зам. ответственного редактора), д-р филол.
наук **Е. И. Убягатова**, д-р филол. наук **А. И. Федоров**

Адрес редакции: 630099, Новосибирск, 99, ул. Советская, 18, комн. 331.

Редактор **Т. Б. Мелкозерова**
Художественный редактор **Э. С. Филонычева**
Технический редактор **Ф. Ф. Орлова**
Корректоры **Н. В. Клопотная, В. К. Тришина**

Сдано в набор 17 февраля 1976 г. Подписано к печати 17 мая 1976 г. МН 02052. Формат 70×105^{1/16}.
Бумага типографская № 2. 10 печ. л., 14 усл.-печ. л., 14 уч.-изд. л. Тираж 1715 экз. Заказ № 53.
Цена 70 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Математические вопросы построения моделей.
Мироносецкий Н. Б., Андерсон А. Р. Управление подготовкой производства.
Мироносецкий Н. Б. Моделирование процессов создания и выпуска новой продукции.
Научно-технический прогресс. Моделирование народного хозяйства.
Моделирование развития и размещения производства в черной металлургии.
Экономико-статистическое моделирование в промышленности.
Оптимизация развития и размещения нефтегазовой промышленности.
Левицкий Е. М. Адаптация в моделировании экономических систем.
Модели и методы анализа экономических целенаправленных систем.
Бюджет времени (вопросы изучения и использования).
Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири.
Оптимизационные балансовые модели народного хозяйства.
Математическое моделирование в социологии.
Кулецов В. В., Лукацкая М. Л., Ягольницер М. А. Проблемы статистического моделирования и оптимизации отраслевых планов.

Книги высыпаются наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22. Магазин «Наука».

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусийская стоянка).
Ларичева И. П. Палеонидийские культуры Северной Америки.
Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.
Горюшкин Л. М., Бочanova Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Конец XIX — начало XX в.
Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья.
Деревянко Е. И. Троицкий могильник.
Ельницкий Л. А. Скифы евразийских степей (историко-археологический очерк).
Медведев В. Е. Культуры амурских чжурчжэней (конец X—XI век).
История городов Сибири досоветского периода.
Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв.
Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.

Книги высыпаются наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22. Магазин «Наука».

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464, Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110, Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига».

- 480391, Алма-Ата, 91 ул. Фурманова, 91/97;
- 370005, Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005, Днепропетровск, 5, проспект Гагарина, 24;
- 734001, Душанбе, 1, проспект Ленина, 95;
- 664033, Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;
- 252030, Киев, 30, ул. Ленина, 42;
- 277012, Кишинев, 12, ул. Пушкина, 31;
- 443002, Куйбышев, 2, проспект Ленина, 2;
- 192104, Ленинград, Д/120, Литейный проспект, 57;
- 199164, Ленинград, Менделеевская линия, 1;
- 199004, Ленинград, 9 линия, 16;
- 103009, Москва, ул. Горького, 8;
- 117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076, Новосибирск, 76, Красный проспект, 51;
- 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22;
- 620151, Свердловск, 151, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700029, Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
- 700100, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 634050, Томск, 50, наб. реки Ушайки, 18;
- 450075, Уфа, 75, Коммунистическая ул., 49;
- 450075, Уфа, 75, проспект Октября, 129;
- 720001, Фрунзе, 1, бульвар Дзержинского, 42;
- 310003, Харьков, 3, Уфимский пер., 4/6.

Цена 70 коп.

Индекс 70380